

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский научный центр

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2014

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2015

УДК 001
ББК 72г(2)
Т78

Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2014 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. — СПб.: Наука, 2015. — 151 с.

ISSN 2313-8092
ISBN 978-5-02-038450-7

Редакционная коллегия:

акад. *Н. Н. КАЗАНСКИЙ* (председатель), *Е. А. ИВАНОВА* (ученый секретарь),
чл.-кор. РАН *В. Е. БАГНО*, чл.-кор. РАН *Е. В. ГОЛОВКО*, *Г. В. ДВАС*,
чл.-кор. РАН *И. И. ЕЛИСЕЕВА*, *Э. И. КОЛЧИНСКИЙ*, акад. *А. В. ЛАВРОВ*,
В. П. ЛЕОНОВ, чл.-кор. РАН *И. П. МЕДВЕДЕВ*, чл.-кор. РАН *С. И. НИКОЛАЕВ*,
чл.-кор. РАН *Е. Н. НОСОВ*, акад. *В. В. ОКРЕПИЛОВ*,
чл.-кор. РАН *М. Б. ПИОТРОВСКИЙ*, *И. Ф. ПОПОВА*,
акад. *И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ*, *Э. А. ТРОПП*, *И. В. ТУНКИНА*,
Т. В. ЧЕРНИГОВСКАЯ, *Ю. К. ЧИСТОВ*

ISSN 2313-8092
ISBN 978-5-02-038450-7

© Санкт-Петербургский научный центр РАН,
2015
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2015

И. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ — ИСТОЧНИК РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ГУМАНИТАРИЕВ

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ

ИДЕИ В. И. ВЕРНАДСКОГО ОБ ЭВОЛЮЦИИ БИОСФЕРЫ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ¹

Отечественные ученые, опираясь на идеи В. И. Вернадского об эволюции биосферы, сделали возможной количественную оценку степени воздействия органической эволюции на химическое строение биосферы, ее биомассу и продуктивность, биогеохимические функции и энергетику. Вместе с тем мы находимся только в начале пути перехода от натурфилософских спекуляций к точному количественному выражению главных тенденций и закономерностей в эволюции биосферы.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, биосфера, эволюция, видообразование, биогеохимические функции, биогенные вещества, биотический круговорот.

13 марта 2013 г. исполнилось 150 лет со дня рождения великого русского отечественного естествоиспытателя, мыслителя и организатора науки Владимира Ивановича Вернадского. В его трудах были впервые поставлены многие глобальные проблемы, на которые акцентировали внимание ученые лишь десятилетия спустя после его смерти. К их числу относится и проблема эволюции биосферы, которой зоолог и эколог М. М. Камшилов посвятил первое монографическое исследование,² привлекшее внимание ученых разных стран и специальностей. К настоящему времени опубликовано немало работ на тему эволюции биосферы.³ Тем не менее многие авторы ограничиваются описани-

© Э. И. Колчинский, 2015. Санкт-Петербургский филиал Института истории и естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия.

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 112-03-00239 «Сравнительный анализ восприятия теории эволюции в меняющемся научном и социально-культурном контексте разных стран: празднование юбилеев основоположников эволюционной теории в конце XIX—начале XXI в.» и посвящена 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского.

² Камшилов М. М. Эволюция биосферы. М., 1974.

³ Wahlert G., von. Evolution als Geschichte des Ökosystems «Biosphäre» / U. Kattmann, G. Wahlert, von, J. Weninger. Evolutionsbiologie. Köln, 1978. S. 23—70; Evolution der Biosphäre / U. Jüdes, G. Eulefeld, Th. Kapune. Köln, 1978. S. 23—70; Salthe S. H. The evolution of the Biosphäre: Towards a new mythology // World Futures. 1990. Vol. 30. P. 53—57; Проблемы доантропогенной эволюции биосферы / Отв. ред. А. Ю. Розанов. М., 1993; Левченко В. Ф. Эволюция биосферы до и после появления человека. СПб., 2003; Эволюция биосферы и ее биоразнообразие / Отв. ред. С. В. Рожнов. М., 2006; Проблемы зарождения и эволюции биосферы / Ред. Э. М. Галимов. М., 2008.

ем отдельных популяций, видов, экосистем, входящих в биосферу в качестве элементарных компонентов. Вместе с тем в различных отраслях отечественного естествознания, связанных с изучением биосферы, за последние десятилетия накапливались данные о том, что эволюция органического мира изменяет химическое строение и энергетику биосферы, ее биогеохимические функции и биотический круговорот.⁴ В данной статье предпринята попытка показать, что В. И. Вернадский понимал под эволюцией биосферы и какие он видел подходы к ее изучению, а также дать краткий обзор направлений отечественной естественной науки и дающих возможность на эмпирической основе ставить задачи для изучения эволюции биосферы как целостной системы.

Идеи В. И. Вернадского об эволюции биосферы

Начиная с работ, написанных в конце 1920-х гг.,⁵ и в посмертно изданных трудах⁶ В. И. Вернадский неоднократно обращался к проблемам эволюции биосферы как результату взаимодействия органического мира с окружающей средой. Ведущая роль в этом взаимодействии принадлежит жизни, которую он признавал «великим, постоянным и непрерывным нарушителем химической косности нашей планеты». «Эволюционный процесс живых существ, — подчеркивал В. И. Вернадский, — непрерывно в течение всего геологического времени охватывает всю биосферу и различным образом, менее резко, но сказывается на ее косных телах. Уже по одному этому мы можем и должны говорить об эволюционном процессе самой биосферы в целом».⁷ Он постоянно обращался к мысли о том, что в истории биосферы растет «мощность выявления живого вещества», а следовательно, увеличивается его преобразующее воздействие на атмосферу, гидросферу и литосферу.

Эволюцию биосферы Вернадский связывал с постоянным противоречием между безграничной способностью организмов к размножению и ограниченностью в каждый момент геологической истории имеющихся для них ресурсов. Разрешалось это противоречие возникновением новых видов, способных овладеть новыми источниками вещества и энергии и экономно их использовать. Это вело к возникновению новых ниш и увеличению разнообразия органических форм, а в конечном итоге к общему усложнению структуры биосферы, к расширению ее области.

Подчеркивая неразрывную связь эволюции видов с эволюцией биосферы, Вернадский искал интегральные характеристики последней, ее специфические закономерности и тенденции. Преобразования химического состава видов, их общей биомассы и геохимической энергии он рассматривал прежде всего в плане влияния этих преобразований на химическое строение биосферы, ее биогеохимические функции и энергетику.

⁴ Лано А. В. Следы былых биосфер. 2-е изд. М., 1987.

⁵ Вернадский В. И. 1) О размножении организмов и его значении в механизме биосферы / Изв. АН СССР. Сер. 6. 1926. Т. 20, № 12. С. 1053—1060; 2) Эволюция видов и живое вещество // Природа. 1928. № 3. С. 227—250.

⁶ Вернадский В. И. 1) Химическое строение биосферы Земли. М., 1965; 2) Живое вещество. М., 1978.

⁷ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Кн. 2. М., 1977. С. 18.

В эволюции биосферы Вернадский выделял несколько тенденций: расширение области миграции элементов в связи с захватом жизнью новых зон обитания; усиление преобразующего влияния жизни на среду; ускорение темпов миграции элементов в биосфере; появление качественно новых форм биогенной миграции элементов, не связанных непосредственно с внутриорганизменным метаболизмом (строительная и предметная деятельность животных); усиление отдельных биогеохимических функций (например, кальциевой на границе протерозоя и фанерозоя); аккумуляция солнечной энергии в поверхностных оболочках Земли. Эти преобразования шли в соответствии с тремя биогеохимическими принципами, сформулированными Вернадским. Суть их заключалась в том, что все преобразования живого вещества направлены на достижение максимума в биогенной миграции атомов.

Современные данные подтвердили установленные Вернадским тенденции в эволюции биосферы и позволяют их конкретизировать. При этом мы исходим из того, что параметрами биосферы как целостной системы служат ее общая биомасса и биологическая продуктивность, энергетика и информационная «емкость», биогеохимические функции и планетарный биотический круговорот. Их изменения дают интегральные характеристики исторических преобразований биосферы.

Однако следует отметить, что в основе идей Вернадского лежали не только данные естественных наук (эволюционной теории, минералогии, геохимии, экологии и биогеографии, термодинамики). Немалую роль играли и такие общеметодологические и философские принципы, как системность, целостность, прогрессизм, а также платонизм и картезианство. На его воззрения о биосфере повлияли в какой-то степени и общеэкономические и социологические представления о разделении и производительности труда, теория сравнительных преимуществ, относительная замкнутость и воспроизводство цикла, кооперация и конкуренция, разработанные в трудах А. Смита, Д. Рикардо, С. А. Подолинского и др.

Эволюция биомассы биосферы и ее биологической продуктивности

Вопрос об изменении общей биомассы биосферы и ее продуктивности трактуется в литературе неоднозначно. Одни авторы считают, что устойчивость биосферы в течение геологического времени возможна только при постоянстве ее биомассы и среднего химического состава живого вещества. Другие полагают, что непрерывное возрастание разнообразия органического мира, экспансия жизни на поверхности Земли и образование все более сложных и продуктивных сообществ свидетельствуют об увеличении биомассы и продуктивности биосферы. Преодоление этих расхождений возможно путем сопоставления результатов исследований содержания ископаемого органического вещества и современных экосистем.

Еще в начале 1950-х гг. битумолог В. А. Успенский,⁸ отмечая уменьшение среднего содержания органического углерода по мере увеличения ката-

⁸ Успенский В. А. Баланс углерода в биосфере в связи с вопросом о распределении углерода в земной коре. Л., 1956. С. 85.

генетической изменчивости пород, попытался количественно выразить эту тенденцию. По данным геолога А. Б. Ронова, несмотря на чередование эпох обогащения и обеднения осадочных толщ остаточным органическим веществом, в целом наблюдается тенденция к возрастанию углеродистых соединений в породах с продвижением их вверх по стратиграфическому разрезу.⁹ Среднее содержание органического углерода в кайнозойских отложениях 0.81 %, в мезозойских — 0.66, в палеозойских — 0.44 и в верхнепротерозойских — 0.26 %. Оценивая эти факты, Ронов пришел к выводу, что они объясняются увеличением биомассы, усилением фоссилизации и потерями летучих соединений древними отложениями. Этот вывод был поддержан многими геологами и геохимиками (Н. Б. Вассоевич, А. В. Сидоренко, Н. М. Страхов, В. М. Швец и др.), пытавшимися на основе данных о содержании ископаемого органического вещества в метаморфизированных породах различных фаций количественно оценить увеличение биомассы. Так, с точки зрения геолога Н. М. Страхова, переломным моментом в возрастании общей биомассы стало завоевание жизнью суши. «Завоевание континентов, — писал он, — сопровождалось резким возрастанием общей биомассы живого вещества. Она по крайней мере удваивается. В океане также продолжается рост биомассы и расползание живой материи по дну — бентос захватывает новые участки глубокого дна; продвигается в пелагическом направлении и планктон, что несомненно также увеличивает биомассу морских организмов».¹⁰ По мнению геохимика С. Г. Неручева, в течение фанерозоя биопродуктивность биосферы увеличилась в 3.5—7 раз.¹¹

Но вряд ли данные об органическом веществе в осадочных породах могут стать исходными для выводов о количественных показателях биомассы прошлых биосфер, так как скорость перехода органического вещества в ископаемое состояние изменялась. Мы не знаем, какая часть отмиравшей биомассы фоссилизировалась. Если принять вывод микробиолога В. О. Таусона о непрерывном возрастании интенсивности и объемов деструктивной деятельности микроорганизмов,¹² становится ясным, что в ходе эволюции биосферы все большая часть биомассы вновь поступала в биотический круговорот после захоронения. К аналогичному выводу пришел ботаник А. П. Хохряков, который считал, что в эволюционном ряду «хвойные леса—лиственные леса—травянистые сообщества» шло уменьшение процента органики, поступавшей в захоронение.¹³

Данные о содержании органического углерода в горных породах должны оцениваться с учетом исследований биомассы и продуктивности современных экосистем, если каждую из них рассматривать как модельную систему какого-либо этапа в эволюции биосферы. Особенно перспективно сравнение океана и суши, так как долгое время жизнь преимущественно концентрировалась в

⁹ Ронов А. Б. Общие тенденции в эволюции состава земной коры, океана и атмосферы // Геохимия. 1964. № 8. С. 397—409.

¹⁰ Страхов Н. М. Развитие литогенетических идей в России и СССР. М., 1971. С. 549.

¹¹ Неручев С. Г. Возможная масса и продуктивность биосферы в фанерозое и эпохи образования каустобиолитов // Палеонтология и эволюция биосферы: Тез. докл. XXI сессии Всесоюз. палеонтол. об-ва. Л., 1979. С. 38—40.

¹² Таусон В. О. Наследство микробов. Л., 1947.

¹³ Хохряков А. П. Эволюция биоморф растений. М., 1981.

гидросфере. В этом отношении уникальное значение имели сводки по биологической продуктивности наземных сообществ, подготовленные в середине 1960-х гг. почвоведом Н. И. Базилевич и геоботаником Л. Е. Родиным, а также труды по продуктивности водоемов, инициированные Г. Г. Винбергом и продолженные А. Ф. Алимовым. Валовая продукция современного живого вещества континентов, по данным Н. И. Базилевич, Л. Е. Родина и Н. Н. Розова, равняется 172.6 млрд тонн,¹⁴ что по крайней мере в три раза выше продукции океана, обычно оцениваемой в пределах 45—60 млрд тонн.¹⁵ Еще более убедительны данные о биомассе в экосистемах, различающихся по геологическому возрасту. В океане, биологическая структура которого сложилась в палеозое, биомассу обычно оценивали в 3.42 млрд тонн сухого вещества. В более молодых наземных экосистемах она, по разным оценкам, колебалась в пределах от 1800 до 3100 млрд тонн. Даже при столь существенных расхождениях в оценках биомассы континентов был справедлив вывод, что биомасса океана в общем балансе по весу играет незначительную роль.¹⁶ Живое вещество суши превышает живое вещество океана в 550—900 раз. Это свидетельствует о существенном возрастании биомассы в ходе эволюции биосферы.

Для понимания закономерностей в эволюции биомассы и биологической продуктивности биосферы важны данные, суммированные Н. И. Базилевич, Л. Е. Родиным и Н. Н. Розовым.¹⁷ Из составленной ими таблицы видно, как менялось соотношение между биомассой продуцентов, с одной стороны, и консументов и редуцентов — с другой. Если в океане биомасса продуцентов составляет всего $\frac{1}{16}$ общей массы, то в наземных экосистемах соотношение другое. Здесь преобладает биомасса продуцентов, более чем в 99 раз превышающая общую биомассу консументов и редуцентов. Подобное соотношение сложилось не сразу, а после появления гомойотермных животных. Не случайно С. С. Шварц оценивал это событие как революцию в трофической структуре биосферы, ибо потребление громадного количества энергии для поддержания физиологического оптимума птиц и млекопитающих предполагало дополнительные запасы биомассы на низших уровнях трофических цепей.¹⁸ Если в древних наземных ценозах биомасса растений лишь в 4—5 раз превышала биомассу животных и не менее 15 % энергии, накопленной в низших звеньях пищевой цепи, переходило в верхние звенья, то в третичных ценозах биомасса автотрофов уже в сотни раз превышала биомассу консументов. Здесь только 2—3 % ее идет на построение их органов и на размножение. Это также свидетельствует о зависимости трофической структуры биосферы, ее биомассы и биопродуктивности от доминирующих организмов.

¹⁴ Базилевич Н. И., Родин Л. Е., Розов Н. Н. Сколько весит живое вещество планеты? // Природа. 1971. № 1. С. 46—53.

¹⁵ Богоров В. Г. Биологическая продуктивность океана и особенности ее географического распределения // Вопросы географии. Сб. 84. М., 1970. С. 80—102; Винберг Г. Г. Биологическая продуктивность водоемов // Экология. 1983. № 3. С. 312.

¹⁶ Базилевич Н. И. Биогеохимия Земли и функциональные модели обменных процессов природных экосистем // Тр. Биогеохим. лаб. 1979. Т. 17. С. 55—73.

¹⁷ Базилевич Н. И., Родин Л. Е., Розов Н. Н. Сколько весит живое вещество планеты?

¹⁸ Шварц С. С. Эволюция биосферы и экологическое прогнозирование // Вестник АН СССР. 1976. № 2. С. 61—72.

Изменение энергетики биосферы

Еще физики Л. Больцман и Ю. Р. фон Майер во второй половине XIX в. выдвинули идею о том, что эволюция жизни нарушает второй закон термодинамики, так как ведет к уменьшению энтропии. Основными способами увеличения энергии в биосфере является фотосинтез, накопление свободного кислорода и захват растениями новых зон жизни. Благодаря организмам и продуктам их жизнедеятельности солнечная энергия аккумулируется в горючих ископаемых и биогенных минералах. В итоге прогрессивно увеличивается запас превращаемой энергии в поверхностной оболочке земли. Многие геологи считают, что аккумулированная организмами солнечная энергия содержится не только в горючих ископаемых, но во всех биоминералах, образованных при участии как самих организмов, так и продуктов их жизнедеятельности. Кристаллограф Н. В. Белов предложил называть такие минералы геохимическими аккумуляторами.¹⁹

Увеличение биомассы и накопление ископаемого органического вещества изменяло энергетику биосферы. По самым грубым подсчетам, в месторождениях горючих ископаемых сконцентрировано более 10^{13} органического вещества, а всего в осадочных породах их на два-три порядка больше. Энергия, содержащаяся в осадках, равняется примерно 10^{25} Дж. Кроме того, значительная часть энергии, аккумулированная ранее организмами, представлена в форме поверхностной энергии дисперсных частиц в зоне выветривания.

Развивая идеи, что борьба за существование — это прежде всего борьба за энергию, ботаник В. Л. Комаров в 1921 г. высказал мысль, что увеличение биоразнообразия представляет собой способ усложнение циклов трансформации энергии на Земле и повышение энергетической эффективности жизни.²⁰ Это обеспечивалось, по мнению геоботаника Е. М. Лавренко²¹ и геофизика Г. Ф. Хильми,²² выработкой у растений адаптаций к максимальному поглощению солнечной энергии. На континентах оно достигается увеличением фотосинтезирующей поверхности (образование листовой мозаики, формирование непрерывного растительного покрова, его ярусной структуры), а также дифференциацией растений по сезонам вегетации. Появление новых групп гетеротрофов, максимально использующих лишь накопленную автотрофами энергию, также направлено на повышение энергетической эффективности биосферы.

Интересны цифры, характеризующие эффективность использования солнечной энергии в биосфере в целом и в различных экосистемах. В среднем в биосфере используется лишь 0.1—0.2 % годовой величины солнечной радиации. Характерны, однако, различия по этому показателю в морских и наземных экосистемах. Если на суше эффективность ее использования колеблется в

¹⁹ Белов Н. В. Геохимические аккумуляторы // Тр. Ин-та кристаллографии. 1952. № 7. С. 73—80.

²⁰ Комаров В. Л. Смысл эволюции. Дневник I Всероссийского съезда русских ботаников. Пг., 1921. № 5. С. 45.

²¹ Лавренко Е. М. Об энергетической трактовке В. Л. Комаровым эволюции организмов // Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова. 1869—1969: Сб. докл. М.; Л.: Наука, 1972. С. 82—89.

²² Хильми Г. Ф. Основы физики биосферы. Л., 1966. С. 271—272.

пределах 0.3—0.4 %, а в некоторых оптимальных условиях может достигать 1—2 %, ²³ то в морских экосистемах цифры гораздо ниже. Из солнечной энергии, достигшей поверхности океана, фитопланктон, согласно расчетам океанолога и гидробиолога В. Г. Богорова, аккумулирует в процессах фотосинтеза только 0.04 %. ²⁴

В 1970-х гг. геохимик А. И. Перельман составил таблицу отношений ежегодной продукции к биомассе, точнее, отношений их логарифмов — коэффициент *K* в основных типах растительности. ²⁵ Особенно интересны данные о современных ландшафтах, отражающие эволюцию сообществ в связи со сменой доминирующих продуцентов (голосеменных деревьев покрытосеменными деревьями и далее вытеснение их травянистыми покрытосеменными). Оказалось, что в таежных ландшафтах, возникших в середине пермского периода, этот коэффициент равен 0.54—0.55 %. В ландшафтах с покрытосеменными деревьями, возникших в середине мела, коэффициент колеблется от 0.59 до 0.68 %. Наконец, в ландшафтах с травянистыми покрытосеменными (степи, саванны), возникших в неогене, он достигает 0.95 %. Возрастание ежегодной продукции на единицу биомассы Перельман рассматривал как повышение энергетической эффективности ландшафтов. Экстраполяция полученных данных на вымершие ландшафты (влажные леса папоротникообразных среднего палеозоя и псилофитовые ландшафты нижнего палеозоя) дали соответственно коэффициенты 0.4 и 0.3 %.

Энергетическая эффективность биосферы сопряжена с изменениями ее информационной емкости, измеряемой биоразнообразием и структурированностью, т. е. увеличением числа видов, геохимических барьеров, нарастанием физико-географической зональности и т. д. Рост информации не был непрерывным. Разнообразие видов шло устойчиво после достижения максимума разнообразия классов в начале позднего палеозоя. Затем оно несколько сократилось и держится на одном уровне с начала мезозоя. Разнообразие современных физико-географических условий (аридные и гумидные зоны, высокогорье, морские глубины и т. д.) обуславливает большее биоразнообразие организмов или, иными словами, большее количество биологической информации. В этом отношении вывод М. М. Камшилова о том, что «более высокий уровень дифференциации сосредоточен в меньшем объеме, чем уровень менее дифференцированный». ²⁶ Так, несмотря на меньшее видовое разнообразие растений, именно на них выпадает 99 % всей биомассы Земли. Этот вывод Камшилов сделал на основе подсчетов видов водных и наземных организмов, выполненных в начале 1950-х гг. выдающимся отечественным генетиком и эволюционистом, эмигрировавшим в США в начале 1930-х гг. Ф. Г. Добржанским. Эти подсчеты свидетельствуют о возрастании биоразнообразия в ходе эволюции биосферы. Так, число видов наземных животных составляет 93 %, а водных только 7 %. Сходные соотношения наблюдаются среди растений, где наземных видов 92, а водных 8 %. При этом немногие типы и классы приспособились к наземным условиям. Лишь около 10 % из числа классов живот-

²³ Будыко М. И. Эволюция биосферы. М., 1973.

²⁴ Богоров В. Г. Биологическая продуктивность океана и особенности ее географического распределения // *Вопр. географии*. Сб. 84. М., 1970.

²⁵ Перельман А. И. Геохимия биосферы. М., 1973. С. 57.

²⁶ Камшилов М. М. Эволюция биосферы. М., 1974. С. 77.

ных смогли освоить сушу, но они дивергировали в удивительное разнообразие форм, дав подавляющее число видов.

Подобные количественные оценки позволяют поставить вопрос о преобразованиях самой биосферы, так как устойчивость экосистем в какой-то степени связана с ее биоразнообразием и сложностью трофических связей. Эволюция в целом шла к достижению наибольшей суммы жизни путем роста биоразнообразия, что способствовало усложнению структуры биосферы и повышению ее целостности.

Энергетическая эволюция биосферы тесно связана с возрастанием целесообразности живых систем, которую можно измерить повышением таких показателей, как КПД системы, «энергетическая доходность» и степень «элевации» (по Л. Францу) и т. д. Она проявляется в росте общей экономичности обмена веществ и круговорота биомассы, уменьшении непроизводительных потерь при большей работоспособности структур, в более высокой их надежности при большей активности и автономизации организмов в понимании И. И. Шмальгаузена. Повышение средней выживаемости особи — это не только стратегия прогрессивного видообразования, но и путь к повышению энергетической эффективности всего живого вещества. Популяции высших организмов затрачивают меньше энергии на поддержание средней численности, чем низшие организмы. Именно увеличение потребления энергии особью, активно преодолевающей экстремальные воздействия среды, обеспечивало захват новых экологических зон, интенсификацию энергетических процессов в биосфере, повышение скорости миграции элементов. Именно высокоразвитые животные нередко мигрируют на сотни, тысячи, а иногда и десятки тысяч километров, создавая новые пути биогенной миграции элементов и повышая тем самым целостность биосферы.

Интересная гипотеза об эволюции энергетики биосферы и примыкающих к ней геологических оболочек Земли была высказана геохимиками Н. В. Беловым и В. И. Лебедевым, которые считали, что аккумулятивная солнечная энергия, погружаясь в глубинные слои Земли, становится источником мощных тектонических и магматических процессов.²⁷ При этом они предполагали, что минералы, «заряженные» солнечной энергией, образуются в ходе практически всех процессов, в которых участвуют организмы или продукты их жизнедеятельности, включая гипергенез, седиментацию, литогенез и минералообразование. «Разряжаясь» в недрах Земли, минералы способствуют разогреванию земных недр и используются в процессах гранитизации, образования месторождений рудных ископаемых, а также в орогенетической и интрузивной деятельности. Подобная попытка связать биологические и геологические процессы может оказаться весьма перспективной для познания тенденций в эволюции биосферы.

Эволюция биогеохимических функций биосферы

Одним из показателей эволюции биосферы служат изменения в ее биогеохимических функциях, под которыми В. И. Вернадский понимал способ-

²⁷ Белов Н. В., Лебедев В. И. Источники энергии геохимических процессов // Природа. 1964. № 5. С. 22—28.

ность организмов осуществлять миграцию элементов в биосфере. Этой способностью обусловлены грандиозные изменения в химическом строении атмосферы, гидросферы, литосферы и педосферы. Прежде всего это проявилось в преобразованиях окислительно-восстановительной обстановки на границе докембрия и фанерозоя и в конце силура, и в последующих колебательных преобразованиях соотношений кислорода и углерода, в свою очередь воздействующих на интенсивность видообразования. Так, в эпохи максимального содержания кислорода в атмосфере увеличивалось разнообразие животных, а повышение концентрации углерода стимулировало эволюцию растений с совершенными механизмами фотосинтеза. Эта гипотеза, высказанная в 1924 г. Д. Н. Соболевым,²⁸ получила дальнейшее развитие в трудах Г. В. Барина, М. И. Будыко и др.²⁹

Начиная с трудов палеобиогеохимика Я. В. Самойлова³⁰ и особенно биогеохимика А. П. Виноградова,³¹ наиболее интенсивно исследовалась эволюция концентрационных функций. Среди выявленных закономерностей: увеличение числа биогеохимических функций у высших организмов; специализация организмов по их функциям — параллелизмы в эволюции функций в генетически несвязанных филумах; увеличение роли одних функций и уменьшение других; перенос отдельных функций с одной группы организмов на другую и т. д. Было показано, что мощными концентратами в филуме выступают обычно более прогрессивные формы, так как эволюция концентрационных функций идет в соответствии со вторым биогеохимическим принципом Вернадского: жизнь эволюционирует в сторону создания форм, усиливающих биогенную миграцию атомов. Вместе с тем некоторые концентрационные функции получают наибольшее развитие лишь на отдельных этапах эволюции биосферы, например плауны, доминирующие в карбоне, активно осуществляли концентрацию алюминия, в значительной степени сейчас подавленную.

Данные Е. А. Бойченко и ее сотрудников свидетельствуют, что основные этапы эволюции концентрационных функций связаны со сменой доминировавших таксонов автотрофов.³² Так, наиболее высокое содержание железа — у синезеленых водорослей. У красных водорослей повышается содержание кобальта и меди, ванадия, титана и хрома, у мхов и папоротников — алюминия, у покрытосеменных — марганца. Сопоставление данных об элементном составе различных групп растений с исследованиями палеобиогеохимиков, геологов и геохимиков (А. И. Гинзбург, И. И. Горский, М. Д. Залеский, Ю. А. Жемчужников, С. И. Кузнецов, А. П. Лисицын, Д. В. Наливкин, А. Б. Ронов, А. А. Сауков, А. В. Сидоренко, Н. М. Страхов, В. О. Таусон, А. Л. Яншин и др.) показало, что наибольший расцвет автотрофов с повы-

²⁸ Соболев Д. Н. Начала исторической биогенетики. Симферополь, 1924.

²⁹ Барин Г. В. Биосферные ритмы и проблемы сохранения кислородного равновесия // Журн. общ. биологии. 1972. Т. 33, № 6. С. 771—779; Будыко М. И. Экологические факторы эволюции // Журн. общ. биологии. 1975. Т. 3, № 1. С. 36—48.

³⁰ Самойлов Я. В. Биолиты. Л., 1929.

³¹ Виноградов А. П. Химический элементарный состав организмов моря / Тр. Биогеохим. лаб. 1935. Т. 3. С. 53—278; 1937. Т. 4. С. 5—226; 1944. Т. 6. С. 5—273.

³² Бойченко Е. А., Саенко Г. Н., Удельнова Т. М. Эволюция концентрационных функций растений в биосфере // Геохимия. 1968. № 10. С. 1260—1264.

шенным содержанием того или иного элемента синхронен с образованием их мощных месторождений и увеличением содержания в осадочных породах. В связи с этим все большую популярность приобретает гипотеза, что эволюция концентрационных функций отразилась на эволюции рудных месторождений. Эта гипотеза согласуется с данными о ежегодном накоплении химических элементов автотрофами и сведениями по разведанным их запасам.

Согласно Г. А. Заварзину, главные биотические события в истории Земли и распределение биоразнообразия строматолитов также сопряжены с изменениями биогеохимических циклов и соответственно эпох минералообразования.³³ Около 3.5 млрд лет назад началось образование железистых формаций, состоящих из магнетита и гематита; около 2 млрд лет назад получил распространение серный цикл; около 0.8 млрд лет назад произошло распространение эукариот; 0.3 млрд лет назад сформировалась наземная растительность и возникла почва современного типа.

В целом в ходе эволюции живого одни биогеохимические функции усиливались, другие ослабевали, третьи переходили от одной группы организмов к другой.

Эволюция биотического круговорота

Увеличение биомассы, возрастание энерговооруженности биосферы и ее информационной «емкости», изменение биогеохимических функций и усиление преобразующего влияния жизни на среду — стороны единого процесса эволюции биотического круговорота. Его организация постоянно усложнялась, так как новые формы жизни, как правило, могли существовать только на базе предшествующих.

Проблема становления и эволюции биотического круговорота в отечественной литературе была поднята почвоведом, которые доказывали, что уже развитие примитивных форм жизни вело к возникновению особых биогенных циклов в сложных круговоротах вещества и потоках энергии.³⁴ В процессе эволюции происходила взаимная «пригонка» видов так, чтобы дольше сохранить в круговороте вещества, используемые в метаболизме организмов, и повысить скорость их круговорота. Важнейшими событиями в эволюции биосферы, по-видимому, были возникновения автотрофного и гетеротрофного способов питания, типов экологических взаимодействий (хищничество, паразитизм, конкуренция, кооперация) и становление биотического круговорота, осуществляемого продуцентами, консументами и редуцентами. В то же время усложнение трофocenотической структуры экосистем (появление добавочных трофических уровней, новых групп консументов, увеличение разнообразия видов в пределах каждого уровня) не могло идти бесконечно. Эволюционные преобразования неизбежно замедлялись, достигнув максимально возможного

³³ Заварзин Г. А. Становление биосферы // Вестник РАН. 2001. Т. 71, № 11. С. 988—1001.

³⁴ Вильямс В. Р. Почвоведение. 3-е изд. Ч. 1—2. Л., 1926; Ковда В. А. Основы учения о почвах. Кн. 1. М., 1973.

числа трофических уровней, которое, согласно Р. Линдеману, равно шести, и максимально возможного видового разнообразия в пределах каждого из них.

В рамках разрабатываемой новой отрасли знаний о биосфере — трофологии — А. М. Уголев считал, что формирование биотического круговорота должно было происходить с конца, т. е. с редуцентов, использующих абиогенные органические вещества.³⁵ По мере истощения их запасов возникали организмы, способные к синтезу органических соединений. При этом эволюция каждого вида определяется его приспособленностью к трофической структуре биосферы. Решающую роль играют не только обеспеченность вида источниками питания и способы его использования, но и «поедаемость» каждого члена трофической цепи, т. е. доступность его для другого организма в качестве источника пищи, а также трофичность питательных свойств и способность быть ассимилированными.

В основе современного круговорота лежит круговорот продуцентов и редуцентов из числа бактерий, низших групп и других древних групп.³⁶ Над ними надстроены этажи из многоклеточных растений и животных, связанных трофическими, средообразующими и конкурентными отношениями, а также отношениями взаимоблагоприятствования и кооперации. Эволюция круговорота предстает как прогрессирующая дифференциация форм живого, где наряду со старыми формами возникают все новые и новые.

Следовательно, эволюция биосферы как целостной системы проявляется прежде всего в расширении сферы биотического круговорота, усложнении его структуры, повышении надежности, эффективности и экономичности. Этим обеспечивалась выработка устойчивой макроструктуры жизни, возрастание многообразия видов, усиление преобразующего влияния живого вещества на среду, которая, как показал физик В. Г. Горшков, сама жестко регулируется жизнью через корреляции потоков синтеза и разложение органического вещества.³⁷

Вполне правомерной является и постановка вопроса об образовании биосферных адаптаций, под которыми понимаются системы, выработанные в ходе эволюции живого и обеспечивающие устойчивость биосферы и ее защиту от вредных внешних воздействий. Возникновение озонового экрана — хороший пример таких адаптаций. Он защитил жизнь от губительного воздействия ультрафиолетовых излучений. Усовершенствование способности растений улавливать солнечную энергию и переводить ее в формы, пригодные для использования в биологических и геологических процессах, в трудах В. И. Вернадского, Г. Ф. Хильми и Е. М. Лавренко справедливо рассматривалось как важнейшая адаптация биосферы.

С. С. Шварц предлагал называть биосферные адаптации ее «линиями обороны».³⁸ Первая линия обеспечивается разнородностью каждого трофического уровня, включающего сотни и тысячи видов, которые, в свою очередь,

³⁵ Уголев А. М. Естественные технологии. Л., 1987. С. 214—220.

³⁶ Заварзин Г. А. Становление системы биогеохимических циклов // Палеонт. журн. 2003. № 6. С. 16—24.

³⁷ Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивости «жизни». М., 1995.

³⁸ Шварц С. С. Эволюция биосферы и экологическое прогнозирование // Вестник АН СССР. 1976. С. 61—72.

состоят из миллионов и миллиардов генетически уникальных особей. Это многообразие повышает вероятность сохранения главных биогеохимических и энергетических функций биосферы в случае катастроф планетарного масштаба. Иерархичность структурных уровней оценивалась Шварцем как «вторая линия обороны» биосферы. В целом же вопрос о биосферных адаптациях до сих пор рассматривался в самой общей форме.

Ноосфера как заключительный этап истории биосферы

Появление человека стало подлинной революцией в истории биосферы. Человеческая деятельность вызвала грандиозные преобразования в органическом мире, биомассе и продуктивности биосферы, ее биогеохимических функциях и биотическом круговороте. Автор статьи не будет останавливаться на тех изменениях в строении и функционировании биосферы, которые возникли в результате развития промышленности, расширения сельскохозяйственных условий, урбанизации и т. д., так как подавляющее число работ по эволюции биосферы посвящено именно современным преобразованиям биосферы. Эти процессы подробно освещены в работах М. И. Бudyко, А. П. Виноградова, Д. Г. Замолотчикова, В. М. Захарова, М. М. Камшилова, Н. Н. Моисеева, С. А. Остроумова, Б. С. Соколова, Н. В. Тимофеева-Ресовского, С. С. Шварца, А. В. Яблокова, А. Л. Яншина и мн. др. Сформулированное В. И. Вернадским учение о ноосфере оказалось в центре внимания ученых самых различных специальностей у нас в стране и за рубежом, так как в нем пытаются найти ответ на грозные вызовы времени.

Для Вернадского ноосфера была этапом в развитии биосферы, в пределах которого разум человека становится силой, преобразующей лик Земли в масштабах, сравнимых с естественными процессами. Сейчас очевидно, что если человечество не сможет организовать свою деятельность в соответствии с законами функционирования биосферы, погибнет не биосфера, хотя многие таксоны вымрут, а человечество. Чтобы избежать этой угрозы, важно знать, как складывалась и развивалась биосфера.

Выводы

Почти семьдесят пять лет назад В. И. Вернадский писал: «Благодаря эволюции видов, непрерывно идущей и никогда не прекращающейся, резко меняется отражение живого вещества на окружающей среде. Благодаря этому процесс эволюции — изменения — переносится в природные биокосные и биогенные тела, играющие основную роль в биосфере, в почвы, в наземные и подземные воды (в моря, озера, реки и т. д.), в угли, битумы, известняки, органические руды и т. п. (...) Эволюция видов переходит в эволюцию биосферы».³⁹

Работы отечественных ученых, выполненные в XX в., сделали возможной количественную оценку степени воздействия органической эволюции на химическое строение биосферы, ее биомассу и продуктивность, биогеохими-

³⁹ *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. М., 1977. С. 18.

ческие функции и энергетику. С конца 1979 г. в какой-то степени независимо от них началось утверждение этой проблематики в англоязычном и немецкоязычном пространствах (Л. Беркнер, В. Крумбайн, Дж. Лавлок, Х. Ловенштам, Р. Марголеф, Л. Маршалл, Л. Маргулис, Дж. Хатчинсон и др.).

Вместе с тем мы находимся только в начале пути перехода от натурфилософских спекуляций к количественному выражению тенденций в эволюции биосферы. Дальнейший прогресс в разработке общей теории эволюции биосферы возможен только в результате совместных усилий представителей различных наук, изучающих биосферу на эмпирической основе, и с использованием математических моделей.

ЛИТЕРАТУРА

- Базилевич Н. И.* Биогеохимия Земли и функциональные модели обменных процессов природных экосистем // Тр. Биогеохим. лаб. 1979. Т. 17. С. 55—73.
- Базилевич Н. И., Родин Л. Е., Розов Н. Н.* Сколько весит живое вещество планеты? // Природа. 1971. № 1. С. 46—53.
- Баринов Г. В.* Биосферные ритмы и проблемы сохранения кислородного равновесия // Журн. общ. биологии. 1972. Т. 33, № 6. С. 771—779.
- Белов Н. В.* Геохимические аккумуляторы // Тр. Ин-та кристаллографии. 1952. № 7. С. 73—80.
- Белов Н. В., Лебедев В. И.* Источники энергии геохимических процессов // Природа. 1964. № 5. С. 22—28.
- Богоров В. Г.* Биологическая продуктивность океана и особенности ее географического распределения // Вопр. географии. Сб. 84. М., 1970. С. 80—102.
- Бойченко Е. А., Саенко Г. Н., Удельнова Т. М.* Эволюция концентрационных функций растений в биосфере // Геохимия. 1968. № 10. С. 1260—1264.
- Будыко М. И.* Эволюция биосферы. Л., 1984.
- Будыко М. И.* Экологические факторы эволюции // Журн. общ. биологии. 1975. Т. 3, № 1. С. 36—48.
- Вернадский В. И.* Живое вещество. М., 1978.
- Вернадский В. И.* О размножении организмов и его значении в механизме биосферы // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1926. Т. 20, № 12. С. 1053—1060.
- Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. М., 1977.
- Вернадский В. И.* Химическое строение биосферы Земли. М., 1965.
- Вернадский В. И.* Эволюция видов и живое вещество // Природа. 1928. № 3. С. 227—250.
- Вильямс В. Р.* Почвоведение. 3-е изд. Л., 1926. Ч. 1—2.
- Винберг Г. Г.* Биологическая продуктивность водоемов // Экология. 1983. № 3. С. 3—12.
- Виноградов А. П.* Химический элементарный состав организмов моря // Тр. Биогеохим. лаб. 1935. Т. 3. С. 53—278.
- Виноградов А. П.* Там же. 1937. Т. 4. С. 5—226.
- Виноградов А. П.* Там же. 1944. Т. 6. С. 5—273.
- Горшков В. Г.* Физические и биологические основы устойчивости «жизни». М., 1995.
- Заварзин Г. А.* Становление биосферы // Вестник РАН. 2001. Т. 71, № 11. С. 988—1001.
- Заварзин Г. А.* Становление системы биогеохимических циклов // Палеонтол. журн. 2003. № 6. С. 16—24.
- Камшилов М. М.* Эволюция биосферы. М., 1974.

- Ковда В. А.* Основы учения о почвах. Кн. 1. М., 1973.
- Комаров В. Л.* Смысл эволюции // Дневник I Всероссийского съезда русских ботаников. Пг., 1921. № 3. С. 27—28; № 5. С. 44—45.
- Лавренко Е. М.* Об энергетической трактовке В. Л. Комаровым эволюции организмов // Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова. 1869—1969: Сб. докл. Л.: Наука, 1972. С. 82—89.
- Лапо А. В.* Следы былых биосфер. 2-е изд. М., 1987.
- Левченко В. Ф.* Эволюция биосферы до и после появления человека. СПб., 2003.
- Неручев С. Г.* Возможная масса и продуктивность биосферы в фанерозое и эпохи образования каустобиолитов // Палеонтология и эволюция биосферы: Тез. докл. XXI сессии Всесоюз. палеонтол. об-ва. Л., 1979. С. 38—40.
- Перельман А. И.* Геохимия биосферы. М., 1973.
- Проблемы доантропогенной эволюции биосферы / Отв. ред. А. Ю. Розанов. М., 1993.
- Проблемы зарождения и эволюции биосферы / Ред. Э. М. Галимов. М., 2008.
- Ронов А. Б.* Общие тенденции в эволюции состава земной коры, океана и атмосферы // Геохимия. 1964. № 8. С. 397—409.
- Самойлов Я. В.* Биолиты. Л., 1929.
- Соболев Д. Н.* Начала исторической биогенетики. Симферополь, 1924.
- Страхов Н. М.* Развитие литогенетических идей в России и СССР. М., 1971.
- Таусон В. О.* Наследство микробов. Л., 1947.
- Уголев А. М.* Естественные технологии. Л., 1987.
- Успенский В. А.* Баланс углерода в биосфере в связи с вопросом о распределении углерода в земной коре. Л., 1956.
- Хильми Г. Ф.* Основы физики биосферы. Л., 1966.
- Хохряков А. П.* Эволюция биоморф растений. М., 1981.
- Шварц С. С.* Эволюция биосферы и экологическое прогнозирование // Вестник АН СССР. 1976. № 2. С. 61—72.
- Эволюция биосферы и ее биоразнообразия / Отв. ред. С. В. Рожнов. М., 2006.
- Evolution der Biosphäre / Jüdes U., Eulefeld G., Kapune Th. Stuttgart, 1990.
- Salthe S. H.* The evolution of the Biosphäre: Towards a new myphology // World Futures. 1990. Vol. 30. P. 53—57.
- Wahlert G., von.* Evolution als Geschichte des Ökosystems «Biosphäre» / U. Kattmann, G. Wahlert, von, J. Weninger. Evolutionsbiologie. Köln, 1978. S. 23—70.

E. I. Kolchinsky

VLADIMIR I. VERNADSKY'S IDEAS OF THE EVOLUTION OF BIOSPHERE AND THEIR DEVELOPMENT IN WORKS OF RUSSIAN SCIENTISTS

Vernadsky's ideas about the evolution of biosphere laid the foundations for subsequent research in Russia that made possible quantitative estimation of the degree, in which organic evolution affects the chemical composition of the biosphere, its biomass, productivity, biogeochemical functions and energy. At the same time we are still situated at an early stage of the transition from natural philosophy to exact quantitative expression of the main trends and patterns in the evolution of biosphere.

Key words: V. I. Vernadsky, biosphere, evolution, speciation, biogeochemical functions, biogenic substances, biotic cycle.

LITERATURA

- Bazilevich N. I.* Biogeohimiya Zemli i funkcional'nye modeli obmennykh prozessov prirodnykh ekosistem // Tr. Biogeohimich. lab. 1979. T. 17. S. 55—73.
- Bazilevich N. I., Rodin L. E., Rozov N. N.* Skol'ko vesit zhivoe veschestvo planety? // Priroda. 1971. N 1. S. 46—53.
- Barinov G. V.* Biosfernye ritmy i problemy sohraneniya kislorodnogo ravnovesiya // Zhurn. obsch. biol. 1972. T. 33, N 6. S. 771—779.
- Belov N. V.* Geohimicheskie akkumulyatory // Tr. In-ta kristallografii. 1952. № 7. S. 73—80.
- Belov N. V., Lebedev V. I.* Istochniki energii geohimicheskikh processov // Priroda. 1964. N 5. S. 22—28.
- Bogorov V. G.* Biologicheskaya produktivnost' okeana i osobennosti ee geograficheskogo raspredeleniya // Voprosy geografii. Sb. 84. M., 1970. S. 80—102.
- Boychenko E. A., Saenko G. N., Udel'nova T. M.* Evolyuciya koncentracionnykh funkciy rasteniy v biosfere // Geohimiya. 1968. N 10. S. 1260—1264.
- Budyko M. I.* Evolyuciya biosfery. L., 1984.
- Budyko M. I.* Ekologicheskies faktory evolyucii // Zhurn. obsch. biol. 1975. T. 3, N 1. S. 36—48.
- Vernadskiy V. I.* Zhivoe veschestvo. M., 1978.
- Vernadskiy V. I.* O razmnozhenii organizmov i ego znachenii v mehanizme biosfery // Izv. AN SSSR. Ser. 6. 1926. T. 20. N 12. S. 1053—1060.
- Vernadskiy V. I.* Razmyshleniya naturalista. Kn. 2. M., 1977.
- Vernadskiy V. I.* Himicheskoe stroenie biosfery Zemli. M., 1965.
- Vernadskiy V. I.* Evolyuciya vidov i zhivoe veschestvo // Priroda. 1928. N 3. S. 227—250.
- Vil'yams V. R.* Pochvovedenie. 3-e izd. L., 1926. Ch. 1—2.
- Vinberg G. G.* Biologicheskaya produktivnost' vodoyemov // Ekologiya. 1983. N 3. S. 3—12.
- Vinogradov A. P.* Himicheskii elementarnyy sostav organizmov morya // Tr. Biogeohim. lab. 1935. T. 3. S. 53—278.
- Vinogradov A. P.* Himicheskii elementarnyy sostav organizmov morya // Tr. Biogeohim. lab. 1937. T. 4. S. 5—226.
- Vinogradov A. P.* Himicheskii elementarnyy sostav organizmov morya // Tr. Biogeohim. lab. 1944. T. 6. S. 5—273.
- Gorshkov V. G.* Fizicheskie i biologicheskies osnovy ustoychivosti «zhizni». M., 1995.
- Zavarzin G. A.* Stanovlenie biosfery // Vest. RAN. 2001. T. 71, N 11. S. 988—1001.
- Zavarzin G. A.* Stanovlenie sistemy biogeohimicheskikh ciklov // Paleontol. zhurn. 2003. N 6. S. 16—24.
- Kamshilov M. M.* Evolyuciya biosfery. M., 1974.
- Kovda V. A.* Osnovy ucheniya o pochvah. Kn. 1. M., 1973.
- Komarov V. L.* Smysl evolyucii. Dnevnik I Vserossiyskogo s'ezda russkikh botanikov. Pg., 1921. N 3. S. 27—28; N 5. S. 44—45.
- Lavrenko E. M.* Ob energeticheskoy traktovke V. L. Komarovym evolyucii organizmov // Sto let so dnya rozhdeniya Vladimira Leont'evicha Komarova. 1869—1969: Sb. dokl. L.: Nauka, 1972. S. 82—89.
- Lapo A. V.* Sledy bylykh biosfer. 2-e izd. M., 1987.
- Levchenko V. F.* Evolyuciya biosfery do i posle poyavleniya cheloveka. SPb., 2003.
- Neruchev S. G.* Vozmozhnaya massa i produktivnost' biosfery v fanerozoe i epohi obrazovaniya kaustobiolitov // Paleontologiya i evolyuciya biosfery: Tez. dokl. XXI sessii Vsesoyuz. paleontol. ob-va. L., 1979. S. 38—40.
- Perel'man A. I.* Geohimiya biosfery. M., 1973.
- Problemy doantropogennoy evolyucii biosfery / Otv. red. A. Yu. Rozanov. M., 1993.
- Problemy zarozhdeniya i evolyucii biosfery / Red. E. M. Galimov. M., 2008.

- Ronov A. B.* Obschie tendencii v evolyucii sostava zemnoy kory, okeana i atmosfery // *Geohimiya*. 1964. N 8. S. 397—409.
- Samoylov Ya. V.* *Biolity*. L., 1929.
- Sobolev D. N.* *Nachala istoricheskoy biogenetiki*. Simferopol', 1924.
- Strahov N. M.* *Razvitie litogeneticheskikh idey v Rossii i SSSR*. M., 1971.
- Tauson V. O.* *Nasledstvo mikrobov*. M.; L., 1947.
- Ugolev A. M.* *Estestvennyye tehnologii*. L., 1987.
- Uspenskiy V. A.* *Balans ugleroda v biosfere v svyazi s voprosom o raspredelenii ugleroda v zemnoy kore*. L., 1956.
- Hil'mi G. F.* *Osnovy fiziki biosfery*. L., 1966.
- Hohryakov A. P.* *Evolyuciya biomorf rasteniy*. M., 1981.
- Shvarz S. S.* *Evolyuziya biosfery i ekologicheskoe prognozirovanie* // *Vestnik AN SSSR*. 1976. N 2. S. 61—72.
- Evolyuciya biosfery i ee bioraznoobraziya* / *Otv. red. S. V. Rozhnov*. M., 2006.
- Evolution der Biosphäre* / *Jüdes U., Eulefeld G., Kapune Th.* Stuttgart, 1990.
- Salthe S. H.* *The evolution of the biosphere: Towards a new myphology* // *World Futures*. 1990. Vol. 30. P. 53—57.
- Wahlert G., von.* *Evolution als Geschichte des Ökosystems «Biosphäre»* / *U. Kattmann, G. Wahlert, von, J. Weninger.* *Evolutionsbiologie*. Köln, 1978. S. 23—70.

И. В. ТУНКИНА

НЕИЗДАННОЕ НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА¹

В 2013 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося русского индолога и буддолога Сергея Федоровича Ольденбурга (1863—1934). Он являлся одной из ключевых фигур научно-организационного процесса в Российской империи—СССР как академик (1900) и непреходящий секретарь (1904—1929) Санкт-Петербургской—Российской—Всесоюзной академии наук. В 1909—1910 и 1914—1915 гг. состоялись две русские экспедиции в Восточный Туркестан под руководством Ольденбурга, в ходе которых были найдены и описаны многочисленные архитектурно-археологические памятники не только древней буддийской культуры, но и памятники письменности на разных языках. Неопубликованные полевые материалы двух экспедиций Ольденбурга в Восточный Туркестан хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и ряде других учреждений. Полное издание полевых материалов двух русских Туркестанских экспедиций под руководством С. Ф. Ольденбурга на языке оригинала — одна из основных задач русской ориенталистики XX в. — не решена до сих пор.

Ключевые слова: С. Ф. Ольденбург, Восточный Туркестан, русские экспедиции, Архив Академии наук, архивные материалы.

«Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд — все это встречаешь с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды „первых томов“, „первых выпусков“, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полужаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний. Всего два, в сущности, с небольшим века этой молодой русской науке, а как длинен ее мартиролог...».² Эти горькие слова не-

© И. В. Тункина, 2015. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербург, Россия.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти: Очерки институциональной истории Императорской Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII—начале XX в.».

² *Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму 1818—1918 (Речь, произнесенная в публичном заседании РАН (20 февраля) 5 марта 1918 г.) // Изв. РАН. 6-я сер. 1918. Т. 12, № 7 (Азиатский сб.). С. 531.

временного секретаря Российской академии наук С. Ф. Ольденбурга (1863—1934) стали пророческим предчувствием и полностью применимы к его собственному научному наследию.

С. Ф. Ольденбург являлся одной из ключевых фигур научно-организационного процесса в Российской империи—СССР: академик (1900) и непременный секретарь (1904—1929) Санкт-Петербургской—Российской—Всесоюзной академии наук, основатель и редактор серии «*Bibliotheca Buddhica*» (с 1897), секретарь Восточного отделения Русского археологического общества (1898—1905), действительный член (с 1896) и член Совета (1913) Императорского Русского географического общества. С 1916 г. вплоть до своей смерти ученый являлся директором Азиатского музея, в 1930 г. реорганизованного в Институт востоковедения Академии наук (сегодня Институт восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге). Несмотря на то что С. Ф. Ольденбург еще при жизни опубликовал 542 печатные работы,³ он оставил массу неизданных научных материалов,⁴ сохранившихся в его огромном личном архиве (СПФ АРАН, фонд № 208, описи 1—5, 1572 ед. хр.). Фонд ученого поступал в Архив АН СССР частями: в 1934 г. — от вдовы Е. Г. Ольденбург,⁵ в 1937 и 1949 гг. — из Института востоковедения АН СССР, в 1957 г. — от внука вдовы, Г. Д. Головачева (часть рукописей Ольденбурга, его переписка, воспоминания Е. Г. Ольденбург о муже и материалы к биографии ученого).⁶

Научные интересы С. Ф. Ольденбурга как индолога были связаны с изучением памятников «северного буддизма». Он стал одним из родоначальников новой отрасли науки — центральноазиатской филологии и палеографии⁷ — благодаря изучению древних текстов из коллекции русского генерального консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского, который с 1887 г. стал присылать в Петербург академику В. Р. Розену как председателю Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (РАО) древности и

³ Скачков П. Е., Чижикова К. Л. Библиография трудов С. Ф. Ольденбурга // Сергей Федорович Ольденбург: [Сб. статей]. М., 1986. С. 122—158.

⁴ Тункина И. В. О судьбе неопубликованного научного наследия С. Ф. Ольденбурга // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Матер. XXXIV Годичной Междун. конф. С.-Петербургского отделения Российского нац. комитета по истории и философии науки и техники РАН «Историко-научный Санкт-Петербург: К 60-летию СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, 100-летию первых академических учреждений по истории науки и 150-летию со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского и 125-летию со дня рождения Николая Ивановича Бухарина» (25—29 ноября 2013 г.). Вып. XXIX / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2013. С. 55—61.

⁵ Ольденбург Елена Григорьевна (урожд. Клеменц, в первом браке Головачева, 1875—1955), племянница народовольца и исследователя Восточного Туркестана Д. А. Клеменца, вторая жена С. Ф. Ольденбурга с 19 февраля 1923 г.

⁶ Чугуевский Л. И. Архив востоковедов (бывш. Азиатский архив) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: 23-я Годичная сессия ЛОИВ АН СССР. Матер. по истории отеч. востоковедения. Ч. 3. М., 1990. С. 49, 75—76.

⁷ Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Э. Н. Академик С. Ф. Ольденбург — исследователь древних культур Центральной Азии // Памятники индийской письменности из Центральной Азии / Изд. текстов, исследование и коммент. Г. М. Бонгард-Левина, М. И. Воробьевой-Десятовской и Э. Н. Темкина. М., 2004. Вып. 3. С. 14—33.

фрагменты рукописей для их научной экспертизы.⁸ Собранию Н. Ф. Петровского С. Ф. Ольденбург посвятил несколько статей,⁹ в том числе о коллекции рукописей,¹⁰ содержащей тексты на санскрите и «неизвестных» науке того времени языках — тохарском, согдийском, хотанско-сакском и др. Большинство работ издавалось в «Записках» Восточного отделения РАО на протяжении 25 лет. Как следует из архивных документов, по мере получения рукописей и древностей от Н. Ф. Петровского с наиболее ценных артефактов сразу изготавливались фототипические таблицы, большинство из которых осталось неизданными.¹¹ До нас дошли не только таблицы, но и «план работы С. Ф. Ольденбурга о санскритских рукописях из собрания Н. Ф. Петровского»,¹² а также фрагменты статей — ненапечатанные части IV—V исследования «Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского»,¹³ «Собрание предметов древности из Восточного Туркестана, принадлежавшее Н. Ф. Петровскому и принесенное им в дар Русскому археологическому обществу»,¹⁴ «Заметка о некоторых хотанских миниатюрах собрания Н. Ф. Петровского»,¹⁵ планы неопубликованных работ о собрании секретаря консульства в Кашгаре М. И. Лаврова,¹⁶ а также по палеографии центральноазиатских рукописей,¹⁷ иконографии буддийского искусства и проч.

⁸ Тункина И. В. Н. Ф. Петровский как собиратель древних памятников письменности в Восточном Туркестане (по материалам писем к В. Р. Розену и С. Ф. Ольденбургу) // Восток—Запад: Диалог цивилизаций. Историко-литературный альманах, 2011—2012. ИВИ РАН, Центр «Восток—Запад» / Под ред. акад. В. С. Мясникова. М., 2013. С. 105—123.

⁹ Ольденбург С. Ф. 1) О научном значении коллекции Н. Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1910 (1909). Т. 19. Вып. 4. С. XXII—XXVIII; 2) Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837—1908 // ЗВОРАО. 1912 (1910). Т. 20. Вып. 1. С. 01—08, 1 портрет.

¹⁰ Ольденбург С. Ф. 1) Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1893 (1892). Т. 7. Вып. 1—4. С. 81—82, 1 табл. (Отд. отд.: СПб., 1892); 2) Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. I // Там же. 1894 (1893—1894). Т. 8. Вып. 1—2. С. 47—67; 3) К кашгарским буддийским текстам // Там же. С. 151—153; 4) Еще по поводу кашгарских буддийских текстов // Там же. Вып. 3—4. С. 349—351; 5) Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами kharosthi: Изд. факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского ун-та ко дню открытия XI Междун. конгр. ориенталистов в Париже. 6 с., 2 табл.; 6) Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. II: Отрывки из Rañsarakaṣa // ЗВОРАО. 1899 (1897—1898). Т. 9. Вып. 1—4. С. 207—264, 2 л. табл. (оттиски I—II частей см.: Ф. 208. Оп. 1. Д. 132); 7) Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. III // Там же. 1904 (1902—1903). Т. 15. Вып. 4. С. 0113—0114, 3 л. табл.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 131. Л. 42—46, 55 (фототипии рукописей), 127—129, 141, 155—157 (транскрипции древних рукописей и фрагменты статей); Д. 217. Л. 104, 106—110, 117 (фототипии рукописей); Д. 224. Л. 10, 18, 62 и сл. (фотографии и фототипии с артефактов).

¹² СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 356. Л. 1.

¹³ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 356. Л. 5—6. Начало статьи. Автограф; Ф. 725. Оп. 4. Д. 54. Л. 62—65 (корректурa IV части), л. 66—75 (таблицы фототипий рукописей).

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 188. Л. 48. Начало статьи. Автограф.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 216. Л. 6. Начало статьи. Автограф; Д. 217. Л. 104 (таблица фототипии рукописи с миниатюрами).

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 131. Л. 131.

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.

С. Ф. Ольденбург был одним из создателей и председателем (с 1918) Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (РКИСВА, 1903—1923) — русского отделения Международной ассоциации по изучению Средней и Восточной Азии, которая была создана в 1902 г. в Гамбурге на 13-м Международном конгрессе востоковедов.¹⁸ В 1909—1910 и 1914—1915 гг. состоялись две русские экспедиции в Восточный Туркестан под руководством С. Ф. Ольденбурга, снаряженные РКИСВА. В ходе Русских Туркестанских экспедиций (РТЭ) были найдены и описаны многочисленные архитектурно-археологические памятники не только древней буддийской культуры, но и памятники письменности на разных языках.¹⁹

Разведочная 1-я РТЭ Ольденбурга побывала в Карашаре, Турфане, Куче и привезла свыше 30 ящиков коллекций (фрески, деревянные и бронзовые статуэтки, другие предметы искусства), почти сотню фрагментов рукописей, главным образом найденных при раскопках, свыше 1500 фотографий монастырей, пещер, храмов и проч. Главной задачей 2-й РТЭ стал поиск материалов для хронологических определений памятников буддийского искусства и сбор информации с целью характеристики его отдельных стилей на территории Восточного Туркестана. Именно поэтому экспедиция целенаправленно изучала пещерный комплекс «тысячи будд» на склонах горы Могао в Дуньхуане (Шачжоу; у. Дуньхуан провинции Ганьсу КНР), который, по словам С. Ф. Ольденбурга, был «музеем китайского буддийского искусства». Здесь в горном ущелье экспедиция подробно изучила и зафиксировала вырубленные в скале сотни пещерных храмов, древнейшие из которых были сооружены около 1500 лет назад. Стены и ниши пещер были украшены фресками и статуями, причем многочисленные картуши на мертвых языках Центральной Азии объясняли сцены изображений, позволившие ученым уточнить даты их создания. 2-я РТЭ, прерванная Первой мировой войной, доставила в Петроград 29 тюков материалов весом свыше 89 пудов²⁰ — коллекцию памятников скульптуры, живописи и прикладного искусства Китая и Индии (2500 объектов), около 2000 негативов, зарисовки и кальки фресок, планы и чертежи пещер, копии картушей, записи о стенописи, детальное описание 450 пещер, выполненное С. Ф. Ольденбургом, с подробным перечислением всех особенностей (фресок, статуй и проч.) и характеристикой их по цветовой гамме и стилям. 2-я РТЭ пополнила рукописное собрание Азиатского музея Академии наук около 19 тыс. ед. хр. — китайскими, уйгурскими и тибетскими документами и ксилографами.²¹ Собранные археологические и этнографические па-

¹⁸ Подробнее о деятельности комитета см.: *Назирова Н. Н.* Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.

¹⁹ *Скачков П. Е.* Русская Туркестанская экспедиция 1914—1915 гг. // Петербургское востоковедение. Вып. 4. С. 313—320; *Меньшиков Л. Н.* К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. // Там же. С. 321—331; *Попова И. Ф.* 1) Первая Русская Туркестанская экспедиция С. Ф. Ольденбурга (1909—1910) // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX—начале XX века / Под ред. И. Ф. Поповой. С. 148—157; 2) Вторая Русская Туркестанская экспедиция С. Ф. Ольденбурга (1909—1910) // Там же. С. 158—175.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 192. Л. 67.

²¹ Дуньхуанские рукописи ИВР РАН факсимильно изданы в Шанхае в 17 томах в 1994—2000 гг. и в электронном виде представлены в Интернете в рамках Междуна-

мятники поступили в Музей антропологии и этнографии АН СССР, откуда в 1930—1934 гг. по настоянию самого С. Ф. Ольденбурга были переданы в Отдел Востока Государственного Эрмитажа (включая коллекционные описи и богатейший фотоархив экспедиции, планы, кальки и другой иллюстративный материал).

К сожалению, С. Ф. Ольденбург издал лишь краткий предварительный отчет об экспедиции 1909—1910 гг.²² (в 1915 г. удостоен золотой медали РАО) и несколько кратких обзорных статей об экспедиции 1914—1915 гг.²³ В 1923 г. во время заграничной командировки С. Ф. Ольденбург отверг предложение немецких издательских фирм опубликовать в шести томах материалы 2-й РТЭ, так как он мечтал издать их на родине. В 1926 г. ему вновь поступило предложение издателя Van Oest опубликовать материалы 2-й РТЭ на английском и французском языках в 8 томах, малый in folio в серии «Ars Asiatica» с 400 фототипиями, 10 цветными таблицами, планами и чертежами.²⁴ Однако из-за огромной административной загруженности в Академии наук большая часть исследований С. Ф. Ольденбурга о языках и культуре Центральной Азии осталась лишь в проектах.²⁵

Через 7 лет после смерти ученого его коллеги-востоковеды констатировали, что «материалы академика С. Ф. Ольденбурга по буддийскому китайскому искусству являются в настоящее время уникальным собранием, чем и объясняются те многочисленные предложения различных западноевропейских издательств — французских, английских, немецких, издать эти материалы за границей. Но С. Ф. Ольденбург выражал определенное желание, чтобы труды Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. были изданы у себя дома, в СССР, почему все предложения иностранных издательств были им отклонены».²⁶

родного дуньхуанского проекта: <http://idp.orientalstudies.ru/idp.a4d>. Подробнее см.: Дуньхуановедение: Перспективы и проблемы второго столетия исследований / Под ред. И. Ф. Поповой. СПб., 2012.

²² *Ольденбург С. Ф.* Разведочная археологическая экспедиция в Китайский Туркестан в 1909—1910 гг. // ЗВОРАО. 1913 (1911—1912). Т. 21. С. XX—XXI; Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 года, снаряженная по высочайшему повелению состоящим под высочайшим его императорского величества покровительством Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет составил С. Ф. Ольденбург. С 53 таблицами, 1 планом вне текста и 73 рисунками и планами в тексте по фотографиям и рисункам художника С. М. Дудина и планам инженера Д. А. Смирнова. Изд. Имп. АН. СПб., 1914.

²³ *Ольденбург С. Ф.* 1) Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1—2. С. 25—30; 2) Пещеры тысячи будд // Восток. Кн. 1. 1922. С. 57—66. 6 л. ил.; 3) Искусство в пустыне // 30 дней. 1925. № 1. С. 47—52.

²⁴ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 143; Изв. АН СССР. 1926. Т. 20, № 18. С. 1848.

²⁵ *Тункина И. В.* Экспедиции С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909—1910, 1914—1915) в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Фундаментальная наука: Проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Мат-лы Междун. науч. конф. М.: Архив РАН, 4—7 июня 2013 г. / Отв. ред. В. Ю. Афиани. С. 36—42.

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 1006.

Неизданные полевые экспедиционные материалы двух экспедиций С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан отложились в его личном фонде в СПФ АРАН. Главную ценность представляют рукописные полевые дневники С. Ф. Ольденбурга,²⁷ топографа и землемера Н. А. Смирнова, художника С. М. Дудина,²⁸ художника и фотографа 2-й РТЭ Б. Ф. Ромберга,²⁹ снятые экспедициями карты и планы архитектурно-археологических остатков, описания городищ, храмов, пещер, силуэтные копии фресок, краткие обзоры, части отчетов, отдельные фотографии, полные перечни и карточные каталоги фотографий и негативов. Часть полевых дневников и документов 1-й и 2-й РТЭ сохранились в фонде РТЭ в Архиве³⁰ и Отделе Востока Государственного Эрмитажа, а фотоматериалы отложились как в Эрмитаже, так и в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН и Институте восточных рукописей РАН.

В 1930-е гг. вдова ученого Е. Г. Ольденбург с помощью акад. Ф. И. Щербатского безуспешно пыталась издать научное наследие мужа.³¹ Подготовка неизданных трудов к печати началась вскоре после смерти С. Ф. Ольденбурга, весной 1934 г., когда в Президиум АН СССР было предложено за подписью ведущих ученых Института востоковедения АН СССР издать научное наследие С. Ф. Ольденбурга на двух языках — русском и на одном из западноевропейских — французском или английском. С декабря 1936 г. по письму академика-секретаря Отделения общественных наук работа по подготовке рукописей к печати была начата в Институте востоковедения АН СССР, «но не была доведена до конца в связи с неудовлетворительным состоянием издательского дела в Академии наук до последних лет».³² Уже 8 апреля 1937 г. О. А. Крауш³³ подписала машинописный документ под названием «Общая опись материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. под руководством акад. С. Ф. Ольденбурга, находящихся в распоряжении Е. Г. Оль-

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 162. 86 л. (1-я РТЭ); Д. 167—177 (2-я РТЭ); Д. 179 (2-я РТЭ); Д. 180 (1—2 РТЭ); Д. 181—182 (2-я РТЭ); Д. 185 (картотека фотографий 2-й РТЭ); Д. 186—188 (1—2 РТЭ); Д. 193. 15 записных книжек. 537 л. (1—2 РТЭ); 194 (1—2 РТЭ).

²⁸ Дневники С. М. Дудина см.: СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 164 (1-я РТЭ); Д. 183 (2-я РТЭ).

²⁹ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180.

³⁰ Архив ГЭ. Ф. РТЭ. Оп. 1. Д. 4, 7, 8, 12—16 и др.

³¹ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 2, 992—1014.

³² СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 995.

³³ Крауш Ольга Александровна (1902—1942), востоковед-арабист. По происхождению немка, вторая (гражданская) жена акад. А. Е. Ферсмана в конце 1920-х гг. После окончания средней школы работала делопроизводителем в Военно-хозяйственном управлении НКВД, в 1927 г. — секретарь Отдела научных учреждений СНК СССР. В 1929—1932 гг. училась на восточном факультете Ленинградского государственного историко-лингвистического института. Ученый секретарь комплексной Таджикско-Памирской экспедиции (1932—1934) под научным руководством А. Е. Ферсмана, после разрыва с последним в 1934—1935 гг. — секретарь МТС в городе Исфара (Таджикистан). В октябре 1935 г. вернулась в Ленинград, став заместителем ученого секретаря Библиотеки АН, в январе—июне 1936 г. — личный секретарь неперменного секретаря АН СССР акад. Н. П. Горбунова, затем работала в Отделе Востока Государственного Эрмитажа вместе с Е. Г. Ольденбург (1936—1938?), с конца 1930-х гг. — младший научный сотрудник Арабского кабинета ИВ АН СССР. Умерла в блокадном Ленинграде.

денбург».³⁴ В 1937 г. Е. Г. Ольденбург обратилась в Президиум АН СССР с просьбой ассигновать средства на перепечатку полевых материалов 2-й РТЭ, которые хранились в ее домашнем архиве, и в феврале 1938 г. на эти цели было выделено 2 тыс. руб. По полевым дневникам 2-й РТЭ³⁵ О. А. Крауш напечатала рукопись из шести тетрадей объемом около тысячи машинописных страниц (свыше 40 печ. л.) «Описание пещер Чан Фо Дуна близ Дуньхуана».³⁶ Продолжение — 7, 8, 9 и 10-я тетради машинописи — включали соответственно личные записи С. Ф. Ольденбурга (незавершенный общий очерк, характеристика росписи пещер по эпохам, заметки о композициях, пантеоне, надписях и проч.), путевой дневник этнографа С. М. Дудина, путевой дневник художника Б. Ф. Ромберга.³⁷

Весь 1938 г. акад. Ф. И. Щербатской совместно с Е. Г. Ольденбург редактировал текст материалов 2-й РТЭ и в письме в Президиум АН СССР в марте 1939 г. сообщал: «В процессе работы я имел неоднократно возможность оценить то серьезное научное значение, которое представляют эти собранные 25 лет тому назад в пещерах знаменитого „Музея-монастыря“ Чан Фо Дун близ Дуньхуана (Китайский Туркестан) материалы — сотни фотографий и превосходных негативов, кальки, рисунки, планы, копии надписей и детальное описание всех 450 пещер Чан Фо Дуна. Все эти материалы находились до последнего времени в Госэрмитаже в почти неразобранном виде». Ф. И. Щербатской и Е. Г. Ольденбург просили Президиум АН СССР ассигновать еще 2500 руб. для завершения работы, «которая позволит в дальнейшем ставить вопрос об опубликовании хранящихся в музеях Советского Союза материалов, имеющих мировой научный интерес».³⁸ В процессе работы Ф. И. Щербатской пришел к выводу, что «эти описания настолько полны, закончены и интересны, что они могут быть напечатаны без изменений текста».³⁹

Первые 6 тетрадей были перепечатаны в трех экземплярах (два первых имели копии всех рисунков и схем и были переплетены) — один хранился в Отделе Востока ГЭ, где работала Е. Г. Ольденбург, второй, с рукописной правкой и вставками акад. Ф. И. Щербатского, — в Институте востоковедения АН СССР, третий — в Архиве АН СССР (ныне два последних экземпляра хранятся в СПФ АРАН).

17 марта 1941 г. директор Института востоковедения акад. В. В. Струве обратился в Президиум АН СССР, в Отделение философии и истории, к акад. А. М. Деборину и в Отделение языка и литературы — акад. И. И. Мещанинову с предложением опубликовать труды С. Ф. Ольденбурга в соответствии с решением ученого совета ИВ АН СССР от 24 февраля 1941 г. Подготовительная работа по изданию материалов 2-й РТЭ, потребовавшая «значительного напряжения и чрезвычайной внимательности и настойчивости» со стороны Е. Г. Ольденбург, О. А. Крауш и Ф. И. Щербатского, завершилась в 1940 г.:

³⁴ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.

³⁵ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 174. 6 тетрадей. Автограф С. Ф. Ольденбурга.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 167—172. Машинопись; Д. 175. Л. 9—991. Машинопись с вставками Ф. И. Щербатского.

³⁷ 7—10 тетрадей машинописных копий, вероятно, хранятся в Архиве и Отделе Востока ГЭ, а подлинные рукописи — в СПФ АРАН.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 2.

³⁹ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 1007.

были проведены дешифровка полевых рукописей, их перепечатка в чистовом виде, тщательная считка дневников С. Ф. Ольденбурга, которые дважды сверялись с машинописью, вставлены санскритские и другие иноязычные тексты. Копии с чертежей и рисунков текста были выполнены М. С. Халтуриной. В 1941 г. академик В. В. Струве предложил издать материалы 2-й РТЭ как совместную работу под грифами Института востоковедения и Государственного Эрмитажа — в 6 выпусках, иллюстрированных 500 таблицами (для чего было необходимо сделать выборку из 2 тыс. негативов), а также воспроизведения необходимых калек, планов и чертежей.

Помимо материалов 2-й РТЭ, в Институте востоковедения АН СССР хранился «давно подготовленный акад. И. Ю. Крачковским к печати», по поручению Президиума АН СССР от 16 декабря 1934 г., сборник объемом около 20 печ. л. «еще неопубликованных лекций С. Ф. Ольденбурга по истории индийского искусства, театра и литературы». Это лекции, читанные С. Ф. Ольденбургом в 1918—1919 гг. в Петроградском университете и Институте истории искусств. Однако сборник увидел свет лишь в 1991 г. и вышел вторым стереотипным изданием в 2004 г.⁴⁰ Второй сборник должен был объединять все опубликованные С. Ф. Ольденбургом работы по фольклору. Его подготовка к печати была осуществлена фольклорной секцией Института этнографии и антропологии АН СССР, затем все материалы были переданы в ИВ АН СССР. Это издание, переданное редакции М. К. Азадовского, в печати так и не появилось.

В 1941 г. В. В. Струве писал в Президиум АН СССР, что «начало осуществления этих изданий позволит поставить на очередь подготовку и других намечавшихся томов: а) полной библиографии... работ; б) описания рукописных материалов; в) сборник... статей по истории науки и пр.». Эти разнородные материалы должны были войти в отдельный том планируемого издания работ С. Ф. Ольденбурга. Отобрать публикации по истории науки было поручено вдове Е. Г. Ольденбург⁴¹ — это статьи с характеристикой жизни и творчества ученых, их биографии и некрологи, «чем особенно интересовался Сергей Федорович», но издание также не было осуществлено. Лишь в наше время московский индолог А. А. Вигасин издал подборку интереснейших статей и выдержки из переписки С. Ф. Ольденбурга из различных архивов по истории востоковедения.⁴² Сборник «Этюды о людях науки» выпущен в свет Российским государственным гуманитарным университетом в канун 150-летия со дня рождения С. Ф. Ольденбурга.

Судя по докладной записке академиков И. А. Орбели и Ф. И. Щербатского в Президиум АН СССР, еще в 1939 г. издание материалов 2-й РТЭ планировалось осуществить в плановом порядке в 6 выпусках в течение трех лет на русском и английском языках. В записке В. В. Струве от марта 1941 г. речь идет уже только об издании на русском языке. Последний просил Президиум АН СССР и профильные отделения: 1) согласовать с директором Государст-

⁴⁰ *Ольденбург С. Ф.* Культура Индии / Под ред. и с предисл. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1991. (Библиотека отечественного востоковедения); 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004.

⁴¹ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 1013—1014.

⁴² *Ольденбург С. Ф.* Этюды о людях науки. РГГУ / Отв. ред. С. Д. Серебряный; сост., автор предисл. и коммент. А. А. Вигасин.

венного Эрмитажа акад. И. А. Орбели вопрос о совместном с АН СССР издании материалов по Восточному Туркестану; 2) образовать при Президиуме АН СССР комиссию по изданию научного наследия С. Ф. Ольденбурга из специалистов-востоковедов в составе акад. И. А. Орбели, В. В. Струве, А. П. Баранникова, И. Ю. Крачковского, Ф. И. Щербатского, В. М. Алексева, под председательством либо И. И. Мещанинова, либо А. М. Деборина. К письму В. В. Струве была приложена справка о подготовленных к печати материалах 2-й РТЭ, которые характеризуются как основной научный труд всей жизни С. Ф. Ольденбурга. Дуньхуан, обследованный 2-й РТЭ, «один из наиболее важных археологических комплексов Центральной и Восточной Азии, оазис, через который проходили торговые пути, объединялись два огромных культурных мира — Китай и Индия (...) Европейские научные экспедиции, в течение 20 лет следовавшие друг за другом, посетили эти районы, установив там существование цивилизаций и языков, совершенно ранее неизвестных».⁴³ Предшественником 2-й РТЭ С. Ф. Ольденбурга был французский ученый Поль Пеллио (1878—1945), который в ходе экспедиции 1906—1909 гг. вывез из Дуньхуана значительную коллекцию рукописей, фотографии и другие материалы, а также присвоил нумерацию пещерам Могао, использованную и продолженную 2-й РТЭ. С. Ф. Ольденбург сделал подробное описание комплекса, открыл новые пещеры, обозначив их буквами, добавленными к нумерации П. Пеллио, провел раскопки памятника и обнаружил большое количество новых фрагментов рукописей. В 1920—1924 гг. П. Пеллио опубликовал 6 тетрадей фотоснимков своей экспедиции 1908 г. в Дуньхуане, но без объяснительного текста.⁴⁴ Е. Г. Ольденбург поясняет, что «до настоящего времени больше ничего в научной печати не появилось. Есть сведения, что белыми бандами, остатками армии Колчака, фрески стальных росписей Чан Фо Дуна уничтожены, так что материалы Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. являются в настоящее время единственными, в полной мере сохраняющими для человечества этот памятник искусства народов Азии».⁴⁵ Профессор П. Пеллио, академик Академии надписей и изящной словесности (1921), иностранный член-корреспондент РАН (1922), еще при жизни С. Ф. Ольденбурга в 1932 г. побывал в Ленинграде и ознакомился с его материалами по Дуньхуану. Он «отметил их полноту и высокое качество» и признал фотографии 2-й РТЭ «лучшими по исполнению, чем его собственные, и более полными по содержанию». В Государственном Эрмитаже к 1941 г. был «приведен в ясность» фонд материалов 2-й РТЭ экспедиции. «Очевидное мировое научное значение этих материалов обязывает поставить вопрос об их опубликовании, которое сделает доступным всему миру эту хранимую Советским Союзом ценность».⁴⁶ Однако ввиду начала Великой Отечествен-

⁴³ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 994.

⁴⁴ *Pelliot P. Les Grottes de Touen-houang: Peintures et Sculptures Bouddhiques des Epoque des Wei, des T'ang et des Song. Vol. 1—6. Paris, 1920—1924.* Пещеры были пронумерованы с юга на север, сфотографированы статуи и фрески. Это практически первая фотофиксация памятников, включая те, что были позже утрачены из-за стихийных бедствий и преднамеренного разрушения человеком. Многие из фресок, сохранившихся по сей день, представлены на фотографиях в своем первоначальном виде.

⁴⁵ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 994 об.

⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 1003.

ной войны, а также смерти акад. Ф. И. Щербатского (1942) и Е. Г. Ольденбург (1955) вновь было отложено издание материалов двух экспедиций С. Ф. Ольденбурга.

Только в 1995 г. в научные объекты исследований были введены материалы о памятниках Шикшина, собранные 1-й РТЭ,⁴⁷ а также отдельные буддийские артефакты из Дуньхуана.⁴⁸ В 2005 г. в Шанхае издательством «Древняя книга» в серии «Искусство Дуньхуана в коллекциях России» был издан китайский перевод труда С. Ф. Ольденбурга «Описание пещер Чан Фо Дуна» по экземпляру машинописи, хранящемуся в Отделе Востока ГЭ под названием «Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже» (т. 6), но без учета иллюстративных и других материалов 2-й РТЭ из СПФ АРАН, ИВР РАН, МАЭ РАН. Книга С. М. Дудина об архитектурно-археологических памятниках Синьцзяна, изданная в 1916 г.,⁴⁹ также недавно вышла в китайском переводе (Пекин, 2006). К сожалению, полное издание полевых материалов двух Русских Туркестанских экспедиций под руководством С. Ф. Ольденбурга на языке оригинала — одна из основных задач русской ориенталистики XX в. — не решена до сих пор РАН.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГЭ	—	Государственный Эрмитаж
ЗВОРАО	—	Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.
ИВ	—	Институт востоковедения АН СССР
ИВР	—	Институт восточных рукописей РАН
ЛОИВ	—	Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
НКВД	—	Народный комиссариат внутренних дел
РАО	—	Императорское Русское археологическое общество
РГГУ	—	Российский государственный гуманитарный университет
РКИСВА	—	Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях
РТЭ	—	Русская Туркестанская экспедиция
СНК	—	Совет народных комиссаров СССР
СПФ АРАН	—	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

⁴⁷ Дьяконова Н. В. Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции акад. С. Ф. Ольденбурга: 1909—1910 гг. М., 1995.

⁴⁸ Дьяконова Н. В. Буддийские памятники Дуньхуана // Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа. 1947. Т. 4. С. 445—470.

⁴⁹ Дудин С. М. 1) Архитектурные памятники Китайского Туркестана (из путевых записок). 104 с., ил. (Отд. отт. из журнала: Архитектурно-художественный еженедельник. 1916. № 6, 10, 12, 19, 22, 28, 31). Пг., 1916; 2) Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая. Пг., 1917. (Отд. отт. из книги: Сб. Тр. МАЭ при РАН. Пг., 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 21—92, 31 ил.).

ЛИТЕРАТУРА

- Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Э. Н.* Академик С. Ф. Ольденбург — исследователь древних культур Центральной Азии // Памятники индийской письменности из Центральной Азии / Изд. текстов, исследование и коммент. Г. М. Бонгард-Левина, М. И. Воробьевой-Десятовской и Э. Н. Темкина. М., 2004. Вып. 3. С. 14—33.
- Дудин С. М.* Архитектурные памятники Китайского Туркестана (из путевых записок). Пг., 1916.
- Дудин С. М.* Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая. Пг., 1917.
- Дуньхуановедение: Перспективы и проблемы второго столетия исследований / Под ред. И. Ф. Поповой. СПб., 2012.
- Дьяконова Н. В.* Буддийские памятники Дуньхуана // Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа. 1947. Т. 4. С. 445—470.
- Дьяконова Н. В.* Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции акад. С. Ф. Ольденбурга: 1909—1910 гг. М., 1995.
- Известия АН СССР. 1926. Т. 20, № 18. С. 1848.
- Меньшиков Л. Н.* К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. // Петербургское востоковедение. СПб., 1993. Вып. 4. С. 321—331.
- Назирова Н. Н.* Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.
- Ольденбург С. Ф.* Еще по поводу кашгарских буддийских текстов // ЗВОРАО. 1894 (1893—1894). Т. 8. Вып. 3—4. С. 349—351.
- Ольденбург С. Ф.* Искусство в пустыне // 30 дней. 1925. № 1. С. 47—52.
- Ольденбург С. Ф.* Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1893 (1892). Т. 7. Вып. 1—4. С. 81—82. 1 табл. (Отд. отт.: СПб., 1892).
- Ольденбург С. Ф.* К кашгарским буддийским текстам // ЗВОРАО. 1894 (1893—1894). Т. 8. Вып. 1—2. С. 151—153.
- Ольденбург С. Ф.* Культура Индии / Под ред. и с предисл. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1991. (Библиотека отечественного востоковедения); 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Ольденбург С. Ф.* О научном значении коллекции Н. Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1910 (1909). Т. 19. Вып. 4. С. XXII—XXVIII.
- Ольденбург С. Ф.* Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. I // ЗВОРАО. 1894 (1893—1894). Т. 8. Вып. 1—2. С. 47—67.
- Ольденбург С. Ф.* Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. II: Отрывки из Rañcaraḥṣa // ЗВОРАО. 1899 (1897—1898). Т. 9. Вып. 1—4. С. 207—264.
- Ольденбург С. Ф.* Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. III // ЗВОРАО. 1904 (1902—1903). Т. 15. Вып. 4. С. 0113—0114.
- Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму 1818—1918 (Речь, произнесенная в публичном заседании РАН (20 февраля) 5 марта 1918 г.) // Изв. РАН. 6-я сер. 1918. Т. 12, № 7 (Азиатский сб.).
- Ольденбург С. Ф.* Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837—1908 // ЗВОРАО. 1912 (1910). Т. 20. Вып. 1. С. 01—08. 1 портрет.
- Ольденбург С. Ф.* Пещеры тысячи будд // Восток. Кн. 1. 1922. С. 57—66.
- Ольденбург С. Ф.* Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами Khāroṣṭhī. Изд. факультета восточных языков Импер. С.-Петербургского университета ко дню открытия XI Междун. конгр. ориенталистов в Париже. СПб., 1897.

- Ольденбург С. Ф.* Разведочная археологическая экспедиция в Китайский Туркестан в 1909—1910 гг. // ЗВОРАО. 1913 (1911—1912). Т. 21. С. XX—XXI.
- Ольденбург С. Ф.* Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1—2. С. 25—30.
- Ольденбург С. Ф.* Этюды о людях науки. РГГУ / Отв. ред. С. Д. Серебряный, сост., автор предисл. и коммент. А. А. Вигасин. М., 2012.
- Попова И. Ф.* Вторая Русская Туркестанская экспедиция С. Ф. Ольденбурга (1909—1910) // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX—начале XX века / Под ред. И. Ф. Поповой. СПб., 2008. С. 158—175.
- Попова И. Ф.* Первая Русская Туркестанская экспедиция С. Ф. Ольденбурга (1909—1910) // Там же. С. 148—157.
- Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 года, снаряженная по высочайшему повелению состоящим под высочайшим его императорского величества покровительством Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет составил С. Ф. Ольденбург. С 53 таблицами, 1 планом вне текста и 73 рисунками и планами в тексте по фотографиям и рисункам художника С. М. Дудина и планам инженера Д. А. Смирнова. Изд. Имп. АН. СПб., 1914.
- Скачков П. Е.* Русская Туркестанская экспедиция 1914—1915 гг. // Петербургское востоковедение. СПб., 1993. Вып. 4. С. 313—320.
- Скачков П. Е., Чижикова К. Л.* Библиография трудов С. Ф. Ольденбурга // Сергей Федорович Ольденбург: [Сб. статей]. М., 1986. С. 122—158.
- Тункина И. В.* Н. Ф. Петровский как собиратель древних памятников письменности в Восточном Туркестане (по материалам писем к В. Р. Розену и С. Ф. Ольденбургу) // Восток—Запад: Диалог цивилизаций. Историко-литературный альманах, 2011—2012. ИВИ РАН, Центр «Восток—Запад» / Под ред. акад. В. С. Мясникова. М., 2013. С. 105—123.
- Тункина И. В.* О судьбе неопубликованного научного наследия С. Ф. Ольденбурга // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Матер. XXXIV Годиной Междун. конф. С.-Петербургского отделения Российского нац. комитета по истории и философии науки и техники РАН «Историко-научный Санкт-Петербург: К 60-летию СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, 100-летию первых академических учреждений по истории науки и 150-летию со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского и 125-летию со дня рождения Николая Ивановича Бухарина» (25—29 ноября 2013 г.). Вып. XXIX / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2013. С. 55—61.
- Тункина И. В.* Экспедиции С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909—1910, 1914—1915) в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Фундаментальная наука: Проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Матер. Междун. науч. конф. Москва, Архив РАН, 4—7 июня 2013 г. / Отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2013. С. 36—42.
- Чугуевский Л. И.* Архив востоковедов (бывш. Азиатский архив) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: 23-я Годиная сессия ЛОИВ АН СССР. Матер. по истории отеч. востоковедения. Ч. 3. М., 1990. С. 49, 75—76.
- Pelliot P.* Les Grottes de Touen-houang: Peintures et Sculptures Bouddhiques des Epoques des Wei, des T'ang et des Song. Vol. 1—6. Paris, 1920—1924.

I. V. Tunkina

S. F. OLDENBURG'S UNPUBLISHED SCIENTIFIC HERMITAGE

The year 2013 is marked as the 150th anniversary of the prominent Russian indologist and buddhologist Sergey Fyodorovich Oldenburg (1863—1934). He was one of the anchormen of the science-organizing process in the Russian Empire—the USSR as an academician (1900) and a permanent secretary (1904—1929) of the Saint Petersburg—Russian—All-Soviet Union Academy of Sciences. In 1909—1910 and 1914—1915 the two Russian expeditions took place to the Eastern Turkestan under the direction of Oldenburg, in the course of which there were made numerous discoveries and descriptions of the architectural-archaeological monuments belonging not only to the ancient Buddhist culture, but also the writings in different languages. The unpublished field materials of the two Oldenburg's expeditions to the Eastern Turkestan were deposited in the Saint Petersburg Branch of the Archive of the RAS and some other institutions. The complete publication of the field materials of the two Russian Turkestan expeditions in the language of the original — one of the main tasks of the Russian Oriental Studies of the 20th century — has not been solved yet.

Key words: S. F. Oldenburg, Eastern Turkestan, Russian expeditions, Archive of the Academy of Sciences, archival materials.

LITERATURA

- Bongard-Levin G. M., Vorob'eva-Desyatovskaya M. I., Temkin Ye. N.* Akademik S. F. Ol'denburg — issledovatel' drevnih kul'tur Central'noi Azii // Pamyatniki indijskoy pismennosti iz Central'noy Azii / Izd. tekstov, issledovanie i komment. G. M. Bongard-Levina, M. I. Vorob'evoy-Desyatovskoy i Ye. N. Temkina. M., 2004. Vyp. 3. S. 14—33.
- Dudin S. M.* Arhitekturnye pamyatniki kitayskogo Turkestana (iz putevyh zapisok). Pg., 1916.
- Dudin S. M.* Tehnika stenopisi i skul'ptury v drevnih buddiyiskih pescherah i hramah Zapadnogo Kitaya. Pg., 1917.
- Dun'huanovedenie: Perspektivy i problemy vtorogo stoletiya issledovaniy / Pod red. I. F. Popovoy. SPb., 2012.
- D'yakonova N. V.* Buddiiskie pamyatniki Dun'huana // Tr. Otdela Vostoka Gos. Yermitazha. 1947. T. 4. S. 445—470.
- D'yakonova N. V. Shikshin.* Materialy pervoy Russkoy Turkestanskoy yekspedicii akad. S. F. Ol'denburga: 1909—1910 gg. M., 1995.
- Izvestiya AN SSSR. 1926. T. 20, N 18. S. 1848.
- Men'shikov L. N.* K izucheniyu materialov Russkoy Turkestansky yekspedicii 1914—1915 gg. // Peterburgskoe vostokovedenie. SPb., 1993. Vyp. 4. S. 321—331.
- Nazirova N. N.* Central'naya Aziya v dorevolucionnom otechestvennom vostokovedenii. M., 1992.
- Ol'denburg S. F.* Esche po povodu kashgarskih buddiyskih tekstov // ZVORAO. 1894 (1893—1894). T. 8. Vyp. 3—4. S. 349—351.
- Ol'denburg S. F.* Iskusstvo v pustyne // 30 dnei. 1925. N 1. S. 47—52.
- Ol'denburg S. F.* Kashgarskaya rukopis' N. F. Petrovskogo // ZVORAO. 1893 (1892). T. 7. Vyp. 1—4. S. 81—82, 1 tabl. (Otd. ott.: SPb., 1892).
- Ol'denburg S. F.* K kashgarskim buddiyskim tekstam // ZVORAO. 1894 (1893—1894). T. 8. Vyp. 1—2. S. 151—153.

- Ol'denburg S. F.* Kul'tura Indii // Pod red. i s predisl. I. Yu. Krachkovskogo. M.: Nauka, 1991. (Biblioteka otechestvennogo vostokovedeniya); 2-e izd., stereotip. M.: Editorial URSS, 2004.
- Ol'denburg S. F.* O nauchnom znachenii kollekcii N. F. Petrovskogo // ZVORAO. 1910 (1909). T. 19. Vyp. 4. S. XXII—XXVIII.
- Ol'denburg S. F.* Otryvki kashgarskih sanskritskih rukopisey iz sobraniya N. F. Petrovskogo. I // ZVORAO. 1894 (1893—1894). T. 8. Vyp. 1—2. S. 47—67.
- Ol'denburg S. F.* Otryvki kashgarskih sanskritskih rukopisey iz sobraniya N. F. Petrovskogo. II: Otryvki iz Pañcarakṣa // ZVORAO. 1899 (1897—1898). T. 9. Vyp. 1—4. S. 207—264.
- Ol'denburg S. F.* Otryvki kashgarskih sanskritskih rukopisey iz sobraniya N. F. Petrovskogo. III // ZVORAO. 1904 (1902—1903). T. 15. Vyp. 4. S. 0113—0114.
- Ol'denburg S. F.* Pamyati Vasiliya Pavlovicha Vasil'eva i o ego trudah po buddizmu 1818—1918 (Rech', proiznesennaya v publichnom zasedanii RAN (20 fevralya) 5 marta 1918 g.) // Izvestiya RAN. 6 ser. 1918. T. 12. N 7 (Aziatskiy sb.).
- Ol'denburg S. F.* Payati Nikolaya Fedorovicha Petrovskogo. 1837—1908 // ZVORAO. 1912 (1910). T. 20. Vyp. 1. S. 01—08. 1 portret.
- Ol'denburg S. F.* Peschery tisyachi budd // Vostok. 1922. Kn. 1. S. 57—66.
- Ol'denburg S. F.* Predvaritel'naya zametka o buddiyskoy rukopisi, napisannoy pis'menami Khāroṣṭhī. Izd. fakul'teta vostochnykh jazykov Imp. S.-Petersburgskogo un-ta ko dnyu otkrytiya XI mezhdunar. kongressa orientalistov v Parizhe. SPb., 1897.
- Ol'denburg S. F.* Razvedochnaya arheologicheskaya yekspediciya v Kitayskiy Turkestan v 1909—1910 gg. // ZVORAO. 1913 (1911—1912). T. 21. S. XX—XXI.
- Ol'denburg S. F.* Russkie arheologicheskie issledovaniya v Vostochnom Turkestane // Kazanskiy muzeinyi vestnik. 1921. N 1—2. S. 25—30.
- Ol'denburg S. F.* Yetyudy o lyudjah nauki // RGGU; Otv. red. S. D. Serebryanny; Sost., avtor predisl. i komment. A. A. Vigasin. M., 2012.
- Popova I. F.* Vtoraya Russkaya Turkestanskaya yekspediciya S. F. Ol'denburga (1909—1910) // Rossiiskie yekspedicii v Central'nyu Aziyu v konce XIX—nachale XX ve-ka / Pod red. I. F. Popovoi. SPb., 2008. S. 158—175.
- Popova I. F.* Pervaya Russkaya Turkestanskaya yekspedicia S. F. Ol'denburga (1909—1910) // Rossiiskie yekspedicii v Central'nyu Aziyu v konce XIX—nachale XX ve-ka / Pod red. I. F. Popovoi. SPb., 2008. S. 148—157.
- Russkaya Turkestanskaya yekspediciya 1909—1910 goda, snaryazhennaya po vysochaishe- mu poveleniyu sostoyaschim pod vysochaishim ego imperatorskogo velichestva pokrovitel'stvom Russkim komitetom dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii. Kratkiy predvaritel'nyy otchet sostavil S. F. Ol'denburg. S. 53 tablicami, 1 planom vne teksta i 73 risunkami i planami v tekste po fotografiyam i risunkam hudozhnika S. M. Dudina i planam inzhenera D. A. Smirnova. Izdanie Imp. AN. SPb., 1914.
- Skachkov P. E.* Russkaya Turkestanskaya yekspediciya 1914—1915 gg. // Peterburgskoe vo- stokovedenie. SPb., 1993. Vyp. 4. S. 313—320.
- Skachkov P. E., Chizhikova K. L.* Bibliografiya trudov S. F. Ol'denburga // Sergey Fedorovich Ol'denburg: [Sb. statey]. M., 1986. S. 122—158.
- Tunkina I. V.* N. F. Petrovskii kak sobiratel' drevnih pamyatnikov pis'mennosti v Vostochnom Turkestane (po materialam pisem k V. R. Rozenu i S. F. Ol'denburgu) // Vos- tok—Zapad: Dialog civilizaciy. Istoriko-literaturnyy al'manah, 2011—2012 / IVI RAN, Centr «Vostok—Zapad»; Pod red. akad. V. S. Myasnikova. M., 2013. S. 105—123.
- Tunkina I. V.* O sud'be neopublikovannogo nauchnogo naslediya S. F. Ol'denburga // Nauka i tehnika: Voprosy istorii i teorii. Mat-ly XXXIV godichnoy mezhdunar. konf. S.-Pe- terburgskogo otd-ya Rossiyskogo nac. komiteta po istorii i filosofii nauki i tehniki RAN «Istoriko-nauchnyy Sankt-Peterburg: K 60-letiyu SPbF IIET im. S. I. Vavilova RAN, 100-letiyu pervykh akademicheskikh uchrezhdeniy po istorii nauki i 150-letiyu so

- dnya rozhdeniya Vladimira Ivanovicha Vernadskogo i 125-letiyu so dnya rozhdeniya Nikolaya Ivanovicha Buharina» (25—29 noyabrya 2013 g.). Vyp. XXIX / Otv. red. Ye. I. Kolchinskiy. SPb., 2013. S. 55—61.
- Tunkina I. V.* Yakspedicii S. F. Ol'denburga v Vostochny Turkestan (1909—1910, 1914—1915) v dokumentah Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva RAN // Fundamental'naya nauka: Problemy izucheniya, sohraneniya i restavracii dokumental'nogo naslediya: Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, Arhiv RAN, 4—7 iyunya 2013 g. / Otv. red. V. Yu. Afiani. M., 2013. S. 36—42.
- Chuguevskii L. I.* Arhiv vostokovedov (byvsh. Aziatskiy arhiv) // Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka: 23-ya godichnaya sessiya LOIV AN SSSR. Mat-ly po istorii otech. vostokovedeniya. Ch. 3. M., 1990. S. 49. 75—76.
- Pelliot P.* Les Grottes de Touen-houang: Peintures et Sculptures Bouddhiques des Epoques des Wei, des T'ang et des Song. Paris, 1920—1924. Vol. 1—6.

В. П. ЛЕОНОВ

**ИОГАНН ДАНИЕЛЬ ШУМАХЕР:
МЕЖДУ БИБЛИОТЕКОЙ, АКАДЕМИЕЙ И ДВОРОМ**

Рассматриваются роль и значение деятельности И. Д. Шумахера (1690—1761) в организации первой Государственной публичной библиотеки и Библиотеки Академии наук в XVIII в.

Ключевые слова: Иоганн Даниель Шумахер, Петр I, Библиотека Академии наук, Академия наук, Г. В. Лейбниц.

Погружаясь в глубины биографии Библиотеки Академии наук (БАН), строго и с интересом наблюдавшей жизнь, не отводившую взгляда от окружающих людей и событий, открываешь для себя ее новые стороны. Поначалу это ощущение новизны особенно сильно. Кажется, то, что узнал, очень трудно согласовать с тем, что знал раньше. Такое состояние автору настоящей статьи довелось пережить, перечитывая разнообразную литературу о И. Д. Шумахере — ее первом библиотекаре и советнике Канцелярии Академии наук.

Библиотека подсказала автору статьи пути исследования, учитывая не только положительный опыт, но и трудности, препятствия и унижения, через которые прошли люди, пробивавшие библиотеке дорогу из XVIII в. в последующие столетия.

О И. Д. Шумахере, его роли в формировании БАН в царствование Петра, Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, «деле Шумахера», отношениях с академиками, и в частности с М. В. Ломоносовым, по возможности подробно написано в книге «Судьба библиотеки в России».¹ Впечатления от собранного материала после его анализа и невольного сопоставления с собственным опытом, пережитым в середине 90-х гг. уже прошлого столетия, были настолько сильными, что создавалась иллюзия личного общения с первопроходцами Библиотеки в начале XVIII в. Читая, осознаешь, что никогда не встречался ни с Р. К. Арескиным, ни с Л. Л. Блюментростом, Г. Ф. Миллером, Ж. Н. Делилем, М. В. Ломоносовым, А. К. Нартовым, А. И. Богдановым, потому что современников от них разделяют столетия, но иногда трудно в это поверить. И если бы сегодня удалось встретиться с Иоганном Даниелем Шу-

© В. П. Леонов, 2015. Библиотека РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹ Леонов В. П. Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН, 2000. С. 102—201.

махером — библиотекарем БАН с 1714 по 1759 г. (45 лет!), автор гораздо больше обрадовался бы этой встрече, чем удивился...

Сейчас настало время обратиться к особенностям биографии Библиотеки Академии наук, более пристально посмотреть на нее и в первую очередь на роль и место И. Д. Шумахера в ее жизни с расстояния прошедших лет. Начнем, как это ни покажется странным, с *молчания*.

Молчание БАН представляет собой некий *смысл*, который отражен в ее жизни. Этот смысл утверждается в своей невысказанности, обдумывании всего происшедшего и запечатленного библиотекой. Остановить этот процесс невозможно, он постоянно развивается и идет все дальше и дальше. Так накапливается богатство новых смыслов — аналогов молчания.

Слушая *молчание*, мы начинаем сначала прикасаться к основным темам и противоречиям, составляющим индивидуальность Санкт-Петербурга, а затем его первой библиотеки и Академии наук. Они соответствуют их чувственности, посредством которой город утверждал и себя, и свои интеллектуальные творения на новом меридиане. С рождения в них было что-то необыкновенное, отличавшее их от многих европейских библиотек и академий. Не сразу пришло слово, которым можно объяснить это впечатление. Но оно пришло — *дистанция*. Дистанция была задана сразу и навсегда. Поэтому и восприятие жизни БАН также предполагает некую дистанцию.

Библиотека Академии наук принадлежала другому миру. Полностью, всем своим назначением она принадлежала науке и просвещению XVIII в., продолжателем которого и была. Точнее, она просто жила им. Наука была ее смыслом, жизнью и бытом. Оттого удары судьбы, которые она периодически переживала, не унижали, а возвышали ее, оттого и строгое, исполненное достоинства лицо. Но потом, возвращаясь к реалиям конкретной эпохи, БАН попытается оценить себя и будет задавать себе постоянно мучивший ее вопрос: состоялась ли она как первая библиотека государства и Санкт-Петербурга? И автор статьи убежден, что Библиотека состоялась. Ведь она с самого начала рассматривала себя как составляющую мира науки и культуры, и если ставила эксперимент на себе, то всегда на общую пользу. Это удастся не всем...

Петербургская библиотека начала создаваться за десять лет до основания Академии наук. Ее «биография» формировалась в то время, когда рождение Санкт-Петербурга входило в каждый дом, когда по велению Петра на 30-м меридиане создавался новый город — самодостаточный локальный центр отечественной науки, образования и культуры.² Проект библиотеки у царя возник во время Великого посольства 1697—1698 гг. в Западную Европу. Постоянное общение с зарубежными учеными, в первую очередь с немецкими, продолжалось и в начале XVIII в.

Уже в декабре 1708 г. Г. В. Лейбниц (1646—1716), по предложению Петра, составил для него записку о «введении» в Россию наук. Она носила утилитарный, практический характер. В библиотеках должны, по его мнению, преобладать книги «практических» наук, к которым он причисляет и историю как науку, необходимую для политического деятеля.³ В 1711 г. в Торгау состоя-

² Координаты Библиотеки Академии наук (вестибюля): 59°56.6' с. ш. и 30°17.8' в. д.

³ Подробно см. об этом: *Шебунин А. Н.* Основание Академии наук в России, 1725 г. // Нов. лит. обозрение. 2002. № 2(54). С. 7—28. Это первая публикация выдающе-

лась встреча Лейбница с Петром, во время которой немецкий ученый развил перед царем свой план. После новой личной встречи Лейбниц уже прямо писал о создании Академии наук и рекомендовал для начала озаботиться организацией библиотеки и кабинета редкостей. Царь, находясь под впечатлением предложений, дал Лейбницу чин тайного юстиц-советника и пенсию в 2 тыс. гульденов, рассчитывая и в дальнейшем пользоваться его советами.⁴

Думать об осуществлении проекта Лейбница было невозможно без обращения за помощью к иностранцам. А проявлять к этому интерес, как свидетельствуют публикации, иностранцы начали задолго до создания Академии. Уже в 1714 г. (!) в голландском журнале «*Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel*» в разделе новостей из Москвы от 25 сентября появилось сообщение о намерениях Петра: «Говорят, что его царское величество предполагает учредить в Петербурге академию. Если это правда, то со временем этот город сделается и замечательным, и громадным, так как и теперь он довольно обширен».⁵

гося историка Андрея Николаевича Шебунина (1887—1940) появилась предположительно в 1936 г. и в настоящее время хранится в Отделе рукописей и редкой книги Российской национальной библиотеки.

⁴ *Лейбниц, Готфрид Вильгельм, фон* (нем. *Leibniz, Gottfried Wilhelm, von*), немецкий философ, математик, и языковед, был убежден в том, что наиболее эффективно научная деятельность может вестись только в рамках академий наук как государственных органов, призванных руководить развитием всех производительных сил и всех областей материальной и духовной культуры страны. Во время путешествия Петр I познакомился с Лейбницем в 1697 г. Это была случайная встреча в ганноверском замке Коппенбрюк. Вторая встреча (1711) состоялась во время торжеств, посвященных свадьбе наследника престола Алексея Петровича с представительницей правящего ганноверского дома, принцессой Брауншвейгской Софией Христиной. Осенью 1712 г. Лейбниц сопровождал Петра I в поездках в Теплиц и Дрезден. Ученый с энтузиазмом взялся за разработку проекта научных исследований в России. «В вашем государстве, — писал он Петру, — все, что касается до науки, еще ново и подобно листу белой бумаги, а потому можно избегнуть многих ошибок, которые вкрались в Европе постепенно и незаметно. Известно, что дворец, строящийся вновь, выходит лучше, чем тот, который строился веками и часто подвергался исправлениям и изменениям» (*Герье В. Отношения Лейбница к России и Петру Великому: По неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. С. 134*). В последний раз Лейбниц видел Петра незадолго до своей смерти — в 1716 г.

Добавим к сказанному важное примечание к статье академика А. А. Куника: «В одном письме от 26 февраля 1767 г. Миллер сообщает из Москвы Штелину, что Шумахер внес некогда в библиотеку пакет, содержащий проекты Лейбница, представленные им Петру Великому, и что библиотекарь Тауберт знает место, где положен этот пакет. Куда девались эти бумаги, виденные Миллером, по словам его, только вскользь, неизвестно. Во всяком случае, письма и проекты Лейбница, изданные г. Поссельтом в 1843 г. по московским оригиналам, неполны: между ними недостает именно подробного Лейбницева плана так называемой ученой коллегии (*Collegura Sapientale*)». См.: *Куник А. А. Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Уч. зап. ИАН по I и III Отделениям. Т. II, вып. I. С. 137—144.*

⁵ В ряде работ авторы, ссылаясь на этот текст, приводили неверные сведения об источнике публикации: ссылка давалась на немецкий журнал «*Weltspiegel*» (1714. Ч. 65 (66?). С. 614). Автор статьи выражает признательность библиографам Справочно-библиографического отдела БАН — заведующей отделом Н. А. Сидоренко и главному библиографу Н. А. Волковой, которые провели уникальную исследова-

Мысли о библиотеке и Академии наук не покидали Петра. Пейзаж увиденного и задуманного обретал реальные черты. В сентябре 1714 г. по приглашению Пьера Лефорта (1676—1754), племянника Франца Лефорта, в Петербург приехал немец Иоганн Даниель Шумахер (1690—1761),⁶ который начинает разбирать книги во флигеле Летнего дворца, где хранилась царская библиотека. Соратник Петра Роберт Арескин (1675/77—1718) стал для Шумахера одним из умов-посредников, так необходимых в начале профессиональной карьеры. Арескин учил его правилам работы с книжным собранием. А находясь в окружении Петра, Шумахер познакомился с нравами и характером царя, что было крайне важно для будущего библиотекаря его императорского величества. Воспитанный на немецком, он писал и говорил на своем языке. Таким Шумахер был к 1715 г.

В каких же условиях рождалась «старшая сестра» — главная исследовательская лаборатория — будущей Академии наук? Вместе с И. Д. Шумахером БАН вспоминает факты своей биографии...

Первым ее помещением стал флигель в Летнем дворце, куда в 1714 г. привезли три собрания, содержащие преимущественно западноевропейские издания: книги Аптекарского приказа из Москвы, библиотека Готторпская, так называемая библиотека Курляндских герцогов и книги из «завоеванных балтийских провинций».

тельскую работу по уточнению и разысканию подлинного источника цитаты — голландского журнала «*Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel*» (Haag, 1709—1716) (Журнал имеется в фондах Научно-исследовательского отдела редкой книги БАН).

Прилагаю небезынтересный для читателя краткий отчет о проведенной ими работе:

**Об уточнении выходных данных сообщения
о намерении Петра I основать Академию**

Ссылка «*Weltspiegel*. 1714. Ч. 65 (66?). С. 614» является *неверной*, присутствует в таком виде в нескольких изданиях, например:

Шебунин А. Н. Основание Академии наук в России... С. 7—28; *Томсинов В. А.* Развитие русской юриспруденции в первой четверти XVIII в.: [статья вторая] // Законодательство. 2006. № 3. С. 85—90; *Tishkin G. A.* A Female Educationalist in the Age of the Enlightenment: Princess Dashkova and the University of St. Petersburg // *History of Universities*. Oxford, 1994. Vol. 13. P. 137—152 (ссылается на Б. Модзалевского); *Модзалевский Б.* Академия наук // Нов. энцикл. словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Стб. 638—660.

При просмотре различных публикаций, касающихся основания Академии наук в России, было уточнено название периодического издания: *Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel* (Haag, 1709—1716).

Источники:

Lipski A. The Foundation of the Russian Academy of Sciences // *ISIS*. 1953. Vol. 44. P. 349—354; *Hinz W.* Peter des Grossen. Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit: Inaugural-Dissertation...

Однако неточность допустил и наиболее близкий к истине *Walther Hinz*. Просмотр источника *de visu* позволил окончательно уточнить ссылку: *Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel*. Haag, 1714. Th. 67. S. 624.

Текст сообщения совпадает с русским переводом, приведенным в статье *В. А. Томсинова* (с. 88).

⁶ Подробно о биографии Шумахера Иоганна Даниила (нем. *Schumacher, Johann Daniel*) см. в кн.: *Леонов В. П.* Судьба библиотеки в России... С. 129—132; *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. 1870. С. 16—20.

Фонд насчитывал около 2 тыс. книг на всех европейских языках, включая русский, причем русская книга в первоначальном фонде занимала весьма скромное место. Это происходило совсем не из-за пренебрежения к традиционной русской книге светского содержания, большей частью рукописной, а из-за того, какую роль предназначал Петр своей первой и главной общедоступной Библиотеке. По его замыслу, она должна была научить русского человека пользоваться всей суммой знаний, накопленных в то время в западноевропейских странах, и прежде всего в Голландии и Англии. В 1716 г. собрание Библиотеки насчитывало уже 4763 тома.

Одним из самых ранних книжных собраний, соединившихся с собранием Петра, стала коллекция книг, принадлежавших царевичу Алексею Петровичу (1690—1718). Время этого соединения — 1718 г. Тогда же была приобретена библиотека сподвижника царя А. А. Виниуса, насчитывавшая 375 томов. В 1719 г. была куплена по указу государя библиотека лейб-медика Р. К. Арескина — 2322 названия в 2527 томах.⁷

Старшая сестра Академии росла стремительно. После библиотеки Р. Арескина специально для БАН приобретено знаменитое в Европе книжное собрание шотландского ученого Арчибальда Питкарна — 1522 названия в 1906 томах (1718 г.). Упомянем еще книги из коллекции барона П. П. Шафиров, насчитывавшие по описи 484 тома, которые были переданы в БАН в 1724 г.

Постоянное обслуживание читателей в Библиотеке началось в 1718 г., четыре года спустя после основания. Почва была подготовлена.

Кто же были они — первые читатели общедоступной Библиотеки с 1718 до 1725 г.? В это время Библиотеку посещали представители знати (Я. Брюс, А. Остерман, цесаревна Анна, барон Г. фон Гюйссен), представители высших слоев духовенства (Феофан Прокопович, А. Кондоиди), дипломаты и ученые (Л. Ланг, В. Татищев); сотрудники создаваемой в Петербурге Академии наук (Л. Блюментрост, И. П. Коль, И. В. Паузе, И. Д. Шумахер, Ф. Гмелин).⁸

11/22 июня 1718 г. советник камер-коллегии Генрих Фик⁹ подал Петру записку «О нетрудном воспитании и обучении российских молодых детей, чтобы оных в малое время в совершенство поставить». Прочитав ее, царь начертил на этой бумаге следующую резолюцию: «Сделать академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет; также начать переводить книги юриспруденции и прочая, кто сие учинит сего года начало».¹⁰

Что здесь необходимо отметить? «Проницательность» (по А. С. Пушкину) Петра. Он понимал, что объединить ученых, науку и образование можно только *извне*. И здесь на Библиотеке и Академии лежит подлинная ответствен-

⁷ Р. К. Арескин завещал продать свою библиотеку, а деньги отдать наследникам. Против этого пункта завещания стоит помета Петра: «Заплатить деньги по оценке». См.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964 гг. С. 19. Примеч.

⁸ Подробнее см. об этом: Савельева Е. А., Леонов В. П. У истоков Академической библиотеки // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1999. № 2. С. 27—40.

⁹ Фик Генрих (1679—1750), немец из Гамбурга. Состоял на русской службе с 1715 г. Являлся секретарем у князя А. Д. Меншикова, сыграл важную роль в создании системы коллегий.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое / Под ред. М. М. Сперанского. Т. 5. СПб., 1830. С. 573.

ность. Надо стать не ученым человеком, а человеком-ученым. Когда поступку требуются знания, человек познает, а познав, создает, т. е. действует с искусством.

Однако в правящих кругах России планы царя не встретили единодушного одобрения. Негласное сопротивление дворянской элиты опиралось на распространённое в обществе убеждение, что меры Петра тягостны и непосильны для страны, что они искусственны и вредны. Внешняя слава достигалась ценой неслыханных жертв и разорения. Так и Академия наук в безграмотной стране казалась ненужной и дорогой роскошью.¹¹

В записках Я. Штелина приводится эпизод, рассказанный ему И. Д. Шумахером.

«Некогда за столом у Его Величества был разговор об учреждении Академии Наук, и Государь открыл тогда обстоятельно намерения свои в рассуждении сего учреждения. Один из тайных его советников сказал притом, что предприятие Его Величества ввести науки в Россию весьма похвально и для отечества весьма нужно; однако ж он сомневался, чтоб российский народ мог получить большую пользу от Академии, состоящей из знаменитых и славных ученых людей, которые не станут заниматься обучением юношества. „А для чего ж не быть от них пользы? — отвечал Государь. — Я знаю, какое при этом учреждении имею намерение, и теперь вам скажу. Славные наши ученые люди будут писать книги о всяких науках, которые прикажу я переводить на наш язык; выберу и поручу им молодых людей, которых они должны будут учить наукам по своим книгам и готовить их к тому, чтоб они могли других учить тем наукам. Другими ж сочинениями о своих науках и новых открытиях, которые будут они издавать на латинском языке, принесут они нам честь и уважение в Европе; иностранцы узнают, что и у нас есть науки, и перестанут почитать нас презрителями наук и варварами. Сверх того, присутствующие в коллегиях, канцеляриях, конторах и других судебных местах должны будут требовать от Академии советов в таких делах, в которых науки потребны”».¹²

Оценивая сопротивление дворянства петровским преобразованиям, современные авторы видят в нем скорее культурный конфликт, нежели классовое противостояние.¹³

Работу по учреждению Академии наук в Петербурге Петр поручил своему лейб-медику Лаврентию Блюментросту (1692—1755), который с 1718 г. управлял его Библиотекой и Кунсткамерой. В феврале 1721 г. помощник Блюментроста библиотекарь И. Д. Шумахер был командирован царем за границу «для сочинения соизетета наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах».¹⁴ Из поездки Шумахер привез обстоятельный отчет и более

¹¹ *Шебунин А. Н.* Основание Академии наук... С. 25.

¹² *Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. Ч. 2. Изд. 2-е, испр. М.: Тип. Решетникова, 1820. С. 61—62. А. Н. Шебунин подчеркивает, что указанный случай передан по рассказу Шумахера (см.: *Шебунин А. Н.* Основание Академии наук... С. 25).

¹³ См., например: *Гордин М.* Становление Санкт-Петербургской Академии наук в контексте развития европейской традиции власти // *Российская Академия наук: 275 лет служения России.* М., 1999. С. 238—258.

¹⁴ Об отчете Шумахера Петру и комментарии к нему см.: *Леонов В. П.* Судьба библиотеки в России... С. 130—136.

500 книг, главным образом по гуманитарным наукам, чем вызвал недовольство многих академиков.

По возвращении Шумахера в Россию Петр поручил Блюментросту составить проект учреждения Академии художеств и наук. Нет сомнений в том, что это было совместное с Шумахером сотрудничество.¹⁵ 20 января 1724 г. данный проект был составлен.

В Академии учреждались должности президента и секретаря, назначенных императором, который брал на себя протекторат над Академией. К обязанностям академиков относились: 1) исследовательская работа; 2) ознакомление с иностранной литературой по специальности и составление экстрактов из нее; 3) посещение еженедельных собраний — с чтением докладов и производством экспериментов; 4) отзывы о всяких «декувертах»; 5) произведение всяких изысканий, которые окажутся нужными царю; 6) чтение курса студентам и напечатание его на латинском языке. Избирались академики общим собранием и утверждались императором. 22 января 1724 г. Петр утвердил проект устава Академии художеств и наук и определил сумму доходов — 24 912 руб. из таможенных и лицензных сборов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга. Самое характерное в проекте — это зависимость Академии от правительства. Академия — ученое учреждение, содействующее распространению знаний, техническому развитию страны и выполняющее любые задания государственной власти «*в таких делах, в которых науки потребны*».

Академия наук должна была состоять из 12 членов, секретаря и библиотекаря, четырех переводчиков и 12 воспитанников. Науки разделены были на три класса: математический, физический и литературный (элоквенции). Торжественное открытие произошло в 1726 г. в царствование императрицы Екатерины I.¹⁶

Первую Академию составили 15 профессоров, прибывших из-за границы. Это математики Якоб Герман (1678—1733) и Даниил Бернулли (1700—1782), астроном Жозеф Никола Делиль (1688—1768), математик Христиан Гольдбах (1690—1764), физики Иоганн Георг Лейтманн (1667—1736), Георг Бернгард Бюльфингер (1693—1750) и Христиан Мартини (1699—1739), математик Фридрих Христофор Майер (1697—1729), ботаник Иоганн Христиан Буксбаум (1693—1730), медики Иоганн Георг Дювернуа (1691—1759) и Михаил Бюргер (1686—1726), философ Христиан Фридрих Гросс (1696?—1742), литератор Иоганн Петер Коль (1698—1778), историк Готлиб Зигфрид Байер (1694—1738), правовед Иоганн Симон Бекенштейн (1684—1742).

¹⁵ Об участии Шумахера в составлении проекта см.: *Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге // *Петр Великий: Сб. статей / Под ред. А. И. Андреева.* Т. 1. М. 1947. С. 313 и примеч.

¹⁶ По случаю учреждения Императорской Академии наук была выпущена специальная медаль с надписью на лицевой стороне «PETRVS. MAGNYS. RYSSORYM. IMPERATOR. PATRIAE PATER». Здесь же — увенчанное лаврами, обращенное вправо изображение Петра в латах и мантии, из-под которой видны Андреевская цепь и звезда; в обрезе руки: «С. WERMUTH» (автор медали). На оборотной стороне — венки, образованные эмблемами всех искусств (см.: *Иверсен Ю. Б.* Медали на деяния императора Петра Великого в воспоминание двухсотлетия со дня рождения преобразователя России, изданные Юлием Иверсеном. СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1872. С. 59, табл. XI, № 3).

Президентом Академии был назначен Блюментрост, секретарем и библиотекарем — Шумахер. С тех пор Библиотека навсегда связала свою дальнейшую судьбу и биографию с Академией наук. Первоначальный ее фонд, учтенный и неучтенный в первом печатном каталоге «*Bibliothecae imp. Petropolitanae*» (Р. 1—4. St. Pbg., 1741—1744) насчитывал около 16 тыс. книг на всех европейских языках, включая русский. Причем в каталоге не были отражены имеющиеся в Библиотеке книги на греческом и славянском языках, кроме русского...

Таковы основные факты начальной биографии Библиотеки и Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (ИАН). Как же сложилась ее дальнейшая жизнь и жизнь тех, от кого зависело ее развитие? Если следовать литературе о БАН и ИАН, то главным действующим лицом, определявшим уровень их компетентности, был И. Д. Шумахер. Трудно найти другую личность в их ранней истории, на долю которой выпала бы такая нелегкая судьба. Современники представляли его «деспотичным эльзасским бюрократом», эгоистичным и властолюбивым немцем.

Приведем характеристику И. Д. Шумахера, данную ему в середине 1730-х гг. шведским путешественником, впоследствии членом шведской Академии наук К. Р. Берком (1706—1777): «Шумахер — человек слабых познаний, он был едва ли не камердинером или мелким секретарем у саксонского министра Лефорта, а также тем, что немцы называют студентом-помощником (*Famulus*), у ученого царского архиатра Арескина и при этом нахватался разных сведений из письменной истории. Однако он обладает большой уверенностью в себе, до тонкостей знает придворные дела, чтобы усердно оказывать услуги знати и везде оказываться нужным. Ему вовсе не трудно было во время путешествия по Германии, Голландии и Франции, продолжавшегося до 1722 года, отыскать искусных людей, ведь комиссионер, если его принципал не скупится на расходы, может обращаться сразу к знаменитым мужам».¹⁷

Позднейшие историки писали, что Шумахер, будучи секретарем Академии на протяжении 20 лет, расхищал денежные средства учреждения, препятствовал карьере русских ученых и покровительствовал своим родственникам и немецким соотечественникам в управлении Академией.

Уже в XX в., особенно после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., патриотически настроенные советские историки представляли И. Д. Шумахера немецким врагом русских, который стремился к продвижению в Академии, а русским ученым отводилась роль говорить правду о его продажной власти. Вот один из последних примеров: «Наряду с такими знаменитыми учеными, как Леонард Эйлер или физик Георг Рихман, — пишет в монографии, изданной в 1997 г., Ф. А. Петров, — в Академию хлынул поток иностранцев весьма сомнительной репутации, которым покровительствовал ее секретарь И. Д. Шумахер (курсив наш. — В. Л.). Именно они-то и составили ту „немецкую партию“, с которой четверть века боролся М. В. Ломоносов. Равнодушные и даже враждебные к судьбам русской науки и просвещения, они всячески препятствовали подготовке русских ученых и продвигали своих

¹⁷ Берк К. Р. Путевые заметки о России / Пер. Ю. Н. Беспятых // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 177.

соотечественников, и не случайно „Академический университет” к середине XVIII века захирел, а затем практически и вовсе прекратил существование». ¹⁸ Вот, оказывается, если довериться этим историкам, каким «многоликим Янусом» был И. Д. Шумахер, а Петр, при всей своей проницательности, его не разглядел.

Очень непросто пробиться сквозь толщу веков и большого количества источников к подлинному Шумахеру и сегодня. Одна из таких успешных попыток была предпринята в 1990 г. профессором Ю. Н. Столяровым. Он написал обстоятельную статью к 300-летию И. Д. Шумахера. ¹⁹ Двадцатью годами спустя в газете «Известия» (к 320-летию Шумахера) автор настоящей статьи опубликовал небольшую заметку под названием «Наш Шумахер». ²⁰

В том же 2010 г., но уже в американском журнале «OSIRIS», был напечатан интересный и содержащий много новой информации обстоятельный очерк «Дело Шумахера: Перестройка академической компетентности на протяжении династий в России восемнадцатого века». ²¹ Его автор — Саймон Веррет, профессор исторического факультета Вашингтонского университета в Сиэтле (США, 2000 г.), в Кембриджском университете защитил диссертацию о Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII в. ²²

Казалось бы, теперь можно ожидать объективной оценки, тем более от непредвзятого автора исследования. Но уже во Введении, где формулируется общая концепция работы, читаем: «Данный очерк предполагает, что, хотя Шумахер, без сомнения, был мошенником (*a rogue*. — *В. Л.*), его следует признать опытным администратором, умеющим реформировать и перестраивать кадры Академии с целью успешного ее развития как ведомства». ²³

Читая объемный текст С. Веррета, к сожалению, трудно понять, почему он априорно исходит из оценки И. Д. Шумахера как *a rogue* (также: *жулик, негодяй*). Все дальнейшее изложение свидетельствует об обратном. Например: «...после смерти Петра Шумахер осознал, что в новых условиях, ориентированная исключительно на науку и образование, Академия оказалась нежизнеспособной, поскольку это не совпадало со вкусами самой требовательной публики — Двора... При Петре придворная знать должна была следовать западноевропейскому образу жизни, манерам, одежде, однако после его смерти лишь немногие продолжали интересоваться иностранными науками и образованием. Придворные и знать... боролись за захват власти и ее сохранение в последовательности дворцовых переворотов, создав экстравагантную культуру с ничтожным интересом к наукам. С конца 1720-х годов Шумахер определил новые области интересов Академии, его усилия пришлось по нраву растуше-

¹⁸ Петров Ф. А. Немцы профессора в Московском университете. М.: Христиан. изд-во, 1997. С. 5.

¹⁹ Столяров Ю. Н. Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (к 300-летию со дня рождения) // Книга. Исследования и материалы. 1990. Вып. 61. С. 116—130.

²⁰ Леонов В. П. Наш Шумахер // Известия. 2010. 6 сент. (№ 164).

²¹ Werret S. The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteenth Century Russia // OSIRIS. 2010. Vol. 25. P. 104—125.

²² Werret S. An Odd Sort of Exhibition: The St. Petersburg Academy of Sciences in Enlightened Russia: PhD diss. London: Univ. of Cambridge, 2000.

²³ Ibid. P. 104—105.

му Двору, что помогло обеспечить покровительство для его ведомства. Вместе с тем <...> Шумахер должен был учитывать и интересы самих академиков, которых более всего волновали денежные оклады и власть в Академии наук».²⁴

Перечитаем еще раз данный отрывок. Разве И. Д. Шумахер выглядит мошенником? Ведь таким образом он искал компромисс с Двором и тем самым спасал Академию и Библиотеку. Вот фрагмент его отчаянного письма к президенту Л. Блюментросту от 29 марта 1731 г.: «...до сих пор я утешениями побуждал к исполнению обязанностей и работ как академиков, так и прочих зависящих от Академии лиц. Таким образом, не было ни малейшего замедления. Но теперь это прошло. Вследствие задержек в получении денег каждый недоволен и бранчив, и я действительно опасаясь, что нельзя будет скоро поправить такого несчастья, а также предупредить всеобщего восстания и полнейшего распада Академии».²⁵

Надо отдать ему должное. И. Д. Шумахер правильно и точно оценил сложившуюся ситуацию, особенно после переезда Двора в Москву и переезда туда президента Академии. Как писал секретарь прусского посольства в Петербурге И. Г. Фокеродт, уже сразу после смерти Петра высказывались критические суждения, направленные против Академии. Большинство сенаторов «считали ее бесполезным и плохо обдуманном делом, не приносящим никакой пользы стране, и они предпочли бы сберечь деньги, которые издерживались на нее».²⁶

В таком окружении И. Д. Шумахер тем не менее продолжает заниматься привлечением специалистов, понимая, что Академии необходим другой путь выживания, на котором она могла бы быть полезной государству. Он приглашает мастеров, ремесленников и специалистов по искусству, рисованию, ищет авторов беллетристики, поэзии, риторики. Их навыками и умением воспользовались для создания гравюр, архитектурных украшений, произведений искусства, музыки и литературы. Это была ответная реакция на изменение ситуации в Академии, ситуации, которая рассматривалась академиками как отклонение от научной цели ведомства.

Развитие Шумахером искусств в Академии привело к конфликту, выразившемуся в подаче жалобы в Сенат. В ней содержались требования о большей независимости от канцелярии Шумахера, о большем выделении средств на научные цели и о сокращении количества ремесленников. Однако когда Герман-Карл Кайзерлинг (1697—1765), новый президент, близкий ко Двору Анны Иоанновны, попросил академиков более подробно изложить свои жалобы, многие из них смягчили претензии...

И тем не менее с 1735 г. И. Д. Шумахер как государственный служащий (в отличие от академиков, которые были выведены за пределы петровской Табели о рангах) продолжает находиться в постоянном столкновении с членами Академии. Введенные им и президентами правила работы Академии наук и Библиотеки еще не стали для них необходимостью и вызывали сопротивление

²⁴ *Werret S. An Odd Sort of Exhibition...* P. 105.

²⁵ *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 44—45 (примеч.).

²⁶ Цит. по: *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. М.; Л.: Наука, 1977. С. 160.

ние. Члены Академии не понимали, почему в этом, как им казалось, сугубо научном учреждении обстоятельства сложились так, что советник Канцелярии, не имеющий никакого научного звания и достижений, оказался во главе всех отделений. Они полагали, что их собрание — Академическая конференция — должно являться основой деятельности всей Академии. Ведь именно на ней лежала разработка и пропаганда научных знаний в России. Таким образом, борьба за приоритеты и за деньги (в условиях постоянной невыплаты жалованья) порождала все конфликты.

Шумахер оставался по-прежнему один. Много сил и времени уходило у него на выяснение вопросов по регламенту деятельности академической Канцелярии, по организации типографии, работе Библиотеки. Начало нового недовольства было положено Ж. Н. Делилем, потом М. В. Ломоносовым, советником А. К. Нартовым и др. Снова посыпались жалобы и обвинения. Так в 1742 г. возникло «дело Шумахера», которое окончилось его реабилитацией в декабре 1743 г. Но борьба за власть в Академии не прекратилась. Она надломила Шумахера, он был одинок, не было необходимой поддержки. Неприязненные отношения, сложившиеся между академиками и начальником Канцелярии, который, по их мнению, незаконно забрал всю власть, не прекращались в течение почти всего срока пребывания Шумахера в этом учреждении. Он устал, в конференции появлялся редко и почти не принимал участия в дискуссиях.

Академик П. П. Пекарский приводит его письмо асессору академической Канцелярии Григорию Теплову от 11 февраля 1749 г. И. Д. Шумахер пишет: «Им не я, Шумахер, отвратителен, а мое звание. Они хотят быть господами, в знатных чинах, с огромным жалованьем, без всякой заботы обо всем остальном...».²⁷ Тем не менее в одиночестве он продолжал управлять Академией и Библиотекой вплоть до своей отставки.

15 сентября 1759 г. из императорского кабинета было объявлено Сенату высочайшее повеление, в силу которого И. Д. Шумахеру пожалована «за его долговременное императорскому величеству и предкам ее величества службы, в Лифляндии в Дерптском уезде мыза Укипихт и к ней девять с одной восьмой долею гака с принадлежащими тому угодьями в вечное и потомственное его владение ему, Шумахеру, жене, детям и наследникам его».²⁸

Из Петербурга он уехал в Ливонское имение, где и умер в нищете спустя два года. Г. Ф. Миллер, уведомляя И. Х. Гебенштрейта о кончине, подчеркнул, что Шумахер долгое время вел только вегетарианский образ жизни.

3 июля 1761 г. Анна-Доротея Шумахер написала письмо в академическую Канцелярию: «Муж мой статский советник и Академии наук член Даниил Шумахер сего июля 2 дня волею Божеею умре, а для пристойного по чину погребения тела его имею в деньгах крайнюю надобность».²⁹

Только год спустя в июле 1762 г. Анне-Доротее было выдано жалованье «за долговременную и усердную мужа ее службу, которую оказал он, во-первых, при... Петре Великом в учреждении государственной Библиотеки и Кунсткамеры, потом в правлении дел при Академии наук с самого ее начала и заведением при оной Академии наук разных художеств, которые столь бод-

²⁷ *Леонов В. П.* Судьба библиотеки в России... С. 198.

²⁸ *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. С. 62—63.

²⁹ *Пекарский П. П.* Там же. С. 63.

рым успехом и знатною казенною прибылью почти все природными русскими производятся».³⁰

Такая формулировка заслуг деятельности И. Д. Шумахера, согласимся, была справедлива. Что еще можно добавить к сказанному?

До настоящего времени исследователи не знают, где могила Шумахера. В России не сохранилось ни одного его портрета (автор настоящей статьи приложил немало усилий в поисках его изображения в архивах и библиотеках не только Петербурга и Москвы, но и во многих городах Европы; к сожалению, поиск не дал результатов). Остались только письма, документы, протоколы, написанные им самим...

В контексте биографии БАН хотелось бы подчеркнуть, что в таких условиях в XVIII в. начала формироваться особая *«академическая»* и *«библиотечная»* чувственность, чтобы затем воплотиться в новой России.

Здесь уместно напомнить, что библиотековедение, как и прочие науки (и естественные, и иные), появилось в нашей стране в результате путешествий Петра на Запад. Сегодня мы относим себя и свою культуру к Европе, зачастую забывая, что современная российская культура есть не стихийное и не естественное порождение российской почвы, а комплекс *«трансплантатов»*, т. е. нечто привнесенное извне и пересаженное на оную почву. Часть пересаженного укоренилась лучше (естественные науки, военное дело, музыка, балет), часть — хуже (например, науки об обществе, право, уважение к личности).

Библиотековедение как изучение западного опыта организации библиотек, формирования фондов, международного книгообмена, обслуживания читателей внедрялось в стенах Академии во многом благодаря личным контактам Шумахера с Блюментростом и заинтересованности уже нового руководства Академии. Например, в 1748 г. после принятия Устава Академии (1747) в качестве почетных членов Императорской Академии наук были избраны два иностранных библиотекаря — И. А. Залуский и А. М. Кверини.³¹

В XVIII в. в Библиотеке работало приблизительно десять библиотекарей; среди них на первом месте — И. Д. Шумахер. Он был первый и потому, что с завидной последовательностью исполнял заветы Петра. Он остался верен им, несмотря на давление и трудности. И не только следовал, но в меру сил и способностей стремился их развивать. Не преувеличивая его заслуг, можно полагать, что среди многих начинаний И. Д. Шумахера Библиотека была в определенном смысле единственной, сумевшей впоследствии в каждом своем действии остаться самой собой.

³⁰ Там же.

³¹ Залуский Иосиф Андрей (Йозеф Анджей) (1701—1774), церковный и государственный деятель, епископ хелминский и киевский, библиофил, библиограф, почетный член Петербургской Академии наук (22 ноября 1748 г. вернулся в Польшу).

Кверини Анжело Мариа (Джироламо) (1680—1759), венецианский кардинал, библиотекарь Ватиканской библиотеки, член ордена бенедиктинцев, почетный член Петербургской Академии наук (22 ноября 1748 г. вернулся в Италию).

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сб. статей / Под ред. А. И. Андреева. Т. 1. Л., 1947.
- Берк К. Р.* Путевые заметки о России / Пер. Ю. Н. Беспятых // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997.
- Герье В.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому: По неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке СПб., 1871. (Лейбниц и его век. Т. 2).
- Гордин М.* Становление Санкт-Петербургской Академии наук в контексте развития европейской традиции власти // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 238—258.
- Иверсен Ю. Б.* Медали на деяния императора Петра Великого в воспоминание двухсотлетия со дня рождения преобразователя России, изданныя Юлием Иверсеном. СПб.: Тип. В. В. Прагц, 1872.
- История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964 гг. М.; Л., 1964.
- Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. М.; Л.: Наука, 1977.
- Куник А. А.* Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Уч. зап. ИАН по I и III Отд-ниям. Т. II, вып. I. СПб., 1853. С. 137—144.
- Леонов В. П.* Наш Шумахер // Известия. 2010. 6 сент. № 164.
- Леонов В. П.* Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН, 2000.
- Модзалевский Б.* Академия наук // Нов. энцикл. словарь / Изд-во Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., [1911]. Т. 1. Стб. 638—660.
- Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.
- Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. М.: Христиан. изд-во, 1997.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое / Под ред. М. М. Сперанского. Т. 5. СПб., 1830.
- Савельева Е. А., Леонов В. П.* У истоков Академической библиотеки // Вопр. истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 27—40.
- Столяров Ю. Н.* Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (к 300-летию со дня рождения) // Книга. Исследования и материалы. 1990. Вып. 61. С. 116—130.
- Томсинов В. А.* Развитие русской юриспруденции в первой четверти XVIII в.: [статья вторая] // Законодательство. 2006. № 3. С. 85—90.
- Шебунин А. Н.* Основание Академии наук в России, 1725 г. // Нов. лит. обозрение. 2002. № 2(54). С. 7—28.
- Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. Ч. 2. Изд. 2-е, испр. М.: Тип. Решетникова, 1820.
- Hinz W.* Peter des Grossen. Anteil an der wissenschaftlichen und kunstlerischen Kultur seiner Zeit: Inaugural-Dissertation... Breslau, 1933.
- Lipski A.* The Foundation of the Russian Academy of Sciences // ISIS. 1953. Vol. 44. P. 349—354.
- Tishkin G. A.* A Female Educationalist in the Age of the Enlightenment: Princess Dashkova and the University of St. Petersburg // History of Universities. Vol. 13. Oxford, 1994. P. 137—152.
- Werret S.* An Odd Sort of Exhibition: The St. Petersburg Academy of Sciences in Enlightened Russia: PhD diss. London: Univ. Cambridge, 2000.
- Werret S.* The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteenth Century Russia // OSIRIS. 2010. Vol. 25. P. 104—125.

Valerii P. Leonov

JOHANN DANIEL SCHUMACHER: BETWEEN THE LIBRARY,
THE ACADEMY AND THE ROYAL COURT

It determines the role and importance of the activity of Johann Daniel Schumacher (1690—1761) in organizing the first national public Library and the Academy of Sciences in the 18th century.

Key words: Johann Daniel Schumacher, Peter I, Academy of Sciences Library, BAN, Academy of Sciences, G. V. Leibniz.

LITERATURA

- Andreev A. I.* Osnovanie Akademii nauk v Peterburge // Petr Velikiy: Sb. statey / Pod red. A. I. Andreeva. T. 1. M.; L., 1947.
- Berk K. R.* Putevye zametki o Rossii // Per. Yu. N. Bespyatyh // Bespyatyh Yu. N. Peterburg Anny Ioannovny v inostrannykh opisaniyah. Vvedenie. Teksty. Kommentarii. SPb., 1997.
- Ger'e V.* Otnosheniya Leybniña k Rossii i Petru Velikomu: Po neizdannym bumagam Leybniña v Gannoverskoy biblioteke. SPb., 1871. (Leybniñ i ego vek. T. 2).
- Gordin M.* Stanovlenie Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk v kontekste razvitiya evropeyskoy tradicii vlasti // Rossiyskaya Akademiya nauk: 275 let sluzheniya Rossii. M., 1999. S. 238—258.
- Iversen Yu. B.* Medali na deyaniya imperatora Petra Velikago v vospominanie duhsotletiya so dnya rozhdeniya preobrazovatelya Rossii, izdannyya Yuliem Iversenom. SPb.: tip. V. V. Pratz, 1872.
- Istoriya Biblioteki Akademii nauk SSSR. 1714—1964 gg. M.; L., 1964.
- Kopelevich Yu. H.* Osnovanie Peterburgskoy Akademii nauk. L.: Nauka, 1977.
- Kunik A. A.* Pochemu nyne nevozmozhna esche istoriya Akademii nauk v XVIII stoletii // Uch. zap. IAN po I i III Otd. T. II, vyp. I. SPb., 1853. S. 137—144.
- Leonov V. P.* Nash Shumaher // Izvestiya. 2010. 6 sent. (N 164).
- Leonov V. P.* Sud'ba biblioteki v Rossii: roman-issledovanie. SPb.: BAN, 2000.
- Modzalevskiy B.* Akademiya nauk // Nov. encikl. slovar' / Izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. SPb., [1911]. T. 1. Stb. 638—660.
- Pekarskiy P. P.* Istoriya Imperatorskoy Akademii nauk v Peterburge. SPb., 1870. T. 1.
- Petrov F. A.* Nemeckie professora v Moskovskom universitete. M.: Hristian. izd-vo, 1997.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe / Pod red. M. M. Speransko-ga. T. 5. SPb., 1830.
- Savel'eva E. A., Leonov V. P.* U istokov Akademicheskoy biblioteki // Vopr. istorii estestvoznaniya i tehniki. 1999. N 2. S. 27—40.
- Stolyarov Yu. N.* Pervyy rossiyskiy gosudarstvennyy bibliotekar' Iogann-Daniil Shumaher (k 300-letiyu so dnya rozhdeniya) // Kniga. Issled. i mat-ly. 1990. Vyp. 61. S. 116—130.
- Tomsinon V. A.* Razvitie russkoy yurisprudencii v pervoy chetverti XVIII v.: [stat'ya vtoraya] // Zakonodatel'stvo. 2006. N 3. S. 85—90.
- Shebunin A. N.* Osnovanie Akademii nauk Rossii, 1725 g. // Nov. lit. obozrenie. 2002. N 2(54). S. 7—28.
- Shtelin Ya.* Podlinnye anekdoty o Petre Velikom, sobrannyye Yakovom Shtelinym. Ch. 2. Izd. 2-e, ispr. M.: Tipografiya Reshetnikova, 1820.

- Hinz W.* Peter des Grossen. Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit: Inaugural-Dissertation... Breslau, 1933.
- Lipski A.* The Foundation of the Russian Academy of Sciences // *ISIS*. 1953. Vol. 44. P. 349—354.
- Tishkin G. A.* A Female Educationalist in the Age of the Enlightenment: Princess Dashkova and the University of St. Petersburg // *History of Universities*. Oxford, 1994. Vol. 13. P. 137—152.
- Werret S.* An Odd Sort of Exhibition: The St. Petersburg Academy of Sciences in Enlightened Russia: PhD diss. London: Univ. of Cambridge, 2000.
- Werret S.* The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteenth Century Russia // *OSIRIS*. 2010. Vol. 25. P. 104—125.

II. АКАДЕМИЯ НАУК В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ЗА ДВЕСТИ ЛЕТ

ПУБЛИКАЦИЯ Б. С. КАГАНОВИЧА, Л. Б. ВОЛЬФЦУН

В октябре 2013 г. Российская академия наук торжественным заседанием Санкт-Петербургского научного центра и Международной конференцией «С. Ф. Ольденбург — ученый и организатор науки» отметила 150-летие со дня рождения академика Сергея Федоровича Ольденбурга. В историю русской науки он вошел как выдающийся востоковед-индолог и многолетний непреременный секретарь Академии. В течение четверти века, с октября 1904 по ноябрь 1929 г., Ольденбург был одним из руководителей всей работы Академии наук, и с ним теснейшим образом связаны многие важные события в ее жизни.¹

Думается, что для современного читателя должны быть интересны взгляды С. Ф. Ольденбурга на роль и задачи Академии. Одним из наиболее ярких свидетельств такого рода является его воспроизводимый ниже доклад 1925 г. В этом году отмечалось 200-летие Российской академии наук, незадолго до того переименованной в Академию наук СССР. Власти решили придать юбилею «импозантный» характер, на него были приглашены выдающиеся иностранные ученые, состоялись торжественные заседания в Ленинграде и Москве, на которых выступили академики А. П. Карпинский, В. А. Стеклов, С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман и видные члены советского правительства — М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, А. В. Луначарский, М. М. Литвинов, Н. А. Семашко.

На заседании, проходившем 6 сентября 1925 г. в Большом зале Ленинградской филармонии, с основным докладом «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за двести лет» выступил С. Ф. Ольденбург. Доклад тогда же был напечатан отдельной брошюрой на русском и французском языках² и с тех пор не перепечатывался. В этом официальном, но, как всегда у Ольденбурга, несущем на себе сильную печать его личности, выступлении Сергей Федорович изложил, можно сказать, свои за-

© Б. С. Каганович, 2015. Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербург, Россия.

© Л. Б. Вольфцун, 2015. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербург, Россия.

¹ См.: Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Изд. 2-е, испр. СПб., 1913.

² Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за двести лет. Речь Непременного Секретаря С. Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании конференции Академии 6 сентября 1925 г.

ветные мысли о науке и ее роли в жизни человечества. Многие из них сохранили свою актуальность и в наши дни. Мы отметим здесь лишь некоторые ключевые моменты.

На протяжении всего доклада С. Ф. Ольденбург подчеркивает международный характер науки и необходимость международного научного сотрудничества. В частности, излагая в очень сжатом виде историю Академии наук, Ольденбург от имени современной Академии воздал должное ученым, приглашенным Петром и его преемниками из-за границы. Очевидно, что он решительно не принимал распространенную до революции в националистических кругах и возродившуюся в 1940-е гг. трактовку истории Академии наук как арены борьбы русской и немецкой партий.

Говоря о меняющихся формах организации научной деятельности, Ольденбург подчеркивал кардинальное значение для развития современной науки научно-исследовательских институтов. «Если XVIII век был веком академий, а XIX — веком высшей школы, то XX начинается тем, что становится веком научно-исследовательских институтов», — читаем в одной из его статей.³ Однако он считал естественной (во всяком случае для России) теснейшую связь этих институтов с Академией наук. Напоминание о том, как высоко ценил науку Ленин, в значительной мере было адресовано людям, стоявшим тогда у кормила власти в России.

Весьма актуально звучат сегодня и слова С. Ф. Ольденбурга в связи с трудностями, переживаемыми наукой: «Дело, конечно, не в гибели науки, о чем иногда приходится слышать, ибо наука необходима человеку, как воздух, которым он дышит, а дело в том, что на долгие годы, с большим ущербом для жизни, может затормозиться научная работа от недостаточного понимания ее значения».

Републикация подготовлена Б. С. Кагановичем и Л. Б. Вольфцун. Текст доклада печатается согласно правилам современной орфографии, с сохранением индивидуальных особенностей языка и стиля автора. В нескольких случаях в квадратных скобках введены пропущенные слова. Явные ошибки набора, не замеченные автором и корректором, исправляются без специальных оговорок.

**Речь Непременного Секретаря С. Ф. Ольденбурга,
читанная в торжественном заседании Конференции Академии
6 сентября 1925 года**

Когда нам приходится обращаться к давно прошедшим временам, мы невольно сравниваем их с теми днями, в которые мы живем: в нас сильна потребность знать, что сделано человечеством за этот ряд лет, увидеть, в чем и как оно ушло вперед, и действительно ли оно ушло вперед. В наши дни громадных успехов науки и великих социальных переворотов исключительное значение приобретает эпоха, когда впервые действительно окрепло человеческое сознание, когда место веры в жизни человечества стали занимать знание и сознание. Это время — XVII и XVIII вв. Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц — вот люди, которые для нас неразрывно связаны с началом новой эры в развитии науки. Велики, конечно, заслуги перед наукой и Архимеда и Аристотеля и, позже, Леонардо да Винчи; человечество никогда не забудет того, чем оно обязано и Греции, и Италии, но мы знаем из хода истории, что почва для развития науки не была еще достаточно подготовлена и что много столетий должно было еще пройти до того, пока наука не вступила в период быстрого систематического развития.

³ *Ольденбург С. Ф.* Впечатления о научной жизни в Германии, Франции и Англии // *Научный работник.* 1927. № 2. С. 89.

Великие открытия в области математики и вообще так называемых точных наук в то время вызвали потребность в объединении и систематизации научных работ. Мы знаем, что тогда интернациональность науки была в значительной степени больше, чем теперь: во-первых, круг народов и людей, разрабатывающих науку, был значительно уже; существовал один общий международный язык, всем ученым понятный — латинский, и, наконец, вследствие сравнительно гораздо более узкого круга научных дисциплин и меньшего количества накопленных материалов, ученые имели возможность больше лично общаться и вести между собою обширную научную переписку. Мы знаем из большого количества дошедших до нас писем ученых того времени, насколько эта переписка соединяла людей науки; гораздо больше, чем выходящие теперь научные журналы с их громадным количеством статей соединяют современных ученых: в письме пишутся такие полупродуманные еще мысли, которые ясно показывают, как ученый подходит к тому или другому решению вопроса; этого мы уже не узнаем обыкновенно из книги и статьи.

Начались планы устройства научных обществ; к середине XVII в. относится, например, план шведа о создании мирового университета «для народов, наук и искусств». Здесь должна была царить свободная наука, все ученые Европы, где-либо гонимые, должны были найти себе приют и место для работы в области чистой и прикладной науки. Этот дом науки должен был стать неприкосновенным в силу международных соглашений. Конечно, этот несколько фантастический план остался неосуществленным, но он чрезвычайно показателен, ибо является лишь расширением в международном размере того, что представляли собою ученые общества и академии, которые начали возникать в это время в Италии, Франции, Англии, Германии и России. Для новой науки нужны были новые центры; университеты с их в значительной мере средневековыми традициями не успели тогда еще достаточно перестроиться, чтобы стать теми мощными научными очагами, каких требовала жизнь. Ими сделались академии, которые, будучи в общем построены в значительной мере по одному образцу, в каждой стране носили и особенные характерные черты.

Их основная идея, восходящая еще, как и название, к знаменитой Платоновской Академии, была очень ясная: организация научной работы, носящая универсальный характер. Каждому понятно, конечно, что никакая организация, сколь совершенна она ни будь, не может создать Ньютонов, Лейбницев, Декартов, появление таких гениев еще пока не разъяснено наукою, но организация научного труда, если она будет достаточно продумана и согласована, может весьма сильно поднять производительность этого труда. Поэтому мы и видим, что создание академий отозвалось чрезвычайно благотворно на росте науки.

Число академий было еще весьма невелико, когда среди стран, создавших у себя академию, оказалась и Россия, недавно только еще превратившаяся из «Московии» в Россию. Казалось, что в стране полудикой, почти сплошь безграмотной, почти не имевшей школ, не место «Академии». Так думали и многие из просвещеннейших людей того времени, стоит вспомнить Татищева. Другие, к счастью, думали иначе, и среди них первый — Петр Великий, основатель Академии. Человек глубоко практичный и чрезвычайно трезвый, Петр отлично сознавал пользу науки для государства, и это отразилось в том проекте, который он утвердил в январе 1724 г. Проект этот, хотя и не являлся ни регламентом, ни уставом, но он руководил в течение первых лет всю деятельность

ностью Академии. Несомненно, что на нем отразились по крайней мере два влияния: Лейбница, с которым Петр неоднократно сносился, и Парижской Académie des Sciences, на что указывает самый проект, где сказано: «Сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается, подобно есть». Напомним, что Петр был избран Парижской Академией в связи с сообщенными им важными открытиями в области географии. Но, по мысли Петра, Петербургская Академия должна была в силу местных условий отличаться от других Академий тем, что к ней присоединялись университет и гимназия. Эта важная мысль определенно высказана в § 3 Проекта: «Понеже ныне в России здание к возвращению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтобы здесь следовать в прочих государствах принятому образцу, но надлежит смотреть на состояние здешнего государства, как в рассуждении обучающихся, так и обучающихся, и такое здание учинить, через которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и через обучение и расположение оных, польза в народе впредь была».

Петр не дождал до осуществления его плана, и Академия вступила в жизнь только в 1725 г., двести лет тому назад. Преемница Петра сделала многое, чтобы оказать содействие Академии и академикам. Положение их было нелегкое: в чужой стране, среди неграмотного народа, нравы и обычаи которого казались им малопонятными и дикими, академикам иностранцам предстояло создать Академию, оправдать громадные надежды, которые возлагались на них и на Академию. Надо при этом иметь в виду тот, теперь для нас чрезвычайно своеобразный взгляд, который существовал в то время на ученого: не будет преувеличением сказать, что отношение к ученому отвечало тому, которое в свое время существовало к волхву, кудеснику, жрецу, затем к священнику — он должен был все знать и на все давать ответы. Посмотрим, что говорит по этому вопросу инструкция академикам времени Екатерины I, т. е. почти при основании Академии: «Когда по ее императорского величества указу которому-нибудь из членов дано будет такое дело, до его науки касающееся, о котором члене известно будет, что он то дело разумеет или разуместь должен, то имеет он оное по своей возможности с охотою исполнять». Сопоставим эту инструкцию с жизненной практикой и мы увидим, что требовалось от академика: прежде всего он, конечно, был занят учеными трудами, которые он составлял, читал и печатал на латинском языке, причем вскоре после основания академии большинству академиков приходилось читать лекции и руководить занятиями слушателей. Но это были только очередные занятия; к академикам непрерывно обращались по самым разнообразным вопросам: они давали отзывы о самых разнообразных машинах и изобретениях, должны были выяснять причину чьей-либо внезапной смерти, давать часто отзывы, притом письменные, о вздорных книгах и рукописях, объяснять совершенно неинтересные надписи, составлять и произносить торжественные поминальные слова, оды и речи по самым разнообразным случаям, составлять гербы и девизы, принимать деятельное участие в устройстве грандиозных фейерверков и даже составлять гороскопы. Я далеко еще не перечислил всего, что требовали от академиков. Прибавлю к этому, что Академия скоро начала издавать две газеты, «Ведомости», русские и немецкие, с массою научно-популярных статей; издавали, кроме того, с 1727 г. всевозможные календари и месящесловы, тоже с научно-популярными статьями, которые потом выходили сборниками и усиленно читались.

Поражаешься и изумительному разнообразию производившейся академиком работы и поражаешься их трудоспособностью и трудолюбием. По большей части это были люди выдающиеся и молодые, часто даже очень молодые: Николаю Бернулли было 30 лет, а Даниилу Бернулли 25, великому Эйлеру — всего 20 лет, известному историку и этнографу Г. Ф. Миллеру — тоже только 20, а натуралисту Гмелину всего 18. Это были люди, которые создали нашу Академию и чрезвычайно быстро завоевали ей европейскую славу. Заметим при этом, что жилось и работалось им очень нелегко, потому что бюрократия в лице академической Канцелярии на каждом шагу вмешивалась в работу ученых, лишала их кредитов на работу, создавала невозможные требования, постоянными придирками отравляя жизнь академиков. Не все выдерживали эту исключительно трудную жизнь и возвращались домой; тем большей благодарностью обязана наша страна и наша наука тем из этих иностранцев, наших учителей, которые довели свое дело до конца и сделали нашу страну своею второю родиною.

Академия видит сегодня перед собою преемников этих наших первых иностранных учителей, представителей тех академий и университетов, члены которых были вместе с тем первыми русскими академиком. Академия наук Союза Советских Социалистических Республик приносит в лице их глубокую благодарность памяти знаменитых ученых XVIII в., их предшественников, без работы которых мы не были бы, вероятно, в состоянии давать сегодня отчет в двухвековой работе нашей Академии.

Академики сознавали, что одним из важнейших дел они должны счесть издание научных трудов, и мы видим, что с 1726 г. ведут начало известные «*Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*». По поводу этого издания мы имеем отзыв известного математика Даниила Бернулли, который пишет знаменитому Эйлеру: «Не могу вам достаточно сказать о том, с какою жадностью всюду стараются добыть Петербургские „Мемуары“». Под мемуарами он разумеет «Комментарии».

Чтобы дать некоторое представление об отношении к нашей Академии на Западе в первые же годы ее существования, мы дадим цитаты из речи физика Бюльфингера, произнесенной им по возвращении на родину в Тюбинген. В 1731 г. Бюльфингер уехал из С.-Петербурга, недовольный порядками, и потому тем ценнее его положительный отзыв о ней: «Бесполезно говорить, чем там занимаются. Наши печатные сочинения обнаруживают это ясно. Кто хочет основательно научиться естественным и математическим наукам, тот отправляйся в Париж, Лондон и Петербург. Там ученые мужи по всякой части и запас инструментов. Петр, сведущий сам в этих науках, умел собрать все, что для них необходимо. Он собрал отличный запас книг, дорогие инструменты, заморские редкости природы, искусственные произведения, словом, все, признанное знатоками за достойное уважения».

Мы видим, что первые же академики в полной мере исполняли то, чего от них прежде всего ожидал проект устава Академии, и что он выражал словами «науки производить и совершить»; с таким же рвением они исполняли и свою учительскую задачу. Уже в 1733 г. мы видим первого русского адъюнкта, питомца Академии Ададунова, а за первые 30 лет жизни Академии мы находим в ней уже 10 русских академиков, а к 50-летию — 15. Кроме того, мы только что видели, как их постоянно отвлекали от их прямой работы самыми разнообразными, часто невероятными поручениями. Говорить здесь об от-

дельных исследованиях и достижениях каждого академика мы не будем, они принадлежат истории отдельных наук и хорошо известны специалистам; дать же о них сколько-нибудь ясное представление неспециалистам, на это потребовалось бы много часов, даже для самого краткого перечня главнейших открытий и исследований за 200 лет. Одних членов Академии, не считая их сотрудников, было 344, и результаты академических работ, поскольку они изданы самой Академией, а не на стороне, что, конечно, тоже бывало, помещены приблизительно в 15 000 томах. Ясно поэтому, что я буду говорить лишь об основных направлениях и течениях академических работ, не останавливаясь на отдельных трудах академиков.

Наряду с личной творческой научной работой, преподаванием и энциклопедической экспертизой, перед академиками и Академией стояла крупнейшая задача — исследование громадной страны, которая была совершенно почти неизвестной, даже начертания которой на картах были совершенно фантастичны и ни в какой мере не отвечали действительности. Это исследование страны проходит красной нитью через всю деятельность Академии с первого дня ее существования и вплоть до настоящего дня. Оно было подготовлено географическими интересами Петра и известной семилетней экспедицией Мессершмидта, посланного в Сибирь Петром еще до основания Академии.

Знаменитые «академические» экспедиции XVIII в. широко известны не только в историях отдельных наук, о них говорили и ими интересовались в широких кругах, недаром Британская Энциклопедия указывает, что благодаря академическим экспедициям Россия могла считаться в свое время наилучшей исследованной страной в мире. Считаю необходимым несколько остановиться на этих экспедициях, потому что они для самой Академии в ее внутренней жизни имели громадное значение, расширив чрезвычайно круг ее научной деятельности, который благодаря преобладанию в Академии математиков носил сперва более кабинетно-лабораторный характер. Мы указали уже, какое громадное значение имела в истории науки математика, как от ее успехов зависели и успехи физики, а отчасти и химии. Это же значение математики и математика имели в нашей Академии: знаменательно, что первый научный доклад в Академии был сделан математиком Германом, что первый адъюнкт из русских Ададуrow, ученик Бернулли, был избран адъюнктом по «высшей математике». Математика продолжала и продолжает занимать выдающееся место в Академии; не забудем, что ее член, великий Эйлер, явился основателем школы русских математиков. Мало того, мы видим, как все сильнее и другие специальности начинают проникаться сознанием необходимости вводить в себя возможно большое количество математических элементов.

Вот что писал об этом Ломоносов: «Многие отрицают возможность положить в основание химии механические начала и сделать ее точной наукою; теоретики, лишенные всякой подготовки, прельщенные потемками открытых свойств, никогда не применяют механических законов к изменениям составных тел, употребляют свой досуг на измышление пустых и ложных теорий и загромождают ими литературу. Если те, которые все свои дни затемняют дымом и сажей, в мозге которых царствует хаос от массы непродуманных опытов, не гнушались поучиться священным законам геометров, то несомненно могли бы глубже проникнуть в тайники природы. В самом деле: математика из совокупности немногих линий выводит очень многие истины, отчего же химики не могли бы вывести больших законностей из такого изобилия имеющихся

опытов. Я не вижу никакой иной причины, кроме незнания математики». Наш знаменитый сочлен, великий биолог Бэр в замечательной академической речи 1835 г. [говорил]: «Взгляд на развитие науки» указывает, что «из истории этих (естественных) наук мы видим, что они тем более укрепляются, чем более они могут воспринять математический элемент, этому учит история астрономии и последние судьбы химии и физики». Он же, говоря о науках о человеке, вспоминает доклад математика Бесселя о теории вероятности, поставившего себе задачей доказать, что каждая наука тем более выигрывает в достоверности, чем более она воспринимает в свои методы теорию вероятности. Бэр прибавляет, что «с того времени часто в нем загоралась надежда, что удастся ввести математический элемент в физиологию».

Академические экспедиции вывели академиков из кабинета и лаборатории в поле, к живой природе, поставили их через этнографические работы близко к людям и к жизни; они же, непрерывно обогащая единственный и центральный русский музей Кунсткамеру, создали настоящее систематическое научное собрание музейных предметов вместо прежнего случайного. Имена этих академиков путешественников принадлежат истории: Беринг, Миллер, Крашенинников, [старший и младший] Гмелины, Фишер, Фальк, Стеллер, Лепехин, Озерецковский, Гюльденштедт, Георги и несравнимый почти ни с кем как путешественник знаменитый Паллас — человечество не забудет этих имен.

Благодаря этим экспедициям в науку могли войти и фауна, и флора страны, до того неведомые, начали создаваться гербарии, систематические собрания насекомых и животных вообще и минералов. Появились и первые настоящие этнографические коллекции, а не случайные «раритеты», «курьезы» и «монстры», из которых первоначально составлялась Кунсткамера.

Академики, руководившие экспедициями и принимавшие в них лично участие, составляли программы и инструкции для своих помощников. Часть этих инструкций дошла до нас. В них поражает и широта научного кругозора, и умение вникать во все мелочи работы, и большое понимание технической стороны дела. Одна из самых замечательных инструкций принадлежит академику Г. Ф. Миллеру, известному историку Сибири и этнографу. В ее этнографической части более 1000 статей, которые предваряются следующим руководящим замечанием: «Как описание народов для большинства людей является наиболее интересным из того, что путешественники могут им рассказать о неведомых странах, так оно не менее приносит пользы для истории, показывая родство народов между собою сходством обычаев и языков. Поэтому в настоящем труде приняты во внимание обе цели, а именно не упускать и того, что занимательно, и того, что важно, при том иметь в виду и все мелочи, и самые частные проявления, ибо никогда нельзя наперед знать, что именно полезно».

Современная этнографическая наука и теперь через 185 лет может извлечь большую пользу из этой инструкции. Вообще надо сказать, что и большинство описаний академических экспедиций, дошедших до нас, сохраняют до нашего времени научное значение. Новое дополненное издание части путешествий выпущено было в свет в 1818—1825 гг. по почину Президента С. С. Уварова под заглавием «Полное собрание путешествий по России». Оно начинается с знаменитой Второй Камчатской экспедиции под руководством Беринга, длившейся в 1732—1743 гг., и в Предисловии указано на три периода академических экспедиций: 1732—1755, 1768—1775 и 1780—1795.

Наряду с экспедициями Академия для исследования страны широко пользовалась методом краеведческим. В наше время краеведение получило особенно широкое распространение и у нас, и за границей, где оно известно под разными названиями: *movement regional*, *Heimatskunde*, *Rural Lore* и др. У нас Академия наук прибегла к нему вначале при подготовке известного Географического атласа России 1745 г., который явился крупнейшим событием в географической науке, так как впервые давал близкое к истине представление о Европейской России и о всей Северной Азии. К краеведению при помощи специальной анкеты Академия прибегла и для исправления атласа, и для составления описаний отдельных местностей. В составлении анкеты участвовали академики Ломоносов и Миллер. Сенат разослал ее при указе в 1760 г. Академия вновь прибегла к обращению на места в 1832 г., имея в виду усиление своих сношений со страной и желая расширить научный отдел издававшихся ею газет. Затем уже в революционное время в 1921 г. первый Краеведческий съезд в Москве обратился к Академии с предложением образовать «Центральное бюро краеведения», которое и осталось при Академии до конца 1924 г., когда оно стало самостоятельным учреждением.

Краеведческий подход дает возможность, с одной стороны, производить обследования в громадном масштабе по общему плану, с другой — производить самые детальные и длительные исследования и наблюдения, не говоря уже о том, что путем краеведения лучше и легче всего распространяются научные сведения в широких народных массах. Благодаря этому распространению научных знаний очень облегчаются задачи охраны природы и памятников старины и культуры.

Еще на одну сторону работы Академии с первых же годов ее существования необходимо обратить внимание, — это выработка научного и технического языка. Нам, которые пользуемся теперь выработанным языком, чрезвычайно при том богатым, мало уже понятны те громадные трудности, которые преодолевали наши предшественники 200 лет тому назад, когда надо было находить выражение — слова для совершенно новых понятий. Здесь было два крайних пути: один, пользовавшийся почти сплошь иностранными словами, другой — старавшийся сохранить как можно больше старого. Уже в 1759 г. Сумароков в академическом издании «Трудолюбивая пчела», в статье «О истреблении чужих слов из русского языка» указывал на массу ненужных иностранных слов, из которых большинство исчезло из языка, но некоторые, наоборот, настолько вкоренились в нем, что нежизненным педантизмом явилась бы всякая попытка их изгнать. Если последовательно читать русские академические издания XVIII в., то сразу бросится в глаза громадная работа, произведенная в этом отношении и академиками, и академическими переводчиками.

Первым здесь, как и в стольких областях науки, стоит, конечно, Ломоносов, заслуги которого перед русским языком, как и перед русской наукой, громадны. Ломоносов, кроме того, обратил внимание и на правописание, которое требовало систематизации, и тут Академия была привлечена к вопросу, в котором ей и в наше время пришлось принять значительное участие. Языку вообще много внимания уделили и Академия Наук, и присоединенная к ней уже в XIX ст. Российская Академия, были произведены большие и разнообразные словарные работы, которые продолжают и теперь, отвечая в каждую эпоху определенному состоянию филолого-лингвистических знаний. В XIX и XX вв. заботы об исследовании и применении языка в его литературной и

научной форме с Академией уже разделили в широкой мере и литература, и повременная печать.

Если мы всмотримся теперь внимательно в работу Академии в XVIII в., о которой только что говорили, то увидим, что у Академии было еще мало организованных орудий работы: из лабораторий в сущности была одна Ломоносовская химическая. Астрономическая обсерватория обставлена была крайне скудно. Музеи находились с научной стороны в зачаточном состоянии. Кунсткамера, очень сильно пострадавшая от большого пожара 1747 г., только благодаря экспедициям начала преобразовываться. Если присоединить Библиотеку и в течение некоторого времени Ботанический сад и Ботанический огород, Типографию и разные мастерские, то мы исчерпаем все научные и научно-технические учреждения, какими располагала Академия, причем надо заметить, что мастерские обслуживали в значительной мере ту сторону ее работы, которая придала ей в регламенте 1747 г. добавление «и художеств». В 1764 г. была создана особая Академия Художеств, и поэтому все, относящееся к художественной стороне, отпало от Академии.

XIX в. отразился на жизни нашей Академии приблизительно так же, как и на жизни академий других стран. Развивавшаяся жизнь требовала усиления, а вместе с тем и научного укрепления университетов и других представителей высшей школы. Университеты с их молодежью были отзывчивее к жизни, чем академии того времени, и потому их и стали лучше обставлять научными учреждениями, так что в них закипела научная работа. Число студентов еще не было слишком велико, и преподавание, таким образом, в них не отнимало всех сил преподавателей. Наступило, казалось, значительное затишье в жизни академий вообще, в частности нашей. Но это кажущееся затишье было только изменением форм академической работы.

Мы только что указали, что у нашей Академии были слабо оборудованы и весьма немногочисленны ее ученые учреждения, основное орудие работы; между тем были налицо выдающиеся работники и богатые материалы. Начинается постепенно выделение одного музея за другим из Кунсткамеры, которая прекращает свое существование. В 1818 г. учрежден Азиатский музей и тем положено начало систематической работе по востоковедению у нас, так что скоро Академия стала главным востоковедным центром в стране и оставалась им до учреждения факультета восточных языков Петербургского университета, который долго был затем руководящим востоковедным научным учреждением вместе с Восточным отделением Археологического общества. Теперь, с закрытием обоих, Академия с Азиатским музеем заняли опять руководящее положение в научном востоковедении.

К началу XIX в. относится основание Минералогического музея и Анатомического кабинета. К 1828 г. оборудован Физический кабинет. К 1832 г. [относится основание] Зоологического музея, к 1835 — Ботанического и 1837 — Этнографического музея; таким образом, уже к половине XIX в. все главные академические музеи находятся в работе и усиленно пополняются постоянно организуемыми экспедициями и научными командировками.

В 1839 г. основана в тесной связи с Академией Наук знаменитая Пулковская астрономическая обсерватория, научная связь которой с Академией крепка, как и 86 лет тому назад. Работа ее и достижения известны всему миру. В 1849 г., и тоже как учреждение академическое, учреждена Главная Физическая обсерватория, ныне Геофизическая. Ко второй половине и главным обра-

зом к концу XIX ст. относится образование биологических лабораторий. Первой, в конце 1860-х гг., возникла Севастопольская Биологическая станция, переданная затем Академии, в 1889 г. возникла Физиологическая лаборатория и Лаборатория по анатомии и физиологии растений, в 1893 г. — Особая зоологическая лаборатория. Таким образом, к концу XIX в. Академия была совершенно иначе обставлена учеными учреждениями, чем к концу XVIII в.

Мы уже говорили, что университеты получили свои лаборатории, многие даже получили свои музеи, но эти лаборатории и даже музеи жили иной жизнью, чем академические. Учреждения университетские, даже когда они ведут научную работу, имеют и должны иметь прежде всего в виду цели учебные; в соответствии с этим они отличаются большою устойчивостью и перемена руководителя играет сравнительно меньшую роль. В другом положении находятся и лаборатории, и даже музеи типа академического, руководителями которых являются обыкновенно крупные исследователи, у которых свои сложившиеся взгляды на работу, свои приемы, свои задачи. Таким образом, каждый новый руководитель меняет в значительной, иногда и в чрезвычайной мере характер работ в соответствии с вопросами, которые его занимают в данное время. Это и слабая, но вместе с тем и сильная сторона академической работы, тесно связанной с сильною индивидуальностью руководителя, которая естественно подчиняет себе своих сотрудников и дает свое направление всей работе. Мы не видим здесь, таким образом, систематической последовательности работы учреждений учебного характера, зато мы встречаем чрезвычайное разнообразие подходов к работе, отражение живой изменчивости развивающейся науки. В этом отношении история академических учреждений необыкновенно интересна и поучительна, так как лишь в редких случаях директора и старшие работники этих лабораторий и музеев были люди заурядные.

XIX в. внес в жизнь Академии еще одну значительную перемену включением в ее состав в 1841 г. упраздненной «Российской Академии», под названием II Отделения Академии наук, или Отделения русского языка и словесности. Включением этого Отделения была усилена работа, касающаяся славянских языков, в особенности русского, и их литератур.

Естественно, что увеличилось теперь и число академиков из русских. И в течение довольно долгого времени мы видим в Академии даже борьбу как бы двух партий, русской и немецкой, ибо к тому времени иностранцы в Академии были почти исключительно немцы, по преимуществу русские уроженцы. К концу XIX ст. эти партии совершенно исчезли.

Работа, произведенная II Отделением, была весьма значительна, так как в составе Отделения было много крупных людей. Необходимо особенно обратить здесь внимание, как и по отношению к Историко-филологическому отделению, на определенный словарный уклон работы. По Отделению русского языка и словесности, кроме словаря русского языка, это были словари областные. По Отделению историко-филологическому это были по преимуществу словари восточные, среди них знаменитые санскритский словарь Бетлингга и Рота, имевший такое громадное значение для изучения Индии, и «Опыт словаря тюркских наречий» Радлова. Вообще уклон гуманитарных работ носил все время характер, приближающий их к некоторым типам трудов естественноисторических: по большей части издание материалов-первоисточников, словари, грамматики, исследования лингвистические, в области истории и стати-

стики ряд работ чисто фактического характера. И здесь, как и в XVIII в., мы не можем, за полным недостатком времени, перечислить даже самые главные труды, так велика была произведенная работа, особенно в области востоковедения и русского языка.

XX в. знаменует собою в жизни академий и ученых обществ большое оживление работы. Высшая школа, которой приходится обслуживать гораздо большие массы учащихся, чем в XIX в., хотя бы уже потому, что теперь женщине, наконец, дана возможность получать высшее образование, и потому, что высшая школа доступна более широким кругам населения, в значительной мере должна была сократить свою исследовательскую работу. Педагогическая сторона работы требует теперь в высшей школе чрезвычайного напряжения со стороны преподавательского персонала, не позволяя ему, таким образом, много заниматься личной научной работой. Перегружение лабораторий и кабинетов учебно-исследовательской работой тоже ставит узкие границы работе не педагогической. Между тем потребность в исследовательской деятельности возросла до громадных размеров.

Естественно поэтому, что академии заняли вновь господствующее место, но уже недостаточным зачастую является прежний тип исследовательского учреждения-лаборатории, необходим уже исследовательский институт с целым рядом лабораторий и кабинетов. Прежний тип музеев с их преимущественно выставочной систематизацией не удовлетворяет уже ни научным, ни просветительным задачам: музей должен вести исследовательскую работу и научно-теоретическую, и научно-техническую — химия, физика, геохимия, технология, ряд других дисциплин необходимы в обслуживании музея. С другой стороны, музей превращается в экскурсионную аудиторию, предъявляющую свои требования к музейной выставке, требующую большой подвижности и большого разнообразия систематизирующих группировок. Область материальной культуры требует широкого естественноисторического подхода.

Понятно, что исследовательские институты и музеи нового типа стремятся связать свою работу с академиями, где все нужные им элементы налицо. Кроме того, академии были всегда наиболее международными научными учреждениями, а в 1899 г. они объединились в Международный Союз Академий, Association Internationale des Académies, для более тесного общения на научной работе и для создания целого ряда международных научных предприятий.

И мы видим, что наша Академия с начала XX в. чрезвычайно расширяет свою деятельность во всех направлениях. В связи с 200-летием дня рождения Ломоносова в 1911 г. было решено создать «Ломоносовский исследовательский институт», который должен был объединить Математический кабинет, Физическую и Химическую лаборатории и лаборатории Минералогического музея. Здесь под руководством академиков специалистов должна была начаться большая исследовательская работа в областях знания, которые заняли в настоящее время выдающееся положение среди всех наук. Город отвел место, правительство ассигновало нужные кредиты на постройки и оборудование, но наступившая война 1914 г. положила немедленно конец этим научным начинаниям, точно так же как она не дала осуществиться Биологическому исследовательскому институту, который должен был объединить все академические биологические лаборатории.

Наряду с исследовательскими институтами жизнь выдвинула с большой интенсивностью еще один тип научных организаций — комиссии. В них мож-

но было объединить работу многих специалистов, пользуясь при этом тем или другим академическим рабочим аппаратом. Наряду с комиссиями краткосрочными, для выполнения определенной срочной задачи, образовались комиссии постоянные, часто с чрезвычайно широкими задачами. Из таких комиссий мы назовем две главные, возникшие перед самой революцией, но развившие полностью свою деятельность уже во время ее. Первая, «Комиссия по изучению естественных производительных сил» (КЕПС), вторая «Комиссия по изучению племенного состава населения» (КИПС). Задача первой была произвести учет естественным производительным силам страны и выяснить возможности их использования для хозяйственных нужд страны. Комиссия приступила к изданию ряда справочников с характером сборников статей специалистов и к изданию специальных монографий. Задача второй комиссии была связана с необходимостью по возможности срочно выяснить прежде всего сложный и разнообразный племенной состав пограничных областей, о которых могла идти речь при мирных переговорах, а затем вообще приступить к подробному изучению многообразного племенного состава населения нашей обширной страны, до сих пор в этом отношении еще не достаточно исследованной.

Революция застала Академию в разгаре организации исследовательского дела и применения науки к жизни в главных двух больших только что названных комиссиях — «по изучению естественных производительных сил» и «по изучению племенного состава населения». Война и первые годы революции, значительно сократившие все кредиты, заставили и Академию в значительной степени на первое время сузить свои задачи. Мы касаемся здесь момента чрезвычайно важного как в жизни всей страны, так и в жизни Академии специально. С самого начала 1918 г. начались сношения с правительством через народного комиссара просвещения А. В. Луначарского относительно работы Академии наук. При выработке Народным комиссариатом просвещения проекта мобилизации науки для нужд государственного строительства Академия писала народному комиссару: «Академия полагает, что значительная часть задач ставится самою жизнью и Академия всегда готова, по требованию жизни и государства, приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром». Последовал обмен сообщений с Народным комиссариатом просвещения по разным конкретным вопросам, начали выясняться бюджетные возможности.

Все хорошо помнят исключительную трудность жизни и работы в Петрограде особенно за 1919, 1920 и 1921 гг., и я думаю, что необходимо сегодня с чувством глубокой благодарности вспомнить тех, кто с преданностью взятым на себя обязанностям остались на посту и умерли за науку и просвещение широких народных масс, которые революция вывела к новой жизни. Среди них немало славных имен, которыми гордится мировая наука, среди них и скромные работники, известные только в нашем тесном товарищеском кругу. Всем им глубокое спасибо, пусть память о них служит примером для живущих.

Благодарную память мы храним к тому большому человеку, который умер на работе и из-за работы, Владимиру Ильичу Ленину. В самые трудные дни нашей жизни, когда казалось временами, что никакая работа уже невозможна, его личное вмешательство, его помощь словом и делом создавали возможность работы. Он фанатически любил науку и верил в нее как в могучий

жизненный фактор, который поможет людям в трудной и сложной жизни. Как человек дела, он немедленно воплощал свои слова в дела, и если мы теперь можем говорить о действительно возродившейся научной работе, то этим мы в самой полной степени обязаны ему и тому, что заветы его исполняются в такой же мере и его преемниками.

Вы собственными глазами увидите, что представляют собою теперь наши ученые учреждения и как идет работа в этих тридцати с лишним больших рабочих центрах: исследовательских институтах, лабораториях, музеях, комиссиях.

Новыми в нашей научной жизни являются исследовательские институты, которые все возникли уже после революции: Физико-математический, Химический, Платиновый, Институт физико-химического анализа, Почвенный, Радиевый, Яфетический, Кавказский историко-археологический. Почти все наши музеи перешли в новые, лучшие и более обширные помещения после революции. Всесоюзность Академии наук, постановленная ЦИКом СССР 27 июля настоящего года, создает для Академии новые возможности и налагает на нее новые обязанности.

Несомненно, что в настоящее время от ученого учреждения страна ждет прежде всего, после и наряду с чисто исследовательской работой, пути которой предопределяются ходом развития каждой науки, всестороннего и полного исследования страны, без которого немыслимы правильные подходы к новому хозяйственному строительству. Много уже делается, в этом отношении мы можем указать здесь на начатое в этом году Академией, по предложению совнаркома Якутской республики, всестороннее исследование этой союзной республики.

Здесь на первом плане стоят учет и обследование населения и естественных производительных сил страны, это задача срочная и ударная, потому что возрождающаяся всюду жизнь не ждет: она всемерно ищет новых путей в новом строительстве жизни, и потому необходимо, чтобы здесь было как можно более сознательности, той сознательности, которая дается только знанием, приобретаемым наукою.

Все эти вопросы, столь настойчиво выдвигаемые жизнью, теперь через два столетия после начала организации у нас научной работы, говорят нам особенно ярко о старом знаменитом противопоставлении теории и практики. Вечно живой вопрос о теории и практике не раз вызывал оживленные прения в нашей академической среде, и пять лет тому назад мы слышали блестящее рассуждение нашего товарища, которого именно практическая работа на пользу хозяйственного строительства страны держит сегодня вдали от нас.⁴ Сильно и убедительно, как всегда, он говорил о вреде и для теории, и для практики от того разделения, которое так господствует повсюду: с одной стороны, ученого теоретика считают неспособным к практическому делу, с другой — теоретики часто слишком мало считаются с практическими выводами теории и предлагают последние в форме слишком сложной для применения. Найти здесь равновесие и прочно спаять соединительные звенья, это, по нашему глубокому убеждению, одна из главнейших новых задач Академии.

В жизнь вступили новые силы, широкие народные массы; надо, чтобы им была понятна наука, надо, чтобы их отношение к науке и ее громадному ре-

⁴ По всей вероятности, имеется в виду В. И. Вернадский. — *Примеч. ред.*

шающему значению в жизни проникло глубоко в их сознание. Для этого мало одной популяризации научных знаний, потому что надо помнить, что эта популяризация пока еще имеет тесные границы, если не хочет превратиться в вульгаризацию. Мы должны помнить, что одну из важнейших научных дисциплин — математику — популяризировать нельзя, что и во всех других науках не изложить общедоступно самые важные научные истины, к науке пока подход возможен только путем долгого и упорного труда. Наука еще не нашла тех методов, которые позволили бы ей упрощенно и общедоступно излагать ее руководящие истины.

И тем не менее мы должны сознать, что будущее науки в большой степени зависит оттого, каково будет к ней отношение народных масс, и, конечно, не только с материальной стороны ассигнования тех или иных кредитов, а главным образом с точки зрения новых кадров научных работников. Мы видим теперь всюду, во всех странах грозные признаки того, что занятия так называемой чистой наукой привлекают к себе меньшее число молодых людей: они противопоставили практику теории и решили дело для себя в сторону практики. Мы знаем, что их решение неправильное, что оно повлечет за собою, с ослаблением теоретической работы, падение и гибель практической, но это знаем только мы, а этого мало. Ибо жизнь и ее решения, от которых зависит будущее, там, в этих массах, в их сознательности и просвещенности.

Мы подошли к вопросу, решение которого не под силу одной стране, и, конечно, тем более одному учреждению, как бы мощно оно ни было; он должен решаться в международном, мировом масштабе, ибо [это] и вопрос мирового значения. Дело, конечно, не в гибели науки, о чем иногда приходится слышать, ибо наука необходима человеку, как воздух, которым он дышит, а дело в том, что на долгие годы, с большим ущербом для жизни может затормозиться научная работа от недостаточного понимания ее значения.

Сейчас научная работа не ведется согласованно в мировом масштабе, нет сейчас даже ни одного объединения, которое охватывало бы в своем союзе научных работников всех стран; в одной стране не знают, как идет работа в другой: громадное количество языков, на которых пишутся ученые труды и отсутствие сколько-нибудь обстоятельных общих и специальных библиографий не позволяют знать, что сделано в отдельных отраслях знания. Нет справочников, из которых точно можно было бы узнать все научные учреждения разных стран, тем более отсутствуют справочники об ученых работниках. Частичные, одинокие попытки в отдельных странах мало помогают делу. Я нарочно останавливаюсь на этих технических мелочах, потому что именно они лучше всего показывают, как слабо еще сознание даже в научных кругах необходимости широкой согласованности и объединения работы. Научные съезды и конференции, которые когда-то объединяли ученых, подводили известные итоги работе, ставили ей новые задачи, теперь уже давно потеряли прежнее значение, давая только специалистам возможность встречаться и хотя бы поддерживать старые связи. Но даже съезды и конференции стали редки и по разным причинам не являются уже мировыми.

Такое положение дела не может продолжаться без тяжелого ущерба для науки. Необходимо найти то взаимное понимание, которое так отличало наших предков двести лет тому назад; они смогли именно потому оставить нам такое великое наследие знания, что работа их была общая и дружная. Каждый вносил свое в общее дело, никто не терял своих особенностей, своего «я», но

из этих отдельных личностей, из отдельных народностей создавалось общее, единое сознание, единые научные мысль и дело — общечеловеческие.

Возможности нашего времени еще больше, чем возможности XVIII в., наука шагнула далеко вперед, появились новые формы жизни, новые к ней запросы; воспользуемся примером того, что было двести лет тому назад, того, что сделано за два века, выведем вновь науку на общую, мировую, величайшую работу для человечества.

Здесь представители науки стольких стран, здесь же и представители науки всех частей нашего Союза; пусть их присутствие на нашем празднике послужит знамением того, что уже началось это полное общение, эта действительно общая работа.

ЛИТЕРАТУРА

Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за двести лет. Речь Непременного Секретаря С. Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании Конференции Академии 6 сентября 1925 года. Л., 1925. 22 с.

Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Изд. 2-е, испр. СПб., 2013.

Ольденбург С. Ф. Впечатления о научной жизни в Германии, Франции и Англии // Научный работник. 1927. № 2. С. 89.

LITERATURA

Akademiya nauk Soyuzha Sovetskih Socialisticheskikh respublik za dvesti let. Rech' Nepremennogo Sekretarya S. F. Oldenburga, chitannaya v torjestvennom zasedanii Konferencii Akademii 6 sentyabrya 1825 goda. L., 1925. 22 s.

Kaganovich B. S. Sergei Fedorovich Oldenburg. Opyt biografii. Izd. 2-e, ispr. SPb., 2013.

Oldenburg S. F. Vpechatleniya o nauchnoy zhizni v Germanii, Francii i Anglii // Nauchniy rabotnik. 1927. № 2. S. 89.

III. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. В. ЧЕРНИГОВСКАЯ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В XXI ВЕКЕ: ТРАДИЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Фундаментальные исследования — это одна из преференций, которые стоят перед Россией в XXI в. Очевидно, что она должна ориентироваться не только на мировые тенденции, но и на основные потенциалы научных школ как основу национальных традиций. Санкт-Петербург как место рождения и развития российской науки дает многочисленные блестящие примеры этого, и это — долг Санкт-Петербургского научного центра РАН, чтобы сохранить ее. В статье дается краткий обзор истории психо- и нейролингвистических исследований в Санкт-Петербурге, а также авторский взгляд на организацию науки в целом и на место когнитивных исследований в контексте гуманитарных и естественных наук.

Ключевые слова: научные школы, экспериментальная лингвистика, когнитивные исследования.

Развитие фундаментальных научных исследований является одной из актуальных задач, стоящих перед Россией в XXI в. На этом пути важно не только ориентироваться на мировые достижения и направления, но и не потерять важнейший национальный потенциал — научные школы, являющиеся плодотворно проявившей себя основой отечественной традиции. Санкт-Петербург как место зарождения и формирования российской науки дает тому множество блестящих примеров, и задача СПбНЦ РАН — сохранить их.

Общие вопросы

Дискуссии по поводу тенденций в организации науки в России достигли за последнее время высокого накала. Кратко опишу свою позицию и видение основных аспектов проблемы.

© Т. В. Черниговская, 2015. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Фундаментальная наука и реализация стратегических приоритетов РФ

Нет сомнений в том, что государство должно определять важные направления, которые оно считает нужным развивать и финансировать. Это требует серьезной и постоянной работы по мониторингу состояния дел в России и в мире. Сейчас стало видно, что анализ состояния научных исследований в стране не очень эффективен, в чем виноваты и сами научные организации: фактически во всех институтах, независимо от их формального статуса, совершенно не налажена система информирования общества (пресс-релизов) о результатах работы, нет ясного и понятного не только специалисту изложения своих достижений и открытий. Такая глухая и герметичная позиция давно устарела: достаточно посмотреть на сайты крупных зарубежных научных центров, чтобы увидеть, что они очень динамичны и рассчитаны на разную аудиторию. Государственные научные учреждения — как входящие в РАН, так и университеты — обязаны информировать власть и общество о своей работе — как через свои сайты, так и через научно-популярные телепередачи и издания. Помимо всего прочего, это повысит авторитет и статус самой науки в глазах общества, которое имеет право знать, на что расходуется бюджет.

Организационная структура фундаментальной науки

Идея переориентировать науку с академической системы на университетскую не кажется мне плодотворной в ее нынешней версии. Сама идея хороша, но продуктивность научной работы сотрудников, для которых это является единственным видом деятельности — как в исследовательских институтах — не может быть никаким образом сопоставлена с работой преподавателей с большой педагогической нагрузкой, которая требует огромной отдачи не только во время занятий, но и при подготовке к ним, формировании учебных программ и планов в руководстве студентами и аспирантами и т. д. Конечно, ничего нет важнее воспитания научной смены, и тут с университетами конкурировать трудно, но необходимо разработать систему, при которой активно работающие в науке профессора и доценты будут иметь существенное снижение преподавательской нагрузки. Это очевидно, и такую политику ведут все крупные университеты мира.

Роль государственных академий наук в выборе перспективных направлений фундаментальных исследований

Именно РАН, Советы по науке при президенте РФ и МОН должны определять, какие из направлений являются приоритетными для государства в данный период времени и в некоторой перспективе. Эта стратегическая задача очевидна и очень важна. Такие решения должны приниматься на основании глубокого анализа ситуации в разных областях российской науки в сопоставлении с мировыми лидерами в каждой из областей. Из этого не следует, что фундаментальная наука должна стать ассоциированной только со стратегическими задачами. Как минимум потому, что открытия, как известно, никогда не планировались и часто делались спонтанно и внезапно. Более того, их авторы

в подавляющем большинстве случаев сами не представляли себе следствий и прикладной пользы от своих сугубо теоретических находок. Изучение истории научных открытий и их дальнейшей пестрой судьбы само является очень полезной исследовательской работой и может подсказать выбор стратегий координации научной жизни. Из этого следует, что поисковая работа, не привязанная к конкретным внешним планам, а определяемая самими учеными, должна поддерживаться и финансироваться, что никак не ущемляет выбора стратегических приоритетов руководителей страны. Основной задачей Академии наук должны быть координация и проведение фундаментальных исследований, и они не должны делиться на перспективные и неперспективные. Необходимо спокойно относиться к отрицательным результатам: если оценка компетентных экспертов гласит, что некто является грамотным и сильным исследователем, он должен сам выбирать себе тему работы. Что касается перспективных исследований, на которые надо направить большие силы и средства, этим нужно заниматься по аналогии с существовавшим ранее ГКНТ: лаборатории, разрабатывающие фундаментальные проблемы, получают госзаказы, формируются временные коллективы, которые иногда становятся не временными (пример знаменитой лаборатории № 2 Курчатовского института).

Чрезвычайно важной — в том числе и стратегически — является серьезная поддержка гуманитарной науки: люди, работающие в музеях, архивах, библиотеках, преподающие гуманитарные предметы в школах и вузах, сохраняют нашу цивилизационную память, воспитывают мировоззрение, формируют людей, ответственных за сохранение прошлого и возможность передачи его опыта будущему. От этого зависит существование жизни на Земле! Люди не биологические объекты, и они должны развиваться, понимая это. Гуманитарное знание — не «десерт», а жизненная необходимость, так как в формировании ноосферы участвуют не только технологии, но и те, кто их внедряет. Незрелая личность опасна.

Когнитивные исследования в комплексе гуманитарных, биомедицинских и информационных наук и технологий¹

Почему исследование языка, сознания и обеспечивающих их работу мозговых механизмов занимает такое важное место в науке XXI в.? Потому что

¹ *Наточин Ю. В., Мениуткин В. В., Черниговская Т. В.* Общие черты эволюции в гомеостатических и информационных системах // Журн. эволюц. биохим. и физиол. 1992. Т. 28, № 5. С. 623—637; *Черниговская Т. В.* 1) От коммуникационных сигналов к языку и мышлению человека: эволюция или революция // Рос. физиол. журн. им. И. М. Сеченова. 2008. Т. 9, № 9. С. 1017—1028; 2) Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит? (К вопросу об эволюции языка и сознания) // Когнитивные исследования: Сб. науч. тр. Вып. 4. М.: ИП РАН, 2010. С. 67—89; 3) Мозг и язык: врожденные модули или обучающаяся сеть? // МОЗГ. Фундаментальные и прикладные проблемы. По мат-лам сессии Общего собр. Рос. акад. наук 15—16 декабря 2009 / Под ред. акад. А. И. Григорьева. М.: Наука, 2010. С. 117—127; 4) Языки сознания: кто читает тексты нейронной сети? // Человек в мире знания: К юбилею акад. В. А. Лекторского. М.: Ин-т философии РАН, 2012. С. 403—412; 5) «Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание». М.: ЯСК, 2013; 6) «До опыта приобрели черты...»: Мозг человека и породивший его язык // Логос. 2014. № 1(97). С. 79—96.

мы познаем мир так, как это может наш мозг, мир для нас таков, каким мы способны его воспринять, классифицировать и описать, и от понимания функций мозга зависит наше положение в мире и даже наша цивилизация. Наша зависимость от мозга больше, чем мы привыкли думать. «Нет субъекта без объекта, как нет объекта без субъекта», — так провидчески, задолго до открытий квантовой механики, сформулировал наш великий соотечественник А. А. Ухтомский. А еще раньше и задолго до того, как экспериментальная наука получила методы регистрации мозговой активности во время галлюцинаций, показывающие сходство биоэлектрической активности при обработке реальных сенсорных сигналов и псевдо-сигналов, ошибочно генерируемых мозгом при галлюцинациях, гениальный И. М. Сеченов писал: «Нет никакой разницы в процессах, обеспечивающих в мозгу реальные события, их последствия или воспоминания о них».²

Главным препятствием на пути изучения языка и особенно сознания остается сама неопределенность понимания того, что мы таковыми считаем (а значит, что мы будем искать при исследовании высших функций с помощью мозгового картирования или обсуждать свойства все более мощных систем искусственного интеллекта). Разброс трактовок сознания огромен — от осознания и рефлексии до противопоставления сознания подсознательным и бессознательным процессам.

Определить границы собственно антропологического списка лингвистических и языковых компетенций человека непросто. Это — одна из центральных методологических проблем для современных экспериментов. Для формулирования гипотез и интерпретации результатов эмпирических исследований принципиально важно осознать, с одной стороны, общность принципов, которые эволюция использовала для организации сложного поведения, индивидуального и социального обучения, кодирования информации, а с другой — специфичный для человека тип процедур, отличных не только от модели, выражаемой компьютерной метафорой, но и от возможностей иных биологических видов.

Принципиальная методологическая трудность «объективного» исследования языка и мышления в 1922 г., задолго до возникновения когнитивной науки, сформулирована С. Л. Франком: «Обществоведение отличается той методологической особенностью, что в нем субъект знания в известном отношении совпадает с его объектом. Исследователь муравейника не есть сам участник муравейника, бактериолог принадлежит к другой группе явлений, чем изучаемый им мир микроорганизмов, обществовед же есть сам — сознательно или бессознательно — гражданин, т. е. участник изучаемого им общества».³ Это относится также к исследованию психики и языковой компетенции человека. «Мы не наблюдатели, а участники бытия. Наше поведение — труд... Природа наша делаема»,⁴ — писал А. А. Ухтомский, опередивший свое время почти на век.

Современное исследование антропологической сущности человека мультидисциплинарно и является важнейшим условием сохранения нашей

² Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Е. Физиология нервной системы. Вып. 1.

³ Франк С. Л. Очерк методологии общественных наук. С. 36.

⁴ Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002.

цивилизации и ее достижений. М. К. Мамардашвили считал синтез разных научных подходов критически важным для понимания места человека в мире: «Я считаю, что пересечение гуманитарных и естественнонаучных исследований сознания носит серьезный, не внешний характер ⟨...⟩ Но связь здесь пролегает в другом, более существенном измерении, а именно в измерении места сознания в космических процессах, во Вселенной...».⁵

Сейчас очевидно, что без учета данных биологии и психологии невозможно решить многие кардинальные вопросы лингвистики, а без учета антропологических знаний — правильно интерпретировать результаты естественнонаучных исследований. Без такого синтеза невозможно даже разработать корректный и интерпретируемый эксперимент. В этой связи следует обратиться к новой психофизиологии, которая формируется на основе положений А. А. Ухтомского о доминанте и хронотопе и концепций П. К. Анохина о функциональных системах. Эта наука радикально смещает ориентиры с бихевиористских схем XX в. к когнитивистским идеям XXI в. Идеи построения интегрального знания о человеке вполне могут определить научное и философское пространство наступившего столетия и помочь преодолеть неоправданное абстрагирование в понимании функций мозга как изолированных, разобщенных. Трудно, например, представить себе серьезное обсуждение психических процессов самого высокого ранга без учета культурных контекстов, в которых эти процессы формировались.

Мысль о необходимости разграничения языка как системы и речи как конкретного пространственно-временного процесса осознавали такие крупнейшие отечественные гуманитарии, как А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. М. Пешковский, Н. С. Трубецкой, М. М. Бахтин, Л. В. Щерба, Р. О. Якобсон, Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, И. Г. Франк-Каменецкий, О. М. Фрейденберг, С. Д. Кацнельсон, И. М. Стеблин-Каменский, труды которых явно недостаточно известны мировой науке.

Эволюция высших психических функций привела к обретению мозгом мощнейшей способности к вычислению, использованию рекурсивных правил и ментальных репрезентаций, что создало основу для мышления и человеческого языка. При обсуждении накопленных за полтора столетия знаний сталкиваются школы, противостоящие по схеме детерминизм / врожденность языка, с одной стороны, и модель научения — с другой. *Nature vs nurture*, и это является предметом экспериментальной проверки.

Психо- и нейролингвистические исследования несомненно имеют особый статус не только в рамках когнитивных и нейронаук, но и в гуманитарной части наук о языке и мышлении, так как дают возможность экспериментальными методами проверить не только естественнонаучные парадигмы, но и положения самой лингвистики. В этой области знаний Россия традиционно занимает одну из лидирующих позиций в мире: развитию представлений о высших психических функциях человека посвящены основополагающие труды таких виднейших отечественных ученых, как И. М. Сеченов, А. А. Ухтомский, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, П. К. Анохин, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Н. П. Бехтерева.

Первостепенную ценность экспериментальные исследования языка и мышления имеют при изучении становления языка у детей с нормальным и

⁵ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992.

патологическим речевым развитием (алалии и генетические аномалии развития языка с дислексией и дисграфией), при исследовании распада языковой системы и памяти у больных с афазиями и другими нарушениями мозга (болезни Альцгеймера, Паркинсона, шизофрения, синдром Уильямса, дефицит внимания и т. д.), что выясняется, в частности, с помощью мозгового картирования и других высокотехнологичных методов. Очень интересны кросс-лингвальные исследования сходных синдромов у людей, говорящих на языках разных типов, что дает ценнейший материал как для нейронаук, так и для гуманитарных областей. Большой интерес представляют «сбои» в работе нейронной сети при шизофрении, аутизме, в состоянии стресса; психические особенности савантов, сверхспособности особо одаренных людей. Чрезвычайно интересны исследования различий в языках и культурах как проявлений типов ментальности и способе принятия решений, в том числе имеющих и генетические основания.

Для проведения таких работ используются и методы экспериментальной психологии, такие, например, как методики прайминга, принятия лексического решения, фиксации микродвижений глаз, парсинга и т. д.

Очень перспективное направление экспериментальных исследований в лингвистике, позволяющее проверить работоспособность компьютерной метафоры, — кросс-языковое сопоставление данных об усвоении первого языка детьми и о распаде языковой системы при различных патологиях мозга. Время, когда выводы о языковой способности человека как биологического вида делались на основании данных для одного или пары близкородственных языков, прошло. Сегодня наступил этап сбора информации с учетом языкового разнообразия, когда типологические факты и осторожно принимаемые универсалии сопоставляются с нейрофизиологическими, нейропсихологическими и даже генетическими сведениями.

Непротиворечивость выдвигаемых гипотез проверяется в нейролингвистических исследованиях, где по возможности стремятся описать языковые и иные ментальные процессы в соответствии с релевантными мозговыми паттернами; такие работы проводятся, в частности, и нами совместно с Институтом мозга человека им. Н. П. Бехтерева РАН (проф. С. В. Медведев) и с Институтом физиологии им. И. П. Павлова РАН (проф. Ю. Е. Шелепин). Современные исследования международного уровня ведутся на кафедре проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук, на кафедре общего языкознания, на кафедре фонетики и в лаборатории когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета — у монолингвов и билингвов, у детей с нормальным и патологическим языковым развитием, у здоровых и больных с афазией и шизофренией, болезнью Альцгеймера; исследуются процедуры парсинга и разных видов референции, организация дискурса и процедуры вероятностного прогнозирования, организация ментального лексикона, переключения кодов и т. д. Следует подчеркнуть, что фактическая конвергентность когнитивных исследований очевидна: совместная работа психологов, нейрофизиологов, лингвистов, математиков, генетиков является единственным возможным алгоритмом.

Изучение принципов и механизмов функционирования мозга человека — задача, требующая высокой технологической оснащенности. Полноценные и всеобъемлющие исследования должны осуществляться не только в условиях лаборатории, но и в клинике. Для таких работ в идеале необходимы со-

временные приборы: МРТ не менее 3Т с программным обеспечением для фМРТ, трактографии и др.; ПЭТ/КТ с мощной радиохимической лабораторией и циклотроном с энергией протонов не менее 18 Мэв; электроэнцефалографы и магнитоэнцефалографы с системой позиционирования электродов на 256 каналов; эхоэнцефалографы; инфракрасные оптические томографы; термоэнцефалографы; полиграфы, высокоточные приборы регистрации микродвижений глаз и т. д.

Важным разделом экспериментальных исследований является компьютерное моделирование речевосприятия и речепроизводства (автоматический синтез и анализ речи). Для таких разработок в России имеется серьезная традиция как в области физиологии речи (прежде всего работы школы Л. А. Чистович в Институте физиологии им. И. П. Павлова РАН в Колтушах), так и в области фонетики и биоакустики (в частности, школы Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой и В. И. Галунова, их последователей, например, П. А. Скредина). Эти исследования также требуют высокотехнологичного обеспечения: артикулографов и миниатюрных микрофонов, которыми можно записывать звук прямо с голосовых связок; электроглоттографов; специальных комплексов, включающих назометры; измерителей давления воздушного потока, определителей высоты голоса; глоттографов, и проч.

Все это требует серьезного финансирования и, конечно, должно работать не только на фундаментальные исследования, но и на клиническую медицину, как это принято во всем мире.

Петербургское направление в экспериментальной лингвистике

История психолингвистических исследований восходит к классическим работам замечательных лингвистов, которыми формировалась мысль о необходимости разграничения языка как системы и речи как конкретного пространственно-временного процесса. Это осознавали такие крупнейшие лингвисты, как В. Гумбольдт, Ф. де Соссюр, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртене, А. М. Пешковский, Н. С. Трубецкой, М. М. Бахтин, Л. В. Щерба, Р. О. Якобсон.

Находившийся под значительным влиянием физиологических работ своего времени, в частности И. М. Сеченова, и экспериментальной психологии В. Вундта, И. А. Бодуэн де Куртене фактически заложил основы экспериментального изучения речи. Это во многом определило интересы петербургской лингвистики, в том числе в дальнейшем и экспериментальной. В кратком очерке истории кафедры общего языкознания Л. В. Щерба писал: «Появление на кафедре гениального ученого, отличавшегося смелостью и оригинальностью мысли, большого общественника, человека кристальной чистоты и вообще одного из самых передовых людей своего времени, сыграло решающую роль в судьбах лингвистики в стенах Санкт-Петербургского <университета>... Он всегда старался открывать слушателям широкие научные перспективы, давая им возможность заглянуть в лабораторию своей научной мысли». Это начало имело блестящее продолжение в экспериментальных работах школы Л. В. Щербы и его учеников — в Лаборатории экспериментальной фонетики

СПбГУ — М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндера, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой, М. В. Гординой, А. С. Штерн и др.

Отдельное и очень яркое место занимают на петербургской психолингвистической карте работы С. Д. Кацнельсона, изданные в 2001 г. книгой «Категории языка и мышления».⁶

Большую роль в развитии петербургской психолингвистики и формирования ее как отдельного направления принадлежит Л. В. Сахарному и А. С. Штерн. На базе СПбГУ ими был основан постоянно действующий городской психолингвистический семинар, теперь известный как «Петербургский семинар по когнитивным исследованиям»,⁷ в работе которого в качестве ученого секретаря с самого начала работала нынешний руководитель этой научной школы Т. В. Черниговская. Свои работы обсудили на этом семинаре десятки аспирантов, докторантов и известных ученых России и многих стран мира.

Одним из родоначальников петербургского направления в психолингвистике является В. М. Павлов, выступивший еще в 1968 г. со статьей «Языковая способность человека как объект лингвистической науки».⁸

Современные представления о проблеме системы и языковой нормы и ее кодификации, диалектные и социолектные особенности устной речи, характерные черты литературного и просторечного языка и вопросы межъязыковой интерференции наиболее полно и современно отражены в многочисленных статьях и книгах Л. А. Вербицкой — крупного специалиста в области общего языкознания, в частности фонетики и фонологии и орфоэпии.

Очень важное направление многие годы разрабатывалось К. А. Долиным, исследовавшим проблему речевых жанров и коммуникативных структур, стилистики и психолингвистических аспектов дискурса в целом.

Активную работу по моделированию процесса восприятия речи ведет научная группа из СПбГУ, возглавляемая В. Б. Касевичем. Основные результаты этой работы изложены в книге 2003 г.,⁹ являющейся наиболее значимой монографией на данную тему после фундаментальной работы Л. А. Чистович и др.¹⁰

В начале 1960-х гг. Л. А. Чистович и В. А. Кожевниковым в Институте физиологии им. И. П. Павлова РАН была создана Лаборатория исследования речи — один из ведущих научных коллективов в этой области не только в нашей стране, но и в мире. Работниками лаборатории был предложен новый подход к изучению слухоречевых функций — рассмотрение поведения человека в процессе речевой коммуникации как функционирования сложной информационной системы. Были установлены закономерности динамики процесса рече-

⁶ Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001.

⁷ См. сайт, посвященный семинару: <http://cognitivestudies.ru/seminar/> (дата обращения: 21 июля 2015 г.).

⁸ Павлов В. М. Языковая способность человека как объект лингвистической науки // Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики) / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1968. С. 36—68.

⁹ Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. Изд. 2-е. М., 2003.

¹⁰ Чистович Л. А. и др. Физиология речи. Восприятие речи человеком. М.; Л.: Наука, 1976.

образования, сформулирована гипотеза последовательно-параллельной схемы артикуляторного программирования, выявлен механизм текущей обработки и накопления информации, предшествующий фонемному решению. Благодаря исследованиям слухового восприятия речи выявлены закономерности преобразования речевых сигналов в слуховой системе на периферическом и высших уровнях слуховой системы.¹¹ С 1996 г. коллективом проводились исследования процессов формирования коммуникативных функций у детей разного возраста в норме и при различных нарушениях слухоречевой системы.

В 70—80-х гг. XX в. исследования речевых процессов — восприятия, порождения и речеобразования — в значительной степени были инициированы потребностями развития систем автоматического распознавания и синтеза речи. Один из ведущих коллективов, занимавшихся этими проблемами — Лаборатория речи научно-исследовательского института «Дальняя связь», руководимая В. И. Галуновым, развивала бионический подход к разработке этих систем. Это способствовало изучению механизмов и алгоритмов речевых процессов у человека. В результате исследований межполушарных различий в обработке речевых сигналов В. И. Галуновым, И. В. Королевой и Г. Г. Шургия была разработана модель восприятия речи, основанная на взаимодействии двух полушарий мозга, каждое из которых использует свой способ обработки: левое полушарие — сегментный, а правое — целостный, обеспечивая высокую помехоустойчивость и скорость обработки. В более поздних исследованиях «эффекта перцептивной реставрации отсутствующей фонемы» у взрослых и детей эта модель получила дальнейшее развитие с позиций интерактивной обработки речи. И. В. Королева продолжила исследования речи в Санкт-Петербургском научно-исследовательском институте уха, горла, носа и речи с использованием новой экспериментальной модели — слухоречевых и языковых процессов у глухих людей с кохлеарным имплантом (КИ), т. е. слуховым электродным протезом. КИ позволяет глухим людям воспринимать звучащую речь благодаря преобразованию звуковых сигналов в электрические импульсы, передаваемые системой электродов в слуховой нерв.

В 1991 г. в РГПУ им. А. И. Герцена С. Н. Цейтлин была создана кафедра детской речи. Теоретической платформой проводимых исследований является предположение о том, что каждый ребенок самостоятельно и последовательно строит собственную языковую систему. Важное место в этих исследованиях занимает семинар, объединяющий исследователей, занимающихся лингвистическими, психологическими, педагогическими аспектами детской речи. Это направление успешно развивается М. Д. Воейковой в ИЛИ РАН.

Широкое внедрение компьютерных технологий обработки речевых сигналов в конце 1990-х гг. способствовало проведению Г. А. Куликовым и Н. Г. Андреевой в СПбГУ системных исследований речевого развития детей раннего возраста с позиций акустического, перцептивного и психолингвистического анализа.

В. В. Оппель и В. К. Орфинская в 1930—1940-х гг. одними из первых начали исследования афазии и алалии с точки зрения особенностей лингвистических процессов и организации коррекционной работы при этих расстройствах речи. Огромную роль в развитии этой области знаний и практики работы

¹¹ То же.

со взрослыми и детьми, страдающими нарушениями языковых процессов, сыграла Н. Н. Трауготт — ученица и последовательница Л. А. Орбели и основатель научной школы. Из ее лаборатории вышли такие известные ученые, как Л. Я. Балонов, В. Л. Деглин, Я. А. Меерсон, Д. А. Кауфман, Л. И. Вассерман, С. А. Дорофеева, Т. В. Черниговская. Без этих ученых и теория, и практика нейролингвистических исследований была бы иной. Большая часть нейролингвистических исследований была выполнена с участием Т. В. Черниговской, которая и продолжила в дальнейшем развивать это направление.

Трудно переоценить роль работавшей в ИЛИ РАН М. В. Русаковой — чрезвычайно образованного и оригинального ученого, сочетавшей корпусную и экспериментальную работу и многие годы собиравшей примеры языковых сбоев у взрослых и детей. Важную роль в изучении онтолингвистических аспектов речевого развития и организации ментального лексикона играют также работы В. В. Казаковской (ИЛИ РАН), Н. В. Гагариной, Г. Р. Добровой, М. Б. Елисеевой.

Петербургские исследователи В. А. Ковшиков и А. Н. Корнев внесли значительный вклад в развитие представлений об особенностях психолингвистических процессов у детей с патологией речи, чтения и письма.

Особое место в нейролингвистической проблематике традиционно занимает изучение речевой продукции и восприятия у больных афазией — нарушений устной и письменной формы языка, вызванных заболеваниями головного мозга. Многолетние исследования Н. Н. Трауготт, Я. А. Меерсона, Л. И. Вассермана, М. Г. Храковской, Г. М. Сумченко, С. А. Дорофеевой и их коллег внесли фундаментальный вклад в нейролингвистическую проблематику.

Многолетние исследования системной организации речевых функций в мозгу, проводимые А. Н. Шеповальниковым и М. Н. Цицерошиным с коллегами с помощью ЭЭГ-картирования, свидетельствуют о чрезвычайной роли взаимосвязей между отделами мозга, особенно в онтогенезе, нарушение которого приводит к патологии внимания, алалии и дизартрии.

В настоящее время заметно усиливается тенденция к централизации ресурсов и организационному объединению. Это дает основания формировать совместные междисциплинарные проекты в русле когнитивного направления, создает благоприятные условия для дальнейшего углубления партнерских взаимоотношений между различными вузами Санкт-Петербурга и институтами РАН. Такое сотрудничество открывает возможности для создания необходимой социальной и технологической инфраструктуры и реализации крупных междисциплинарных проектов национального масштаба, которые позволили бы стратегически укрепить позиции на международной арене, а идеологически — вплотную подойти к решению фундаментальных проблем наиболее перспективных направлений современной когнитивной науки.

В заключение следует подчеркнуть, что результаты обозначенных направлений имеют не только серьезное фундаментальное значение, но и практическую пользу для прикладных областей — для медицины, педагогики, психологии и образования, для развития новых систем искусственного интеллекта. Бесспорна антропологическая, мировоззренческая роль этой области знаний. Совершенно ясно и то, что для такой сложной области нужны не только содружества ученых разных профилей, но специалисты другого, многодис-

циплинарного типа, и их нужно готовить в лучших университетах и на базе институтов РАН (пример тому — успешно функционирующие магистерские программы по психолингвистике и по когнитивным исследованиям в СПбГУ). Исследования в области экспериментального изучения речи и мышления, проводимые в Санкт-Петербурге, несомненно, находятся на мировом уровне, финансируются РНФ, РФФИ, РГНФ, а также фондами СПбГУ и других организаций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МРТ	—	магнитно-резонансная томография
ПЭТ/КТ	—	позитронно-эмиссионная томография / компьютерная томография
фМРТ	—	функциональная магнитно-резонансная томография
ЭЭГ	—	электроэнцефалография
ГКНТ	—	Государственный комитет по науке и технологиям
ИЛИ РАН	—	Институт лингвистических исследований Российской академии наук
МОН	—	Министерство образования и науки Российской Федерации
РГНФ	—	Российский гуманитарный научный фонд
РГПУ	—	Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РНФ	—	Российский научный фонд
РФФИ	—	Российский фонд фундаментальных исследований
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИТЕРАТУРА

- Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. Изд. 2-е. М., 2003.
- Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001.
- Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992.
- Наточин Ю. В., Менишуткин В. В., Черниговская Т. В. Общие черты эволюции в гомеостатических и информационных системах // Журнал эволюц. биохим. и физиол. 1992. Т. 28. № 5. С. 623—637.
- Павлов В. М. Языковая способность человека как объект лингвистической науки // Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики) // Отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1968. С. 36—68.
- Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Е. Физиология нервной системы. Вып. 1.
- Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002.
- Франк С. Л. Очерк методологии общественных наук. М., 1922.
- Черниговская Т. В. «До опыта приобрели черты...»: Мозг человека и породивший его язык // Логос. 2014. № 1(97). С. 79—96.
- Черниговская Т. В. Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит? (К вопросу об эволюции языка и сознания) // Когнитивные исследования: Сб. научных тр. Вып. 4. М.: ИП РАН, 2010. С. 67—89.
- Черниговская Т. В. Мозг и язык: врожденные модули или обучающаяся сеть? // МОЗГ. Фундаментальные и прикладные проблемы. По мат-лам сессии Общего собрания Российской академии наук 15—16 декабря 2009 / Под ред. акад. А. И. Григорьева. М.: Наука, 2010. С. 117—127.

- Черниговская Т. В.* От коммуникационных сигналов к языку и мышлению человека: эволюция или революция // Рос. физиол. журнал им. И. М. Сеченова. 2008. Т. 9, № 9. С. 1017—1028.
- Черниговская Т. В.* «Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание». М.: ЯСК, 2013.
- Черниговская Т. В.* Языки сознания: кто читает тексты нейронной сети? // Человек в мире знания: К юбилею акад. В. А. Лекторского. М.: Ин-т философии РАН, 2012. С. 403—412.
- Чистович Л. А.* и др. Физиология речи. Восприятие речи человеком. М.; Л.: Наука, 1976.

T. V. Chernigovskaya

EXPERIMENTAL STUDY OF LANGUAGE AND BRAIN
IN THE XXI CENTURY:
TRADITIONS AND PERSPECTIVES

Fundamental research is one of the preferences that Russia faces in the XXI century. It is evident that it should be guided not only by world's trends but by the main potential of scientific schools as the basis of national traditions. St. Petersburg being the place of birth and development of Russian science gives numerous brilliant examples of this, and it is a duty of St. Petersburg Scientific Center RAS to preserve it. The paper gives a short overview of the history of psycho- and neurolinguistic research in St. Petersburg as well as the author's view on organization of science in general and on the place of cognitive studies in the context of humanities and natural sciences.

Key words: scientific schools, experimental linguistics, cognitive studies.

LITERATURA

- Vencov A. V., Kasevich V. B.* Problemy vospriyatiya rechi. Izd. 2-e. M., 2003.
- Kacnel'son S. D.* Kategoriya yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya. M., 2001.
- Mamardashvili M. K.* Kak ya ponimayu filosofiyu. M., 1992.
- Natochin Yu. V., Menshutkin V. V., Chernigovskaya T. V.* Obschie cherty evolyucii v gomeostaticeskikh i informacionnykh sistemah // Zhurnal evolyuc. biohim. i fiziol. 1992. T. 28. N 5. S. 623—637.
- Pavlov V. M.* Yazykovaya sposobnost' cheloveka kak ob'ekt lingvisticheskoy nauki // Teoriya rechevoy deyatel'nosti (Problemy psiholinguistiki) / Otv. red. A. A. Leont'ev. M.: Nauka, 1968. S. 36—68.
- Sechenov I. M.* Refleksy golovnogo mozga // Sechenov I. M., Pavlov I. P., Vvedenskiy N. E. Fiziologiya nervnoy sistemy. Vyp. 1.
- Uhtomskiy A. A.* Dominanta. SPb., 2002.
- Frank S. L.* Oчерk metodologii obschestvennykh nauk. M., 1922.
- Chernigovskaya T. V.* «Do opyta priobreli cherty...»: Mozg cheloveka i porodivshiy ego yazyk // Logos. 2014. N 1(97). S. 79—96.
- Chernigovskaya T. V.* Esli zerkalo budet smotret'sya v zerkalo, chto ono tam uvidit? (K voprosu ob evolyucii yazyka i soznaniya) // Kognitivnye issledovaniya: Sb. nauchnykh tr. Vyp. 4. M.: IP RAN, 2010. S. 67—89.
- Chernigovskaya T. V.* Mozg i yazyk: vrojdennye moduli ili obuchayushchayasya set'? // MOZG. Fundamental'nye i prikladnye problemy. Po materialam sessii Obschego sob-

- raniya Rossiyskoy akademii nauk 15—16 dekabrya 2009 / Pod red. akad. A. Grigor'eva. M.: Nauka, 2010. S. 117—127.
- Chernigovskaya T. V.* Ot kommunikacionnyh signalov k yazyku i myshleniyu cheloveka: evolyuciya ili revolyuciya // Rossiyskiy fiziol. zhurnal im. I. M. Sechenova. 2008. T. 9. N 9. S. 1017—1028.
- Chernigovskaya T. V.* «Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie». Moskva: YaSK, 2013.
- Chernigovskaya T. V.* Yazyki soznaniya: kto chitaet teksty neyronnoy seti? // Chelovek v mire znaniya. K yubileyu akad. V. A. Lektorskogo. M.: In-t filosofii RAN, 2012. S. 403—412.
- Chistovich L. A. I dr.* Fiziologiya rechi. Vospriyatie rechi chelovekom. L.: Nauka, 1976.

И. И. ЕЛИСЕЕВА

РАЗВИТИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Тема развития фундаментальных социологических исследований давно обсуждается в научных кругах России. В статье подробно раскрывается актуальность научных работ данного направления, вызванная в первую очередь трансформацией российского общества. Проводится необходимый анализ тенденций развития фундаментальных социологических исследований в России и во всем мире. Отдельно рассматриваются научный потенциал Санкт-Петербурга и современные проблемы российской социологической науки. Описывается изучение направлений развития современного российского общества и определяются основные достижения отечественной социологической науки за последние годы.

Ключевые слова: фундаментальные социологические исследования, социология, общество, глобализация, развитие.

Развитие фундаментальных научных исследований в области общественных наук является одной из актуальных задач, стоящих перед современной наукой России. Острота исследований вызвана трансформацией российского общества, его социальной структуры, изменением мотивации, приоритетов, целей и поведения. На трансформационные процессы наложились демографический кризис, приведший к выраженному старению населения, сексуальная революция, активизация внешней миграции и появление больших групп людей иной культуры, активизация деятельности Русской православной церкви и проч. В связи с этим происходит процесс становления новой социальной структуры, новых социальных отношений между группами, индивидами, затрагивающими семью и связи между поколениями. Устранение «железного занавеса» и развитие международных контактов также вызвало много новых проблем перед российской социологической наукой. В перестроечный период в связи с повышением гласности и доступностью информации о всех негативных процессах приоритет в исследованиях отдавался социологии девиантного поведения и социального контроля. Активно развивались прикладные исследования по проституции, наркомании, потреблению алкоголя, преступности групповой и индивидуальной, насилию в семье, педофилии, торговле людьми

© И. И. Елисеева, 2015. Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия.

(особенно в целях принуждения к проституции). В основном эти исследования носили прикладной характер, благодаря им была создана определенная фактологическая база, выявлены некие сложившиеся стереотипы поведения, их особенности по регионам, группам, была накоплена определенная значимая база для последующего осмысления, обобщения и перехода к фундаментальным работам. По мере стабилизации государственных институтов, укрепления правовой базы, характер потребностей в социологических исследованиях несколько изменяется, большую значимость приобретают исследования в области отношения общества и власти, а также все направления, связанные с индивидуальным и групповым здоровьем, траекториями жизни, включающими закономерности как демографических событий, так и социальных (начало сексуальной жизни, формирование брака, рождение первого ребенка, образование, карьерный рост, здоровье). Принято считать, что трансформация сказалась на экономическом росте, при этом упускается из виду, что трансформационные процессы повлияли на человека, его поведение, его отношения с близкими, его доверие к государству. Существенно поднялся престиж социологии наук и инноваций.

В настоящее время все большее значение приобретают глубинные процессы, которые являются, с одной стороны, шлейфом трансформации, а с другой — это новые социальные процессы, связанные с новой реальностью, новыми практиками, которые вошли в повседневность, новыми возможностями.

Вызовы, возникшие перед социологической наукой, обострили проблемы метанауки и заставили ученых сконцентрировать свое внимание на осмыслении природы социологического знания, роли социологии, структуре современной социологической науки, соотношении методов, прежде всего количественных и качественных.

Анализ тенденций развития фундаментальных социологических исследований в мире и России

Российская социология — сравнительно молодая наука, возникшая в конце XIX—начале XX в., прекратившая свое развитие в советских условиях со второй половины 1920-х до начала 1960-х гг., когда началось бурное возрождение отечественной социологии. Все периоды возникновения, становления и возрождения российской социологии теснейшим образом связаны с Санкт-Петербургом (Ленинградом). Именно здесь были осмыслены социальные катаклизмы, роль революции и эволюции, социальные проблемы преступности. Здесь зародилась социология социальной структуры и социология науки с учетом инноваций. Вхождение российской социологии в мировое научное пространство выявило ряд общих проблем, присущих всей социологической науке. В России они проявились даже в большей степени в связи с попыткой ангажировать социологию и включить ее в инструменты достижения сиюминутных политических или организационных задач. Это не могло не привести к некоторой утрате доверия к социологу со стороны как заказчиков, так и потребителей социологической информации.¹

¹ Троицук И. В. Качественное социологическое исследование: предпосылки и логика поведения: Конспект лекций. М.: Изд-во РУДН, 2008. С. 5.

К однозначно негативным тенденциям в развитии мировой социологической науки следует отнести:

— снижение объяснительного потенциала социологического знания, несмотря на его экспоненциальный рост. Происходит скорее не систематизация и интерпретация полученных данных, а их каталогизация;

— все возрастающую фрагментацию и автономизацию социологических концепций: эти процессы носят искусственный характер, что тем не менее не мешает приверженцам различных подходов упрекать друг друга в доктринерстве и догматизме;

— упреки и обвинения социологов уже не в конструктивизме (подмене реального порядка вещей и множественности жизненных миров социологическими конструктами) как таковом или в обслуживании с его помощью властных кругов и различных групп интересов (хотя зачастую очевидна политизация и идеологизация социологической деятельности, утрата ею академической нейтральности и даже видимости научной объективности), а в том, что в современном одновременно глобализирующемся и локализирующемся мире социология не предлагает объяснений и интерпретаций все новых возникающих альтернатив повседневного существования людей.

Все перечисленные проблемные зоны в развитии мировой социологии свойственны и отечественной науке, но для нее характерны и свои собственные «парадоксы».

Реальная свобода в выборе исследовательских тематик не приводит к глубоким, долгосрочным и широкомасштабным исследованиям: прежде всего потому, что в таковых не заинтересован ни рынок, ни власть, — политический и экономический прагматизм делает ненужными как долгосрочные аналитические исследования, так и социальные теории. Широкомасштабные исследования подменяются локальными проектами, которые выполняются на так называемых выборках, построенных по принципу «снежного кома», соответственно, не претендующих на репрезентативность и т. д. В определенной степени этот процесс отражает перевод эмпирической базы российской социологии, с одной стороны, на выборки Росстата, число и тематика которых существенно расширились, а с другой — на общенациональные социологические выборки, доступ к которым открыт (Российский мониторинг экономики и здоровья (RLMS-HSE), обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»). Каждый серьезный исследователь, имеющий свою концепцию и свой инструментарий, мечтает о формировании своей выборки, выполнении всех тех требований, которые соответствуют его концепциям, но выборочные обследования — это дорогостоящие проекты, которые вряд ли будут реализовываться в ближайшее время. Необходима адаптация ставящихся целей и задач к имеющимся возможностям, умение и определенные навыки использования имеющихся баз.

В середине 1990-х гг. начался бурный рост подготовки социологов в образовательных учреждениях, прежде всего в университетах. Как известно, российские университеты в большинстве своем — это сменившие табличку советские высшие учебные заведения, в которых не сложились университетские традиции, отсутствовали научные школы, в том числе и по социологии. Часто кафедра исторического материализма переименовывалась в кафедру социологии, и все это приводило к низкому качеству подготовки социологов при экстенсивном росте контингента. В результате, несмотря на рост выпуска ди-

пломированных социологов, рынок заинтересован прежде всего в маркетологах, рекламщиках, интервьюерах и т. д. Как отмечает И. В. Троцук, эти профессии не требуют столь длительного обучения, как подготовка социолога. С другой стороны, и сама подготовка социолога не соответствует мировым стандартам. Некоторым сдвигом стало открытие мегапроектов, в реализацию которых включены как западные ученые, так и российские исследователи. Например, Лаборатория сравнительных социальных исследований под руководством Р. Инглхарта (НИУ ВШЭ).

Все еще недостаточны базовые институциональные условия развития социологической науки: отсутствуют крупные научные коллективы, не происходит нормального воспроизводства научных кадров, нет внутреннего социального заказа на социологические исследования, нет развитых научных контактов социологических организаций внутри страны и за рубежом и т. д. По сути, российская социология все еще не включена в мировую социологическую науку. Имеются лишь фрагменты участия российских ученых в разработке таких проблем, как социальное неравенство, бедность, коррупция, ксенофобия. В значительной степени препятствием остается языковой барьер, отсутствие публикаций российских ученых в ведущих западных профессиональных журналах.

Мы солидарны с И. В. Троцук в отношении того, что в предметной области отечественной социологии уже много лет акцентируется транзитологическая проблематика (переходное состояние российского общества), тогда как актуальные проблемы разложения советской институциональной системы, монолитизации общественного мнения, милитаризма, сопротивления реформам, пассивной адаптации населения к административному произволу и многие другие замалчиваются (остаются вне сферы исследовательских интересов).²

Конечно, нет смысла впадать в пессимизм в свете столь проблемного состояния нынешней социологической науки — нужно просто понимать, что происходит в той предметной области, в которой вы хотите стать специалистом, в широком социокультурном контексте. Понимание окружающего мира позволяет лучше ориентироваться в нем.

На сложившемся фоне возник в российском социологическом сообществе так называемый спор о методах — дискуссия о соотношении количественного и качественного подходов. Название «спор о методах» принадлежит дискуссии экономистов, состоявшейся в конце XIX в. между австрийской и молодой исторической школами. Различие методов, которые использовала каждая из них, вылилось в научную дискуссию, насыщенную обоюдными обвинениями, которую впоследствии назвали «спором о методах» (нем. *Methodenstreit*). В социологии термин «дискуссия о методе» был введен еще в середине XIX в. В. Дильтеем (1833—1911) для характеристики различия естественных (субъект-объектные отношения ученого и изучаемых им феноменов) и социальных (аналогичные отношения имеют субъект-субъектный характер) исследований. Иными словами, Дильтеем была поставлена под сомнение общая методологическая позиция позитивизма, которая гласит: социальные явления с аналитической точки зрения ничем не отличаются от природных, поэтому цель социологии — выработка системы обобщенных теоретических положений на основе использования в изучении социума методов естественнонаучного по-

² Троцук И. В. Качественное социологическое исследование... С. 7.

знания. В итоге на сегодняшний день в социологии сложилось два методологических направления: количественный и качественный. Если представить их схематично, то в рамках первого подхода логика социологического исследования строится на дедуцировании гипотез исследования из некоторой социологической теории и их последующей эмпирической проверке; в рамках второго подхода допускается вхождение в «поле» без каких-либо предварительных предположений об особенностях изучаемого социального феномена. Отчасти качественный подход возник как реакция на неспособность громоздких теоретических построений отразить реальное многообразие повседневной жизни, предугадать черты особых жизненных миров (моментом рождения качественного подхода считают 1930-е гг. — период расцвета Чикагской социологической школы).

В западной социологии дискуссия о качественных и количественных методах состоялась во второй половине XX в., т. е. примерно 40 лет назад, и прошла следующие этапы:

— ренессанс качественных методов (в США — в 1960-е, в Европе — в 1970-х гг.);

— развитие методологических дискуссий о качественных исследованиях (с определенными различиями в немецкой и англосаксонской традициях: в немецкоговорящих странах в 1970-х гг. они прошли фазу фундаментальных и теоретических и с тех пор ориентированы на методологическую консолидацию и широкое использование качественных методов в эмпирических исследованиях);

— последующее обращение к дискуссии о качественных методах и методологической определенности в 1980—1990-х гг. в англо-американской науке (обсуждение проблем кризиса репрезентации и легитимации этнографических описаний);

— повсеместное развитие качественного подхода в 1990-е гг. (опубликован первый учебник по качественным методам под редакцией Н. Денцина и И. Линкольн, создание журнала «Качественное исследование»; появление специализированных журналов по качественным методам в различных дисциплинарных полях и по конкретным тактикам качественного исследования);

— обсуждение возможностей методологического совмещения качественных и количественных техник и процедур, критериев оценки «качества» качественного исследования (понятий надежности, валидности данных, экспликации результатов и т. д.), вариантов презентации отчета по итогам качественного исследования; разработки программного обеспечения для анализа качественных данных.

В российской социологии, как уже отмечалось, дискуссия такого рода произошла со значительным временным лагом: развитие качественных методов произошло в нашей стране лишь в 1990-х гг. благодаря широкому использованию ряда методик в маркетинговых и политических исследованиях (вследствие, прежде всего, распространения метода фокус-групп). Программной статьей явилась работа Г. С. Батыгина и И. Ф. Девятко «Миф о качественной социологии»,³ в которой дилемма «качественное—количественное» характеризуется как практически неприлично модный, но сомнительный и даже

³ Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журн. 1994. № 2. С. 28—42.

бессмысленный сюжет, имеющий мало отношения к собственно науке, но говорящий о ее критическом состоянии (непонимании собственного предмета) и серьезных аномалиях в институциональной структуре.

В последующие годы накал дискуссии о соотношении качественного и количественного подходов в отечественной социологии спал. Об этом, в частности, как отмечает И. В. Троцук, свидетельствует публикация «Спор о методах», появившаяся на страницах журнала «Неприкосновенный запас» в 2004 г.⁴ Здесь российские условные «качественники» и «количественники» высказали разумные доводы в пользу тех или иных оценок современного социологического знания, акцентируя его методологическую основу. Это был очень своевременный диалог, поскольку на результаты социологических исследований сегодня ссылаются практически во всех средствах массовой информации, но речь идет почти всегда лишь о статистических по своей природе обследованиях общественного мнения; качественные методы до сих пор зачастую воспринимаются как ненаучный подход; методические дискуссии нередко ведутся не по поводу собственно методов, а скорее о степенях исследовательской рефлексии и готовности критически осмыслить собственный категориальный аппарат.

Таким образом, на сегодняшний день среди социологов в основном достигнуто понимание непродуктивности дискуссий об эпистемологическом приоритете «качественного» или «количественного» подхода в связи с осознанием того, что у каждого из них есть своя сфера применения. Но только в совокупности они позволяют существовать науке социологии, обеспечивая совмещение в ней микро- и макроуровней изучения социального. Помехой квалифицированного совмещения обоих подходов в рамках одного проекта может стать только ограниченность финансовых, временных и кадровых ресурсов.

Научный потенциал Санкт-Петербурга

Научный потенциал Санкт-Петербурга в области социологии определяется путем выделения ряда научно-образовательных центров и взаимодействия между ними: факультеты социологии СПбГУ, НИУ ВШЭ, СПбГЭУ, ЕУ СПб, ЦНСИ и, наконец, Социологический институт РАН. Каждая из перечисленных организаций имеет свои традиции, свои приоритетные направления, но можно определить некоторые характерные черты, свойственные каждой из этих структур, и оценить эффективность сетевого взаимодействия. СИ РАН, на наш взгляд, выполняет интегрирующую функцию. Европейский университет готовит социологов с новым видением профессиональных задач, находящихся на международном уровне профессиональной подготовки. Однако имеются уязвимые стороны: великолепная теоретическая, но крайне слабая эмпирическая подготовка, отсутствие аналитических навыков. Академическая наука благодаря своей фундаментальности обеспечивает сбалансированность новаций и традиций с широтой научного поиска.

Как и мировая социология, петербургская социология пытается осмыслить пути развития и структуру социологического знания. Исследование когнитивной структуры социологической науки было проведено канд. соц. наук,

⁴ Троцук И. В. Качественное социологическое исследование... С. 10.

ст. науч. сотр. СИ РАН Б. Е. Винером. Базируясь на анализе ведущих американских социологических журналов за 5 лет (2001—2006), исследователь выполнил кластеризацию около 2000 статей. При этом принималось во внимание не только содержание статей, но и Curriculum Vitae авторов. Проведенное Б. Е. Винером исследование позволило сделать вывод о частичном соответствии когнитивной структуры социологии институциональной. В данном случае под институциональной структурой понимались социологические специальности или секции, существующие в американской социологической ассоциации. Множество выделенных кластеров (75) отражает полифоничность американской социологии, ее «незаикленность» на каких-то магистральных темах. Плюрализация, видимо, является имманентным условием развития науки. Множественность тем, множественность школ, научных центров обеспечивают формирование научного дискурса, взаимодействие научных школ, включая зарубежные, и воспроизводство научных кадров.

Конфигурации и динамика российской модерности: смыслы, практики, институты

Развиваясь как часть глобализирующегося мирового сообщества, российское общество претерпевает социальные вызовы и качественные изменения социума, сущностной характеристикой которых становится усложняющаяся социокультурная динамика, а также трансформация социальной структуры. Важно оценить характер, направление этого воздействия и степень его соответствия как мировым глобальным процессам, так и особенностям России. Значимую роль играют структуры, определяющие направленность процесса формирования социальных конфигураций. Тенденции изменения социальной структуры отражаются на характере и механизмах социального воспроизводства отдельных социальных групп в таких сферах, как профессиональная деятельность, потребление и социокультурные институты, которые и обеспечивают возможности выбора формирования повседневных практик индивидов и отдельных семей. Трансформируются и внутрисемейные отношения, изменяется тип семьи и брачного поведения. Представители социальных групп используют различные практики в меняющейся социально-экономической реальности, испытывая воздействие всех макроэкономических и макро-социальных процессов (глобализации, информатизации, интенсификации техногенеза, культурной плюрализации и т. д.), и оказываются в результате своего выбора в разных социальных позициях, совокупность которых создает постоянно меняющуюся социальную структуру. Существует связь между принципами организации иерархий и характеристиками социальных систем. Важнейшим иерархическим структурно-институциональным образованием является властная элита. Тип элит(ы), выступая производным от уровня социальной организации, одновременно кардинальным образом влияет на возможности социетальной трансформации. В связи с этим определение основных характеристик властных групп является необходимым условием для анализа возможных вариантов развития.

Проблемы становления постсоветского социального порядка, приобретения им устойчивости как определенной социальной целостности, конфигурации взаимосвязанных социальных институтов, структур и практик не были

специальной исследовательской задачей, хотя отдельные элементы были предметом научного анализа. В частности, механизмы и (суб)институты, обеспечивающие воспроизводство властных групп, а также устойчивые характеристики элитных персон специально не изучались. Важно сконструировать теоретическую модель, представляющую процесс формирования повседневных практик, зафиксированных в конкретных жизненных траекториях представителей разных социальных групп и семей в контексте трансформирующейся социальной реальности и в ключевых сферах жизнедеятельности. Уникальностью данного научного направления является возможность сравнительного ретроспективного и перспективного анализа повседневных практик конкретных семей на протяжении жизни более чем одного поколения, охватившего исторический период переломных социально-экономических трансформаций по нескольким итерациям.

Научная проблема определяется несоответствием достигнутого уровня социологического анализа вызовам и противоречиям развития современных обществ, в том числе динамики российского общества. Разнообразие складывающихся конфигураций культурных, институциональных и организационных структур в экономике, политике и культуре недостаточно отражено в существующей научной литературе. В социологических интерпретациях современного российского общества конкурируют различные подходы: модернизационный, цивилизационный, мир-системный, неоинституциональный, глобализационный. Существующие подходы нацелены в основном на выявление условий и механизмов перехода от социалистического (советского) типа общества к новому общественному устройству, включающему рыночную экономику, либерально-демократическую форму правления, гражданскую нацию, правовое государство, массовый средний класс, неидеологизированные культурные практики. Процесс макросоциальных перемен назывался по-разному: модернизация, транзит, трансформация, системный кризис, неотрадиционализация. Были получены весомые научные результаты, показывающие особенности структурных, институциональных, поведенческих, ценностных изменений российского общества. Вместе с тем имеющиеся теоретические разработки и эмпирические данные не позволяют целостно представить и объяснить противоречивый характер развития современного российского социума в разных сферах — экономике, политике, культуре, и на разных уровнях — социетальном, локальном, региональном, глобальном. Предлагаемые в научной литературе и публичных дискуссиях объяснения динамики современного российского общества исходят, как правило, из представления о предопределенности траектории его развития, обусловленной либо универсальной логикой разворачивающихся процессов модернизации и глобализации, либо устойчивостью исторически сложившейся и воспроизводимой в реальных практиках базовой культурной программы или институциональной матрицы. Следствием данной методологической позиции являются: либо односторонние «монолитные» образы российского общества, игнорирующие как временные, случайные, переходные, остаточные или несущественные те стороны российской действительности, которые не вписываются в принятую теоретическую модель; либо эклектичные образы российского общества, изображающие его как «разорванное», «расколотое», «промежуточное». В результате российское общество предстает как смесь взаимоисключающих характеристик, приписываемых противоположным социетальным типам: традиционно-

му и современному, «восточному» и «западному», самобытному и инокультурному, центральному и периферийному. Однако подобные макроуровневые теоретические модели оказываются аисторичными, малоспособными репрезентировать реальные процессы социальных и культурных изменений и к тому же существенно ограничивающими практические возможности цивилизационного выбора для обществ. Теоретические подходы, которые схватывают проявляющееся в современном мире разнообразие культурных форм и социальных практик, сосредоточены, как правило, на микроуровне и не позволяют провести анализ множественных конфигураций модерности, развившихся в разных социетальных контекстах. Нужна разработка теоретической перспективы, до сих пор не имевшей широкого применения в анализе российского общества. Постсоветскую трансформацию на данном этапе науки предлагается рассматривать не как процесс модернизации (или неотрадиционализации), а как реконфигурацию модели модерности, формирующейся в российском цивилизационном контексте. Основной целью должна стать разработка общей модели цивилизационной динамики российского общества как изменяющейся многомерной модерности в сферах экономики, политики и культуры в условиях глобализации, а также концепции конфигураций и траекторий российской модерности на основе исследования разнообразных форм и динамики современных обществ.

Ключевым фактором и одновременно компонентом устойчивого развития общественной системы является человеческий капитал, состояние которого на каждый конкретный момент исторического времени определяется масштабами и качеством его воспроизводства. Непрерывная смена поколений в обществе, в единстве и гармонии их количественной и качественной определенности есть процесс, формируемый многоуровневой сложно организованной, непрерывно изменяющейся экосоциальной средой.

Для объяснения механизмов формирования определенного типа воспроизводства новых поколений и их прогнозирования на долгосрочную перспективу требуется соответствующее модельное представление, включающее параметры, характеризующие как сами новые поколения, так и компоненты экосоциальной среды и их воздействие.

Необходимо создание принципиально новой теоретико-методологической базы, основанной на междисциплинарном исследовании проблемы. Его научная значимость должна ориентироваться прежде всего на преодоление сложившегося разрыва в изучении экосоциального пространства, при котором на данный момент автономно проводятся исследования демографических, социальных, экологических процессов.

Предлагаемый подход может рассматриваться как продолжение интеллектуального поиска В. И. Вернадского в области всепланетных систем и единой информационной системы, а также идей московской философско-математической школы (П. А. Некрасов, Н. В. Бугаев, Н. Я. Цвингер и др.) о месте человека в мире, его взаимодействии с окружающей средой и степени детерминированности поведения индивидуума.

Исследование темы «Модели воспроизводства новых поколений в многоуровневой экосоциальной среде» включает решение следующего комплекса задач: 1) разработка системы моделей, описывающих основные типы (режимы) воспроизводства новых поколений; 2) структуризация экосоциальной среды с применением нечетких методов кластеризации как более близких к

«естественным» свойствам среды — создание перечня компонентов, с исчерпывающей полнотой охватывающего все элементы экосоциальной среды, в которой происходит воспроизводство новых поколений, и учитывающего структуру, содержание соответствующих информационных ресурсов; 3) формирование системы индикаторов каждого компонента экосоциальной среды, включая критерии их идентификации, частные индикаторы состояния и тренда развития, интегральную оценку паттернов; 4) построение моделей связи (взаимодействия) компонентов экосоциальной среды и самого процесса воспроизводства новых поколений с учетом степени сопряженности компонентов между собой — с использованием нечетких когнитивных карт (Л. Заде, Б. Коско, А. Кофман); 5) создание мегамодели (с применением методов адаптивных нечетких систем), воспроизводящей единую картину механизмов воспроизводства новых поколений, в которой объединены представленные в подпунктах 1—4 блоки характеристик.

Применение предложенной мегамодели воспроизводства новых поколений позволит решить ряд задач: 1) создать типологию экосоциальных сред; 2) в текущем режиме оперативно осуществлять выбор наиболее эффективных инструментов государственного регулирования процесса воспроизводства новых поколений; 3) разработать сценарии развития разных типов экосоциальной среды при доминировании того или иного компонента; 4) формировать реалистичные долгосрочные прогнозы воспроизводства новых поколений.

Данная модель не ограничена ориентацией на условия конкретной страны, хотя случай России выступает в той или иной мере в качестве образца с практически бесконечными ресурсными возможностями. Основными методологическими принципами являются: выделение паттернов каждого компонента экосоциальной среды; моделирование их иерархии, взаимодополнительности и структуры. Предпочтение отдается подходу «fuzzy sets» как наиболее адекватному реальной размытости границ объектов и их взаимодействий, переходам от многомерных иерархизированных структур к многомерным неиерархизированным моделям, интегрирующим множественные структуры и допускающим их диффузии и структурные сдвиги.

Постановка задач: 1) определение и характеристики основных типов воспроизводства новых поколений; 2) классификация и характеристики компонентов экосоциальной среды, охватывающей все многообразие факторов и элементов «среды обитания», в которой происходит воспроизводство каждого нового поколения; 3) классификация типов экосреды; 4) интеграция всех частных комплексов в единую мегамодель, что позволяет проследить, как функционирует система смены поколений в обществе; 5) формирование критериев качества поколения и обуславливающих факторов (социальных и вне-социальных в допустимом «коридоре» колебания); 6) обоснование и выработка критериев, построение модели оптимального сочетания индивидуальной свободы и ее регулирования централизованными и местными властными структурами; 7) определение вариантов мегасценариев в условиях структурной полифонии, структурных сдвигов при возрастании критериев качества новых поколений и экосоциальной среды.

Современные события как в нашей стране, так и за рубежом ясно указывают на взаимное недопонимание взаимодействующих социальных факторов. Трудно преувеличить ущерб, возникающий как для государств, так и для отдельных лиц, обусловленный расхождениями во взглядах на общественные

проблемы. Наряду с «естественными различиями» в политических, экономических и социальных интересах взаимодействующих факторов возникающие разногласия обусловлены отсутствием информации, которой могли бы доверять взаимодействующие стороны. Предлагаемые к разработке научные методы способны усовершенствовать информационно-аналитическое обеспечение современных общественных процессов с целью минимизации социальных разногласий, возникающих как в государственных рамках, так и в межгосударственных, межнациональных и иных общественных отношениях. Создание методов конструирования социальной информации, способных на основе взаимодействия конфликтующих социальных факторов выражать существующие противоречия и способствовать их преодолению, автор статьи считает актуальной задачей консолидацию современного общества.

Новизна предлагаемых структурных методов управления знаниями, с помощью которых социальное знание конструируется самими участниками социальных процессов, выражается оригинальными контекстно-ориентированными моделями, предложенными Г. В. Каныгиным.⁵ Эти модели обеспечивают методам управления знаниями функциональность, которая недостижима в рамках современных подходов, существующих в мировой науке.

Ключевым достоинством предлагаемой функциональности является возможность верификации создаваемого социального знания без привлечения экспертов, мнение которых неизбежно подвержено социально ангажированному влиянию. Эта практически важная особенность основана на мощном структурном аппарате, аналогичном существующему в языках программирования высокого уровня, реализуется на естественных языковых обозначениях, сочетается с интуитивно понятным визуальным представлением социальной информации, не требует дорогостоящей специальной подготовки пользователей и др.

Описанные проекты соответствуют уставным основным направлениям научно-исследовательской деятельности СИ РАН. По близким к теме программы исследовательским направлениям в 2011—2013 гг. были получены следующие основные научные результаты:

1) Выполнены теоретические и эмпирические исследования процессов становления и институционализации федеральных и региональных элит. Исследованы формальные и неформальные практики функционирования петербургского законодательного органа власти. Выполнено исследование бассейна рекрутирования муниципального депутатского корпуса 32 региональных столиц с населением свыше 500 тыс. человек (всего 32 города, исключая города федерального значения — Москву и Петербург). Проведен сравнительный анализ социально-профессиональных характеристик депутатов городских дум первого и действующего (на декабрь 2011 г.) созывов этих городов.

Выявлены основные тенденции эволюции этих характеристик (среди которых — «дебюрократизация», социальное закрытие и плутократизация), свя-

⁵ Каныгин Г. В. 1) Контекстно-ориентированная концептуализация социологической информации... // Тр. науч. семинара Всерос. объедин. конф. «Интернет и современное об-во. СПб., 19—22 октября 2010 г. / Под ред. В. Ш. Рубашкина. СПб., 2010. С. 30—41; 2) Контекстно-ориентированный анализ качественных данных: структуры, алгоритмы и аналитические процедуры // Пробл. теор. социологии. Вып. 8. Межвуз. сб. / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Скифия-Принт, 2011. С. 240—260.

занные с изменением контекста рекрутирования (партийной и избирательной систем, структуры городской экономики, институционального дизайна представительных органов и проч.).

Проведен сравнительный анализ характеристик бассейна рекрутирования регионального депутатского корпуса «второго эшелона» КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР. Созданная в 2011 г. биографическая база данных включила сведения о 836 депутатах, представляющих эти партии в парламентах субъектов РФ. Анализ показал, что, несмотря на ряд общих тенденций (например, профессионализации), партийные группы депутатов обладают спецификой социально-демографических и социально-профессиональных характеристик (в частности, существенно варьируются возраст депутатов, степень номенклатуризации, плутократизации, милитаризации и социальной закрытости депутатского корпуса), связанной с особенностями истории, электоральной базы, идейно-политического профиля и организационной структуры партий.

2) Коллектив исполнителей проекта на протяжении ряда лет проводит теоретические и эмпирические исследования семьи, гендерных и сексуальных отношений в России. В их основе лежат фундаментальные разработки по изучению современных форм семейно-брачных отношений, а также по исследованию проблем, связанных с трансформацией гендерных отношений и межпоколенческих взаимодействий в семье. В теоретическом плане разработаны оригинальные концепции исторических типов семейных отношений (С. И. Голод) и гендерных картин мира (Н. А. Нечаева), нашедшие отражение в ряде публикаций и получившие отклик в научном сообществе. Экспериментальные разработки по изучению указанных проблем представлены в материалах по авторским методикам в период с 1980 по 2008 г. В качестве научного задела могут рассматриваться результаты, полученные в ходе работы по проекту РФФИ «Трансформации российской семьи в условиях глобализации: теоретическое и экспериментальное моделирование процессов» (2007—2009) и РГНФ «Семья и семейные ценности в трансформирующихся обществах: сравнение России и Китая» (2013). В настоящее время завершается подготовка монографии по проекту 2013 г., в которой участвуют исследователи Социологического института РАН и Института социологии Шанхайской академии социальных наук. На основе анализа материалов ВПН-2002 и 2010, а также выборочных обследований российских семей выявлено, что процесс нуклеаризации семей прекратил свое поступательное движение, увеличилась доля прочих домохозяйств, а также домохозяйств, состоящих из одного человека.

3) Научный коллектив вел исследования воспроизводства социальной дифференциации и изменений социальной структуры крупного города с 1989 г., в том числе с 1995 г. при грантовой поддержке РГНФ. Институт обладает важным конкурентным преимуществом — базами данных результатов собственных эмпирических исследований по заявленной тематике, биографическими базами данных властных персон, ресурсом Биографического фонда СИ РАН, а также базой данных международного проекта «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе» (Рамочная программа 6. Контракт № 028920 (C1T5), 2006—2009), охватывающей данные выборок в 11 странах Центральной и Восточной Европы.

4) Проведен сравнительный анализ основных подходов к изучению посткоммунистических трансформаций с позиций концепции множественных модерностей в западной социологии и исследований процессов модернизации российского общества в работах отечественных социологов. Выявлены концептуальные противоречия данного подхода, а также возможности их преодоления на основе использования теоретических разработок современной социологической версии цивилизационного анализа. Разработана логическая структура исследовательской программы современного цивилизационного анализа, показана ключевая роль взаимосвязанных принципов исторической контингентности, автономии культуры и креативности действия в обосновании его самостоятельного эпистемологического статуса цивилизационного анализа.

5) В 2011 г. исследования по плановой теме НИР РАН завершены созданием оригинальных контекстно-ориентированных методов анализа нечисловой информации. В 2011 г. по результатам академических исследований Г. В. Каныгиным защищена диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук.⁶ В 2013 г. им же сформулированы основные принципы построения социального знания. В 2012—2013 гг. В. С. Корецкой (Кишинской) выполнена апробация указанных методов. В 2013—2014 гг. Г. В. Каныгиным, М. С. Полтинниковой, В. С. Корецкой, А. И. Габдуллинским продолжена разработка проблем конструктивных методов организации социального знания и начаты работы по их созданию в виде контекстно-ориентированного онтологического редактора.

За период 2009—2013 гг. СИ РАН было выполнено 10 прикладных исследований по заказу правительства Санкт-Петербурга, в 2013 г. проведено два исследования для Всемирной организации здравоохранения ООН.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЕУ СПб	—	Европейский университет в Санкт-Петербурге
НИУ ВШЭ	—	Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
РГНФ	—	Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ	—	Российский фонд фундаментальных исследований
СИ РАН	—	Социологический институт Российской академии наук
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГЭУ	—	Санкт-Петербургский государственный экономический университет
ЦНСИ	—	Центр независимых социологических исследований

ЛИТЕРАТУРА

- Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Миф о «качественной социологии» // Социол. журн. 1994. № 2. С. 28—42.
- Винер Б. Е., Сафонова М. А.* Сетевой анализ цитирований этнологических публикаций в российских периодических изданиях: предварительные результаты // Социология: 4М. 2013. № 36. С. 140—176.

⁶ *Каныгин Г. В.* Контекстно-ориентированный анализ качественных данных...

- Каныгин Г. В.* Контекстно-ориентированная концептуализация социологической информации // Компьютерная лингвистика и развитие семантического поиска в Интернете: Тр. науч. семинара XIII Всерос. объедин. конф. «Интернет и современное общество». СПб., 19—22 октября 2010 г. / Под ред. В. Ш. Рубашкина. СПб., 2010. С. 30—41.
- Каныгин Г. В.* Контекстно-ориентированный анализ качественных данных: структуры, алгоритмы и аналитические процедуры // Пробл. теор. социологии. Вып. 8. Межвуз. сб. / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Скифия-Принт, 2011. С. 240—260.
- Троцук И. В.* Качественное социологическое исследование: предпосылки и логика проведения: Конспект лекций. Для студентов направления «Социология» факультета гуманитарных и социальных наук. М.: Изд-во РУДН, 2008.

I. I. Eliseeva

DEVELOPMENT OF BASIC SOCIAL RESEARCH IN SAINT-PETERSBURG

The fundamental sociological research has long been discussed in scientific circles of Russia. The article describes in detail the importance of this main subject caused in the first place the transformation of Russian society. It carries out the necessary analysis of the fundamental trends of the sociological research in Russia and around the world. Scientific potential of St. Petersburg and Russia's current problems of social science are considered also. It describes the study of trends in the development of modern Russian society, and identifies the main achievements of the national social science in recent years.

Key words: fundamental sociological studies, sociology, society, globalization, development.

LITERATURA

- Batygin G. S., Devyatko I. F.* Mif o «kachestvennoy sociologii» // Sociol. zhurn. 1994. N 2. S. 28—42.
- Viner B. E., Safonova M. A.* Setevoy analiz socitirovaniy etnologicheskikh publikatsiy v rossiyskikh periodicheskikh izdaniyakh: predvaritel'nye rezul'ta-ty // Sociologiya: 4M. 2013. N 36. S. 140—176.
- Kanygin G. V.* Kontekstno-orientirovannaya konceptualizatsiya sociologicheskoy informatsii // Komp'yuternaya lingvistika i razvitie semanticheskogo poiska v Internete: Tr. nauch. seminarov XIII Vserossiyskoy ob'ed. konf. «Internet i sovremennoe obshchestvo». Sankt-Peterburg, 19—22 oktyabrya 2010 g. // Pod red. V. Sh. Rubashkina. SPb., 2010. S. 30—41.
- Kanygin G. V.* Kontekstno-orientirovannyy analiz kachestvennykh dannykh: struktury, algoritmy i analiticheskie procedury // Problemy teoreticheskoy sociologii. Vyp. 8. Mezhvuz. sb. / Otв. red. A. O. Boronoev. SPb.: Skifiya-Print, 2011. S. 240—260.
- Trocuk I. V.* Kachestvennoe sociologicheskoe issledovanie: predposylki i logika provedeniya. Konspekt lektsiy. Dlya studentov napravleniya «Sociologiya» fakul'teta gumanitarnykh i social'nykh nauk. M.: Izd-vo RUDN, 2008.

IV. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

А. А. БУДКО, Б. И. НАЗАРЦЕВ

И. П. ПАВЛОВ И Л. А. ОРБЕЛИ

Новые материалы в фондах Военно-медицинского музея

На основе новых материалов из фондов Военно-медицинского музея в статье исследуется переписка И. П. Павлова и Л. А. Орбели. Объясняется происхождение изучаемых документов и их ценность. Исследование раскрывает историю взаимоотношений известных ученых, а также сферы их научных интересов, их деятельности. Приводятся цитаты из писем, подробно описывающие работу Л. А. Орбели и открывающие людям новую, ранее неизвестную страницу биографии ученого.

Ключевые слова: И. П. Павлов, Л. А. Орбели, письма, работа, интересы.

Так совпало, что именно в год, когда отмечалось 130 лет со дня рождения выдающегося ученого Леона Абгаровича Орбели (1882—1958), отделом сбора, научной обработки и хранения фондов Военно-медицинского музея (ВММ) Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (ВМА) была завершена систематизация и научное описание материалов из архива семьи Л. А. Орбели, поступавших в музей в последнее время.

Обработка больших документальных комплексов традиционно считается одной из наиболее сложных задач, тем более когда речь идет о переписке, охватывающей свыше 100 лет и насчитывающей несколько сотен писем сотрудников разных учреждений и организаций.

Каждое письмо — это своеобразный документ эпохи, содержащий новые элементы общей картины жизни и деятельности Л. А. Орбели и его окружения. Особо важным при этом оказывается выявление новых фактов и новых документов. Речь идет об обнаружении неизвестного ранее письма Ивана Петровича Павлова своему ученику и помощнику Леону Абгаровичу Орбели.

Три страницы рукописного текста, датированного 31 января 1910 г. и подписанного «Ваш И. Павлов», впервые опубликованы в Российском физиологическом журнале им. И. М. Сеченова в 2012 г.¹

© А. А. Будко, Б. И. Назарцев, 2015. Военно-медицинский музей Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, Санкт-Петербург, Россия.

¹ И. П. Павлов — Орбели Л. А. 31 января 1910 г. Рукопись. 2 листа. ВММ. ОФ-96085/1—2. Опубликовано: Будко А. А., Назарцев Б. И. Неизвестное письмо И. П. Павлова к Л. А. Орбели // Рос. физиол. журн. им. И. М. Сеченова. Т. 98. № 7, июль 2012. С. 899—905.

Письмо относится к тому периоду деятельности Л. А. Орбели, о котором он сам указывал в автобиографии: «...конференцией Военно-медицинской академии по конкурсу избран в заграничную командировку на 1909 и 1910 г. с научной целью. Во время командировки работал в физиологических лабораториях Лейпцигского, Гессенского и Кембриджского университетов, в анатомической лаборатории при психиатрической клинике в Лейпциге и в физиологическом отделе Международной морской биологической станции в Неаполе».²

И. П. Павлов пристально следил за успехами своего ученика и помощника по физиологическому отделу Института экспериментальной медицины.

Об этом свидетельствуют и письма этого периода. Два письма достаточно хорошо известны исследователям. В книге «Переписка И. П. Павлова»³ они опубликованы под № 73 и 74: от 23 февраля 1910 г. в Гиссен (Германия) и от 1 сентября 1910 г. в Кембридж (Англия). Обнаруженное нами еще одно письмо И. П. Павлова предшествует указанным выше и относится ко времени, когда Л. А. Орбели завершал пребывание в Германии и должен был переехать в Англию (физиологические лаборатории были рекомендованы И. П. Павловым).

Письмо очень дружеское и уважительное по отношению к корреспонденту И. П. Павлова. Тональность письма открытая и иногда почти по-детски простодушная: «А тут еще перепутал наше рождество с европейским рождеством, с этим написал письмо и Ленглею».⁴ Вместе с тем при всем лаконизме («Досадно, что в письме было бы очень долго все это передавать»⁵) письмо очень содержательное, особенно в той части, которая касается работы самого И. П. Павлова и возглавляемых им физиологических лабораторий. «Дела у нас идут вполне хорошо и так, надо надеяться, и кончатся. Условные рефлексы у нас идут тоже успешно, и фактов и интересу все прибавляется.

На днях Вам вышлю краткое описание, добавлю и мою последнюю речь, которую читал недавно в Москве. Есть также и в высшей степени интересные факты и по текущему счету. У П. М. Никифоровского⁶ получился очень интересный случай — чудная демонстрация физиологического понимания предмета».⁷

Очевидна широта научных интересов И. П. Павлова, которые последовательно реализовались им в трех важных разделах физиологии: кровообращение, пищеварение и высшая нервная деятельность. Понятен интерес, проявляемый И. П. Павловым к работам П. М. Никифоровского по исследованию влияния веществ, действующих на нервную систему, на условные рефлексы, что легло в основу его докторской диссертации по фармакологии условных рефлексов (1911).

² Орбели Л. А. Curriculum Vitae // Академик Леон Абгарович Орбели: Научное наследие. Т. 26. М.: Наука, 1997. С. 62. (Серия «Научное наследство»).

³ Переписка И. П. Павлова. М.; Л.: Наука, 1970. С. 81—83.

⁴ ВММ. ОФ-96085/1. Л. 1.

Ленгли (Langley), Джон Ньюпорт (1852—1925), выдающийся английский физиолог, с 1903 г. — профессор Кембриджского университета, в лаборатории которого предстояло работать Л. А. Орбели.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ Никифоровский Петр Михайлович (1879—1952), после окончания с отличием ВМА в 1907 г. был оставлен при академии на три года для усовершенствования. Занимался физиологическими исследованиями на кафедре физиологии ВМА и в физиологическом отделе Института экспериментальной медицины (ИЭМ).

⁷ Там же.

Об актуальности проводимых исследований И. П. Павлов писал в марте 1909 г. и известному американскому зоопсихологу Р. Иерксу: «Физиология условных рефлексов является для меня важнейшим делом. Сейчас мы работаем уже над условными рефлексами после различных повреждений полушарий головного мозга. Комплекс всех этих рефлексов и является основой истинной физиологии мозга, как я ее понимаю».⁸

Не случайно и упоминание И. П. Павлова в письме Л. А. Орбели о его московских выступлениях. 28 декабря 1909 г. на XII съезде естествоиспытателей и врачей в своей речи «Естествознание и мозг» он высказал следующее соображение: «При исследовании деятельности высшего отдела центральной нервной системы ей надлежит остаться верной тому же приему, каким она пользуется при изучении низшего отдела, т. е. точно сопоставить изменения во внешнем мире с соответствующими изменениями в животном организме и устанавливать законы этих отношений».⁹ А вскоре после этого выступления он пишет председателю Общества содействия успехам опытных наук и практических применений им. Х. С. Леденцова: «Есть серьезные основания желать создать в нашем отечестве новый тип лаборатории для изучения мозга».¹⁰ Характерно, что, выступая на заседании Общества 5 декабря 1910 г., И. П. Павлов дал такой заголовок своей речи: «Задачи и устройство современной лаборатории для изучения нормальной деятельности высшего отдела центральной нервной системы у высших животных».¹¹

Понятен поэтому и интерес И. П. Павлова к работам зарубежных исследователей, в том числе и в лабораториях, куда был направлен Л. А. Орбели («Пишите о Ленглеувской лаборатории, когда поближе с ней познакомитесь»¹²).

Как отмечали многие авторы, говоря об этом периоде развития физиологии начала XX в., это был переход к изучению функциональных закономерностей центральной нервной системы и их проявлений в условно-рефлекторной деятельности, к изучению и анализу механизмов отдельных сложнейших функций организма в условиях, максимально приближающихся к естественной деятельности, при которой сохраняется целостность этого организма и взаимодействие его частей.¹³

И. П. Павлов высоко оценивает работу Л. А. Орбели в лабораториях Германии, тем более что к этому времени пришло письмо из Лейпцига от профессора Э. Геринга, в котором он писал: «...Я должен поблагодарить Вас и за возможность знакомства с Вашими учениками, чье прилежание, азарт, жажда знаний и воспитанность мне понравились».¹⁴ Представляется, что такие харак-

⁸ И. П. Павлов — Р. Иерксу. 22 марта 1909 г. // Переписка И. П. Павлова. С. 238.

⁹ Павлов И. П. Полное собрание трудов. Т. 3. С. 96—97.

¹⁰ И. П. Павлов — С. А. Федорову. 12 января 1910 г. // Переписка И. П. Павлова. С. 17.

¹¹ Павлов И. П. Полное собрание трудов. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 105.

¹² И. П. Павлов — Л. А. Орбели. 31 января 1910 г. ВММ. ОФ-96085/1. Л. 2.

¹³ См., напр.: Гершуни Г. В. Л. А. Орбели — профессор 1-го Ленинградского медицинского института // Л. А. Орбели в воспоминаниях современников. Л.: Наука, 1983. С. 83.

¹⁴ Э. Геринг — И. П. Павлову. 2 декабря 1910 г. // Переписка И. П. Павлова. М.; Л.: Наука, 1970. С. 255.

Геринг (Hering) Эвальд (1834—1918), выдающийся немецкий нейрофизиолог, профессор Лейпцигского университета. На протяжении ряда лет И. П. Павлов коман-

теристики, как «азарт» и «жажда знаний», применимы не только к ученикам, но и к учителю — И. П. Павлову.

Л. А. Орбели выехал из Санкт-Петербурга в Германию в феврале 1909 г. и вернулся в Россию в начале 1911 г. Как вспоминал сам ученый, «за время моего пребывания за границей с Иваном Петровичем мы мало переписывались. Я написал ему, кажется, два письма, от него получил письмо с одобрением того, что мною сделано и написано. Сохранилось у меня письмо, в котором Иван Петрович благодарил меня за присылку работ Геринга, — эти работыгодились ему потом, когда он начал изучать явление индукции».¹⁵

А сделано Л. А. Орбели было немало и в широком диапазоне исследовательской проблематики. «За время командировки весьма продуктивно работали в лабораториях Эв. Геринг — в области физиологии органов чувств, Д. Ленгли — в области физиологии вегетативной нервной системы, Д. Баркрофт — над вопросом дыхательных свойств крови, Э. Брюкке — по физиологии возбуждения гладких мышц и т. д. Эта работа оставила глубокий след в последующей исследовательской деятельности Л. А. Орбели».¹⁶

Чрезвычайно интересны письма Л. А. Орбели из-за рубежа. Среди его многочисленных адресатов назовем прежде всего его жену, Елизавету Иоакимовну Орбели (урожденная Аладжалова, 1879—1974). Елизавета Иоакимовна не просто интересуется делами мужа, но разделяет его интересы в науке и делает это вполне профессионально: после окончания гимназии она три семестра слушала лекции на естественнонаучном факультете Женевского университета, затем училась на Высших женских педагогических курсах в Санкт-Петербурге. В период становления Л. А. Орбели как ученого Елизавета Иоакимовна была его верной помощницей, шла ли речь об освоении иностранных языков (первые публикации переводов Л. А. Орбели с английского и французского языков выполнены им совместно с женой) или о выполнении поручений в случае отсутствия Леона Абгаровича в Петербурге. Елизавета Иоакимовна принимала участие в экспериментальной работе во время пребывания в командировке за границей.

Из восьми работ Л. А. Орбели, выполненных в этот период, две опубликованы в соавторстве с Е. И. Орбели.¹⁷

Л. А. Орбели выехал в Германию в феврале 1909 г., Елизавета Иоакимовна присоединилась к мужу в июне того же года. Эти четыре месяца отмечены интенсивной перепиской между супругами: Леон Абгарович делится не только житейскими подробностями — речь шла прежде всего о работе.

В фондах ВММ хранится девять писем Л. А. Орбели жене из Германии (апрель—май 1909 г.). Частично письма были опубликованы: Е. И. Орбели

дировал в лабораторию Э. Геринга своих учеников: Б. П. Бабкина, А. А. Вальтера, Г. П. Зеленого, Л. А. Орбели, затем А. В. Палладина и Н. П. Тихомирова.

¹⁵ *Орбели Л. А.* Воспоминания. Избранные труды в пяти томах. Т. V. М.; Л.: Наука, 1968. С. 209—210.

¹⁶ *Квасов Д. Г., Федорова-Грот А. К.* Физиологическая школа И. П. Павлова: Портреты и характеристики сотрудников и учеников. С. 178.

¹⁷ Э. Геринг — И. П. Павлову. 2 декабря 1910 г. // Переписка И. П. Павлова. С. 255.

(письма от 7, 10 и 11 мая 1909)¹⁸ и Л. Г. Лейбсоном (письма от 29 апреля, 3 и 14 мая 1909).¹⁹

Примечательно, что в 1968 г. непосредственно к Елизавете Иоакимовне обратился физиологический институт Лейпцигского университета (в то время Карл Маркс Университет) с просьбой поделиться подробностями пребывания Л. А. Орбели в Лейпциге в связи с предстоящим юбилеем — 100-летием института Людвига:²⁰ «Наш институт гордится старыми связями с русскими и советскими учеными, начиная с И. М. Сеченова».²¹

И Е. И. Орбели вновь возвращается к этому периоду.²²

Уже позже, переехав в Англию и оставив Елизавету Иоакимовну на три дня в Лондоне, Леон Абгарович написал жене за эти дни четыре почтовые карточки и одно письмо из Глазго,²³ куда поехал на встречу с Эдвардом Кэткартом.²⁴ Все письма Л. А. Орбели жене отмечены особой остротой впечатлений (это его первая научная командировка за границу), точностью характеристик лиц, обстоятельств и сути проводимой работы.

В письмах жене из Лейпцига Л. А. Орбели интересуется, что происходит в России; просит сообщить о последних работах «бехтеревцев»,²⁵ спрашивает о докладе Завадского:²⁶ «Напиши, было ли интересно, получилось ли у него что-нибудь?». ²⁷ Но главное — это подробный рассказ о том, что делает он сам: «С занятиями пока обстоит благополучно, работаю с удовольствием, очень жалею, когда надо убираться из лабораторий (обеих). Очень спокойно работать; приятно сознавать, что работаю сколько могу и хочу, а потому могу и хочу больше, чем в других условиях. Замечательно облегчает работу перерыв среди дня от 1 ч до 2 ½ — обед, прогулка к обеду и от обеда. Гораздо легче работать, не обалдеваю. Тишина полная и спокойствие помогают. Жаль мне

¹⁸ Орбели Л. А. Избранные труды. Т. 1. С. 37—38 (№ 6, 24 по библиографии трудов Л. А. Орбели).

¹⁹ Орбели Е. И. Воспоминания о Леоне Абгаровиче Орбели. Ереван: Армфан, 1972. С. 70—100.

²⁰ Людвиг Карл (1816—1895), знаменитый немецкий физиолог; в Университете Лейпцига работали многие молодые иностранные ученые, в том числе И. П. Павлов. Преемником К. Людвига по кафедре физиологии был Э. Геринг, в лаборатории которого стажировался Л. А. Орбели в 1909 г.

²¹ Письмо доктора медицины В. Хашке (W. Haschke) на бланке Лейпцигского института Е. И. Орбели от 24 июня 1968 г. ВММ. ОФ-96608/1. Л. 1, 2.

²² Черновик письма Е. И. Орбели д-ру В. Хашке. Не датирован. Рукопись. 2 листа. ВММ ОФ-96608/2.

²³ ВММ. ОФ-96476/6—9.

²⁴ Кэткарт (Cathcart) Эдвард Прован (1877—1954), профессор физиологической химии университета в Глазго, член Королевского общества; в 1908 г. был в Санкт-Петербурге и около 4 месяцев посвятил ознакомлению в Лаборатории И. П. Павлова с методикой исследования условных рефлексов. В этот период у Кэткарта и Орбели сложились дружеские отношения.

²⁵ Л. А. Орбели — Е. И. Орбели. 4 мая 1909 г. ВММ. ОФ-96476/2. Л. 1.

²⁶ Завадский Игорь Владимирович (1875—1944), с 1907 по 1909 г. состоял практикантом в Физиологическом отделе ИЭМ, где выполнил несколько работ под руководством И. П. Павлова, а в 1908 г. защитил докторскую диссертацию о торможении и растормаживании условных рефлексов.

²⁷ Л. А. Орбели — Е. И. Орбели. 11 мая 1909 г. ВММ. ОФ-96476/4. Л. 1.

нашу лабораторию, чувствую все величие и Ивана Петровича, и всей его работы; работают в нашей лаборатории не меньше и не хуже, чем немцы, но у меня волосы дыбом встают при воспоминании о сутолоке, нервности, шуме, которые царят там.

Тут тихо все, народу мало. У Негинг'а: сам он 75 л[ет], старец очень тихий, 2 ассистента, я и финляндец, все люди тихие; животных нет, кроме лягушек и черепах, чисто очень. У Флексига:²⁸ сам он, N. Meyendorf и я и 1 служитель, который готовит препараты для Флексига и поучает меня технике. Каждый приходит, делает свое дело и уходит. Узнаю много нового ежедневно и тут и там. Удивляюсь, как могут люди говорить, что нечему учиться тут, и не стоит ехать!.. Везде, где делают хоть что-нибудь, можно многому научиться, а тут не только сами делают, но еще и охотно показывают. А кроме того, все из первоисточника узнаешь. Я в общем очень доволен. Надеюсь, что семестр будет использован хорошо».²⁹

«Сегодня присутствовал при испытании Негинг'ом господина с полной цветной слепотой — интересно очень. Между прочим, он замечал такие тонкие отличия в интенсивности света, которые нам всем были недоступны, но физически правильны. Негинг говорил, что все страдающие цветовой слепотой гораздо чувствительнее к различным интенсивностям, чем нормальные. То же, что я решил относительно собак. Это немного подбодрило меня».³⁰

«Меня уговаривают остаться в Лейпциге весь год и вместе заняться собачьим мозгом — я физиологическую часть, а он (т. е. Флексиг. — Б. Н.) анатомическую. Я отпираюсь, потому что года на это мало, к тому же боюсь увозить Павловский метод, чтобы работа велась из лаборатории Флексига».³¹

Этот период жизни и деятельности Л. А. Орбели достаточно подробно освещен в литературе. Отметим прежде всего наиболее полную научную биографию, написанную одним из талантливых учеников и единомышленников Л. А. Орбели — Л. Г. Лейбсоном.³² И сам Л. А. Орбели в своих воспоминаниях, по большей части посвященных И. П. Павлову, обращается к событиям 1909—1911 гг., встречам и совместной работе с выдающимися учеными.³³ Любопытно, что к этой же теме часто обращались и другие ученики и сорудники Л. А. Орбели — своеобразные воспоминания о воспоминаниях Е. М. Крепса, Г. В. Гершуни.

В ходатайстве Государственного естественнонаучного института им. П. Ф. Лесгафта в Президиум АН СССР о представлении Л. А. Орбели к избранию в действительные члены Академии наук СССР от 26 ноября 1934 г. специально отмечен период 1909—1911 гг., когда Л. А. Орбели «провел в заграничных лабораториях у наиболее выдающихся физиологов, непосредст-

²⁸ Флексиг Пауль (1847—1929), выдающийся немецкий нейроанатом и психиатр, профессор психиатрии в Лейпциге; Нисль Мейендорф — его ассистент.

²⁹ Л. А. Орбели — Е. И. Орбели. 07 мая 1909 г. ВММ. ОФ-96476/3. Л. 2.

³⁰ Л. А. Орбели — Е. И. Орбели. 10 мая 1909 г. ВММ. ОФ-88197/3. Л. 1.

³¹ Л. А. Орбели — Е. И. Орбели. 26 мая 1909 г. ВММ. ОФ-96476/5. Л. 3.

³² Лейбсон Лев Германович (1900—1994) в своей книге «Леон Абгарович Орбели» гл. 5 «Обогащение знаниями» (С. 44—59) посвящает пребыванию Л. А. Орбели за границей.

³³ Орбели Л. А. Воспоминания... С. 173—242; составлены по стенографической записи его бесед-воспоминаний, которые Леон Абгарович вел со своими сотрудниками главным образом в течение осени 1955 г.

венно участвуя в основных работах руководителей этих школ (Ленгли, Геринг, Барккрофт, Гартен и др.). Вернувшись из-за границы, он осуществил целый ряд оригинальных по теме и новых по методам исследований. <...> Являясь непосредственным преемником наиболее значительных физиологических школ (Павлов, Ленгли, Геринг), Л. А. Орбели глубоко оригинален в своей творческой работе».³⁴

А тремя годами раньше, 22 декабря 1931 г., также обращаясь в Президиум АН СССР, сам И. П. Павлов писал: «Леон Абгарович в молодых годах прошел ряд выдающихся физиологических школ за границей и мою. Это вооружило его большим количеством разнообразных физиологических методов и дало возможность стать твердою ногою во многих областях физиологии».³⁵

Новые материалы в фондах Военно-медицинского музея убедительно подтверждают слова великого И. П. Павлова.

ЛИТЕРАТУРА

- Будко А. А., Назарцев Б. И.* Неизвестное письмо И. П. Павлова к Л. А. Орбели // Рос. физиол. журн. им. И. М. Сеченова. Т. 98. № 7. Июль 2012. С. 899—905.
- Гершуни Г. В.* Л. А. Орбели — профессор 1-го Ленинградского медицинского института // Л. А. Орбели в воспоминаниях современников. Л.: Наука, 1983. С. 82—93.
- Квасов Д. Г., Федорова-Грот А. К.* Физиологическая школа И. П. Павлова: Портреты и характеристики сотрудников и учеников. Л.: Наука, 1967.
- Леон Абгарович Орбели: Сб. док-тов // Вестник архивов Армении. 1982. № 1(62). С. 31—32.
- Орбели Е. И.* Воспоминания о Леоне Абгаровиче Орбели. Ереван: Армфан, 1972.
- Орбели Л. А.* Воспоминания. Избранные труды в пяти томах. Т. V. Л.: Наука, 1968.
- Орбели Л. А.* Избранные труды. Т. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Орбели Л. А.* Curriculum Vitae // Академик Леон Абгарович Орбели: Научное наследие. Т. 26. М.: Наука, 1997. С. 62. (Серия «Научное наследство»).
- Павлов И. П.* Полное собрание трудов. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Переписка И. П. Павлова. М.; Л.: Наука, 1970.
- Рукописные материалы И. П. Павлова: Тр. архива АН СССР. Вып. 8. Л., 1949.

A. A. Budko, B. I. Nazarcev

I. P. PAVLOV AND L. A. ORBELI

New materials in the collections of the Military Medical Museum

On the basis of new materials from the collections of the Military Medical Museum in article examines the correspondence of Pavlov and Orbeli. It explains the origin of the studied documents and their value. The study reveals the history of the relationship of famous scientists, as well as the scope of their research interests and their activities. Quotes

³⁴ Цит. по: Леон Абгарович Орбели: Сб. документов // Вестник архивов Армении. 1982. № 1(62). С. 31—32.

³⁵ Рукописные материалы И. П. Павлова: Труды архива АН СССР. Вып. 8. С. 103.

from letters detailing the work of Orbeli, and giving people a new previously unknown pages of the biography of the famous scientist.

Key words: Pavlov, Orbeli, writing, work, interests.

LITERATURA

- Budko A. A., Nazarñev B. I.* Neizvestnoe pis'mo I. P. Pavlova k L. A. Orbeli // Ros. fiziol. zhurnal im. I. M. Sechenova. T. 98. N 7. Iyul' 2012. S. 899—905.
- Gershuni G. V.* L. A. Orbeli — professor 1-go Leningradskogo mediñinskogo instituta // L. A. Orbeli v vospominaniyah sovremennikov. L.: Nauka, 1983. S. 82—93.
- Kvasov D. G., Fedorova-Grot A. K.* Fiziologicheskaya shkola I. P. Pavlova: Portrety i harakteristiki sotrudnikov i uchenikov. L.: Nauka, 1967.
- Leon Abgarovich Orbeli. Sb. dokumentov // Vestnik archivov Armenii. 1982. N 1(62). S. 31—32.
- Orbeli E. I.* Vospominaniya o Leone Abgaroviche Orbeli. Erevan: Armfan, 1972.
- Orbeli L. A.* Vospominaniya. Izbrannye trudy v pyati tomah. T. V. L.: Nauka, 1968.
- Orbeli L. A.* Izbrannye trudy. T. 1. L.: Izd-vo AN SSSR, 1961.
- Orbeli L. A.* Curriculum Vitae // Akademik Leon Abgarovich Orbeli: Nauchnoe nasledie. T. 26. M.: Nauka, 1997. S. 62. (Seriya «Nauchnoe nasledstvo»).
- Pavlov I. P.* Polnoe sobranie trudov. T. 3. L.: Izd-vo AN SSSR, 1949.
- Perepiska I. P. Pavlova. L.: Nauka, 1970.
- Rukopisnye materialy I. P. Pavlova: Tr. arhiva AN SSSR. Vyp. 8. M.; L., 1949.

Б. И. НАЗАРЦЕВ, И. П. КОЗЫРИН

**Л. А. ОРБЕЛИ И ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ**

В статье освещаются биография известного ученого Л. А. Орбели и его вклад в развитие Военно-медицинской академии на основе материалов фондов Военно-медицинского музея. Подробно рассматриваются проблематика изучения жизни Л. А. Орбели, ценность известных ранее исследуемых источников и новых документов, позволяющих более детально и точно восстановить факты биографии ученого, его работы и профессиональных интересов.

Ключевые слова: Л. А. Орбели, Военно-медицинская академия, письма, биография.

Выступая на торжественном собрании Академии наук СССР в связи с 75-летием со дня рождения, 8 июля 1957 г., Л. А. Орбели сказал: «Мне повезло в том отношении, что из гимназии я попал не куда-нибудь, а в Военно-медицинскую академию, мою дорогую *alma mater*, с которой я остался связанным на протяжении всей моей дальнейшей жизни».¹

В 17 лет Л. А. Орбели переступил порог Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (ВМА), которую окончил в 1904 г. Здесь он начал делать первые шаги в науке под руководством замечательных учителей и наставников.

Здесь он стал приват-доцентом, профессором кафедры физиологии, которую возглавлял с 1925 по 1950 г., начальником академии (1943—1950), профессором-консультантом Ученого совета ВМА с 1954 г. Здесь состоялось одно из последних публичных выступлений ученого: актовая речь «О взаимоотношении эволюционной физиологии и медицины» (1956) на торжественном заседании, посвященном 158-летию основания ВМА.²

Характерно, что на исполненном в 1944 г. художником П. И. Котовым по заказу Военно-медицинского музея (ВММ) портрете Л. А. Орбели ученый

© Б. И. Назарцев, И. П. Козырин, 2015. Военно-медицинский музей военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, Санкт-Петербург, Россия.

¹ Леон Абгарович Орбели: Сб. документов // Вестник архивов Армении. 1982. № 1(62). С. 31—32.

² Орбели Л. А. Избранные труды. Т. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 446—455.

изображен в форме генерал-полковника медицинской службы (звание присвоено в 1944 г.) в своем рабочем кабинете в ВМА.³ Именно этот портрет, на основании распоряжения первого начальника ВММ полковника медицинской службы профессора А. Н. Максименкова был передан в его кабинет.⁴

Тем не менее анализируя музейные материалы по теме «Л. А. Орбели и ВМА», сталкиваешься с многочисленными лакунами; особенно это касается деятельности Л. А. Орбели в военные и первые послевоенные годы. Тем большую ценность приобретают новые свидетельства этого периода.

Среди документов, поступивших в ВММ в последнее время, обращает на себя внимание рукописный черновик обращения начальника ВМА Л. А. Орбели на имя первого секретаря Ленинградского городского и областного комитета ВКП(б), члена Военного совета Ленинградского фронта генерал-лейтенанта А. А. Жданова в апреле 1944 г. (дата установлена по содержанию документа).

В записке содержится просьба о содействии в принятии неотложных мер по обеспечению нужд Военно-медицинской академии в связи с предстоящей реэвакуацией (из Самарканда, где находилась ВМА) и выполнением новых задач, стоящих перед Академией. Речь прежде всего идет о расширении производственной и жилой площади, содействии в восстановительных и строительных работах на объектах Академии, сильно пострадавших во время блокады.

«Глубокоуважаемый Андрей Александрович!

Постановлением ГОКО (Гос. Комитет Обороны) от 25 ноября 1942 за № 2539 на Военно-медицинскую Академию Красной Армии имени С. М. Кирова возложена задача создать единый центр научно-исследовательской работы в области теоретической и военной медицины и обеспечить учебный процесс в 3-х направлениях: 1) подготовка старших врачей полков (пятилетний курс) с общим контингентом слушателей 500 человек, 2) подготовка специалистов военно-медицинской службы для военно-лечебных учреждений Красной Армии из лиц, имеющих высшее медицинское образование и стаж военной службы (двухгодичный курс при общем контингенте слушателей 250 человек), и 3) подготовка высшего командно-медицинского состава Красной Армии из лиц с высшим медицинским образованием, военным стажем и опытом командно-медицинской службы. В связи с этим утверждено новое „Положение” о Военно-медицинской Академии, новые штаты постоянного военного и вольнонаемного состава Академии, учреждено 12 новых кафедр; ликвидированы как самостоятельные учреждения и вошли в В.-Мед. Академию им. Кирова Куйбышевская Военно-медицинская Академия, Московский научно-исследовательский и испытательный санитарный институт (НИИСИ КА) и Институт авиационной медицины им. Павлова (ИАМ). Число клинических коек увеличено с 1860 до 2000. Все это требует значительного расширения как производственной, так и жилой площади Академии, которая страдала от тесноты помещений еще в довоенное время, а за время блокады Ленинграда фонд Академии сильно пострадал от воздушных налетов и артиллерийских обстрелов. В октябре 1943 года в результате тщательного обсуждения вопроса и переговоров с Управлением тыла Ленфронта руководящими работниками Ленинградского городского и Областного Комитета ВКП(б), Ленгорсовета, Военного совета Ленфронта и Командующим войсками Ленфронта было принято предложение о передаче ВМА им. Кирова трех городков бывшего 3 ЛАУ. На основании решения Военного совета Ленфронта, подпи-

³ Котов П. И. Портрет Л. А. Орбели. Холст, масло; 90×70. 1944. ВММ. ОФ-12125.

⁴ Акт внутримузеевой передачи № 19 от 2 сентября 1946 г. Фонды ВММ.

санного генерал-полковником (ныне генерал армии) Говоровым, генерал-лейтенантом Кузнецовым, генерал-майором Смирновым и генерал-лейтенантом Лагуновым, была составлена и подана народному комиссару Обороны Маршалу Советского Союза т. Сталину докладная записка за подписями генерала армии т. Хрулева, генерал-полковника, ныне Маршала артиллерии, т. Яковлева, генерал-полковника медицинской службы т. Смирнова и моей о реэвакуации ВМА в Ленинград и о передаче ей трех городков бывшего 3 ЛАУ. Народным комиссаром был подписан от 5 февраля 1944 за № 6 приказ, удовлетворяющий наше ходатайство. В случае выполнения приказа Народного Комиссара Обороны ВМА была бы полностью обеспечена фондом для развертывания работы на протяжении ближайших 25—30 лет.

Однако выяснилось, что на основании ходатайства Главного маршала артиллерии т. Воронова т. Сталин изменил свое решение и, не отменяя приказа, разрешил т. Воронову не передавать городков 3 ЛАУ и использовать их по другому назначению.

Военно-медицинская академия оказалась в исключительно трудном положении. Не считая возможным в какой бы то мере отступить от выполнения постановления ГОКО и приказа наркома обороны, я прошу Вас, глубокоуважаемый Андрей Александрович, прийти на помощь старейшей в нашем Союзе и единственной медицинской школе в Красной Армии, на протяжении 145 лет являющейся колыбелью научно-медицинской мысли и рассадником профессорских кадров для большей части медицинских вузов и врачебных кадров для Армии и Флота.

Опыт присоединения городков 3 ЛАУ в полном соответствии с изречением народной мудрости: „На чужой каравай рта не разевай” свидетельствует о том, что рассчитывать на обеспечение нужд Военно-медицинской академии путем передачи ей каких-либо зданий или городков, принадлежащих ранее другим учреждениям, не следует. Поэтому командование Академии обращается к Вам с просьбой:

— Разрешить на ближайшее время использование Военно-медицинской академией в качестве клинической базы Областную больницу на улице Комсомола с тем, что ВМА будет обеспечивать врачебную помощь контингентам больных, направляемых органами здравоохранения Ленобласти.

— Разрешить Военно-медицинской академии срочно приступить к надстройке двух этажей на здания ее, составляющие блок между Пироговской набережной, проспектом Карла Маркса, Клинической и Нижегородской улицами (Клинический военный госпиталь, Естественно-историческое здание (так в тексте; очевидно, описка — вместо слова «здание» следует читать «институт». — *Б. Н.*) и бывш. Военно-фельдшерская школа) по проектам Военно-строительного управления, при сохранении архитектурной ценности и обеспечении архитектурного ансамбля.

— Разрешить Ленсовету передачу ВМА двух поврежденных домов в районах, прилегающих к ВМА, с тем чтобы Академия своими силами восстановила их и использовала как жилой фонд для своих служащих.

— Содействовать восстановительным и строительным работам, указанным в п.п. 1 и 2, путем предоставления соответствующих материальных фондов местного значения и путем поддержки перед Правительством ходатайства о предоставлении фондов союзного значения».⁵

Как отмечают биографы, война застала Л. А. Орбели на посту академика-секретаря Биологического отделения АН СССР, директора двух институтов им. И. П. Павлова, начальника кафедры ВМА им. С. М. Кирова, зав. Физиологической лабораторией Института им. П. Ф. Лесгафта, Председателя Всесоюзного общества биохимиков и фармакологов и др.

⁵ Черновик служебной записки Л. А. Орбели на имя А. А. Жданова. Рукопись. 3 листа. Не датирована. ВММ. ОФ-95094.

Война заставила перестроить деятельность всех этих организаций и добавила Орбели новые обязанности. В мае 1942 г. Орбели избран вице-президентом АН СССР, в январе 1943 г. назначен начальником ВМА. Орбели являлся руководителем нескольких комиссий, создание которых было продиктовано задачами военного времени. Эти же задачи определяли и маршруты его рабочих поездок: Казань, где находились некоторые из академических институтов и куда была эвакуирована семья Л. А. Орбели, Свердловск — где размещался Президиум АН СССР, Москва и Ленинград. (В Самарканд, куда была эвакуирована ВМА, Орбели и после назначения начальником академии так и не смог выехать ни разу.)

Соотнесем эти данные с некоторыми датами в истории ВМА военного периода.

До осени 1941 г. академия находилась в блокированном Ленинграде, эвакуация в Самарканд проведена в октябре—ноябре того же года.

25 ноября 1942 г. Государственный комитет обороны своим постановлением № 2539 утвердил «Положение о ВМА Красной Армии им. С. М. Кирова», которым по-новому определялись роль и задачи ВМА, предусматривалось создание трех факультетов (командно-медицинский, лечебно-профилактический и факультет подготовки старших врачей полков). Одновременно создается Московский филиал академии.⁶

15 января 1943 г. начальником ГВСУ утвержден первый учебный план нового факультета.

20 февраля 1944 г. состоялся выпуск первого набора слушателей командно-медицинского факультета (в Москве). А чуть раньше, 5 февраля 1944 г., народным комиссаром обороны подписан приказ № 6 о реэвакуации академии из Самарканда в Ленинград.

Разные авторы называют различные даты поездок Л. А. Орбели в Ленинград в связи с предстоящей реэвакуацией. «Уже в октябре 1943 г. он изучал возможность возвращения ВМА в Ленинград из эвакуации в здания, существенно пострадавшие в результате попадания свыше 100 авиабомб и артиллерийских снарядов».⁷ В. О. Самойлов писал: «Естественным было желание Леона Абгаровича как можно скорее собрать воедино все подразделения академии в Ленинграде. Сюда он приехал в ноябре 1943 г. для планирования работ по восстановлению Академии».⁸ Л. Г. Лейбсон называет другие даты: «В октябре 1943 г. по заданию ГВСУ Орбели приехал в Ленинград, где провел более трех недель. Вторично Орбели приезжал в Ленинград в марте 1944 г.».⁹

А вот что пишет в этот период сам Л. А. Орбели. В его письмах жене¹⁰ в Казань отражен ритм его работы, постоянное психологическое напряжение.

⁶ Подробнее см.: *Георгиевский А. С.* У истоков реорганизации Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова // Л. А. Орбели в воспоминаниях современников. М.; Л.: Наука, 1983. С. 69—81.

⁷ Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии (1798—1998). СПб.: Наука, 1998. С. 23.

⁸ *Самойлов В. О.* Военно-медицинская академия в жизни Леона Абгаровича Орбели // *Вестник Рос. ВМА.* 2002. № 1(7). С. 26.

⁹ *Лейбсон Л. Г.* Леон Абгарович Орбели. М.; Л.: Наука, 1973. С. 304.

¹⁰ Письма Л. А. Орбели жене Е. И. Орбели. 1934—1955 гг. ВММ. ОФ-96493/1—71.

24 марта 1943 г.: «...а тут подоспели приказы наркома обороны о ВМА, и нужно до отъезда провести несколько мероприятий».

1943 г.: «С каждым днем все больше и больше чувствую необходимость входить в работу ВМА, а это — в полном противоречии со всем остальным».

21 мая 1943 г.: «У меня ничего нового, занят с утра до вечера, а толку очень мало. Много времени уходит на ВМА — приходится знакомиться с укомплектованием штатов, программами преподавания, учебными планами и проч.».

8 октября 1943 г.: «В воскресенье должен выехать в Ленинград для ознакомления с состоянием моего учреждения и для переговоров с начальством о добавочной площади. Заодно посмотрю и институты Павлова (...) Не знаю, долго ли придется пробыть, но думаю, дней 10—12».

14 октября 1943 г.: «Пробуду здесь вероятно дней 10—12, чтобы все разобрать, повидать всех... Вчера смотрел ВМА (часть), сегодня еду в Колтуши».

14 декабря 1943 г.: «У меня ничего нового, кроме того, что ген.-майор Вилесов,¹¹ мой заместитель по ВМА, не дождавшись меня в Самарканде, приехал сюда с двумя помощниками, привез уйму дел, и мы теперь здесь их разбираем».

5 февраля 1944 г.: «Раздался телефонный звонок с неожиданным поздравлением: тов. Сталин только что подписал приказ об удовлетворении моей просьбы — реэвакуировать в Ленинград ВМА и предоставить весь городок бывш. Михайловского артиллерийского училища. Ура!».

5 апреля 1944 г.: «Приходится снова ехать в Ленинград, т. к. вполне налаженное дело с передачей нам бывш. Михайловского арт. училища внезапно сорвалось, и я вновь должен что-то добывать, чтобы вернуть Академию в Ленинград».

10 апреля 1944 г.: «Сегодня через 2 часа уезжаю в Ленинград вновь хлопотать о помещениях и клиниках ВМА. Все прежнее пошло прахом...

Я по плану должен быть там всего 5—6 дней, но кто знает, как сложатся обстоятельства, — может быть, придется застрять подольше...

Еду с отвратительным чувством... досадно делать сизифов труд.

...Надежда Исаевна¹² расскажет некоторые подробности с помещением, которое было дано и отобрано обратно».

21 апреля 1944 г.: «...Забочусь сейчас устройством возврата в Ленинград».

23 июня 1944 г.: «Вот уже 10 дней как я в Ленинграде... Вопрос о переезде наших институтов решился положительно, сразу и без хлопот. Попков¹³ подписал уже бумагу и дал мне».

¹¹ Вилесов Василий Иванович (1887—1969), генерал-майор мед. службы и зам. начальника ВМА им. С. М. Кирова с 1943 г.; уволен в отставку вслед за Л. А. Орбели в 1951 г.

¹² Михельсон Надежда Исаевна (1901—1956), ученица, сотрудница и ближайшая помощница Л. А. Орбели.

¹³ Попков Петр Сергеевич (1903—1950), в этот период председатель Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся; с 1946 г. — первый секретарь Ленинградских обкома и горкома партии; 22 февраля 1949 г. снят с поста за антипартийные действия; по решению Военной коллегии расстрелян 1 ноября 1950 г.

27 июня 1944 г.: «В Ленинграде время прошло весьма насыщенно, очень много дел и забот. Думаю, что с переездом в Ленинград дело облегчится — будет сконцентрировано в двух городах.

...К 10 вечера надо ехать в Санитарное управление к Смирнову¹⁴ для обсуждения дел ВМА».

21 марта 1945 г.: «В субботу или воскресенье поеду на несколько дней в Ленинград. Меньше чем на 5 дней ехать не стоит».

Французский историк М. Блок справедливо заметил: «Было бы большим заблуждением считать, что каждой исторической проблеме соответствует один-единственный тип источников, применимый именно в этом случае. Напротив, чем более исследование устремляется к явлениям глубинным, тем скорее можно ждать света от сходящихся в одном фокусе лучей — от свидетельств самого разного рода».¹⁵ Так, среди материалов фонда, относящихся к рассматриваемому периоду, важно отметить серию натуральных зарисовок художника А. М. Нюренберга,¹⁶ на которых запечатлены здания ВМА, пострадавшие в дни блокады. В художественном фонде собрания ВММ находятся 23 графические и живописные работы, объединенные этой темой.

Все работы А. М. Нюренберга включены в опубликованные каталоги произведений изобразительного искусства, хранящихся в фондах музея.¹⁷

Произведения, связанные с темой «ВМА им. С. М. Кирова в блокадном Ленинграде», датированы мартом 1944 г. и подписаны автором — А. М. Нюренбергом. Авторские названия работ не оставляют сомнения в том, что они были исполнены с вполне конкретной целью зафиксировать ущерб, нанесенный зданиям ВМА: анатомическому корпусу, зданиям кафедры физиологии, клиники нервных болезней ВМА после бомбежки, клиники психиатрии (разрушено немецкой авиабомбой), кочегарке, хирургическому отделению клинического госпиталя и др.

Перечень объектов даже больше, чем обычно, приводится в исторических очерках о ВМА периода Великой Отечественной войны. «Только в сентябре—ноябре (1941) бомбами и снарядами были повреждены здания клиники нервных болезней, ЛОР-болезней, военно-полевой хирургии, анатомического корпуса и кафедры физкультуры... жилые здания на углу улиц Боткинской и Нижегородской».¹⁸

Все работы серии выполнены с натуры, в разной технике (уголь, карандаш, сангина; 3 работы исполнены маслом). Очевидно, это был заказ ВМА,

¹⁴ Смирнов Ефим Иванович (1904—1989), генерал-полковник мед. службы, с 1939 по 1947 г. — начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии; с 1947 по январь 1953 г. — министр здравоохранения СССР. Снят с должности за политическую беспечность в связи с «делом врачей» (1952—начало 1953 г.).

¹⁵ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. Е. М. Лысенко. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1986. С. 40.

¹⁶ Нюренберг Амшей Маркович (1887—1979), московский живописец, график и художественный критик.

¹⁷ Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР. Каталог произведений изобразительного искусства (живопись и скульптура); Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР. Каталог произведений изобразительного искусства (графика).

¹⁸ Российская Военно-медицинская академия (1798—1998). СПб.: ВМедА, 1998. С. 54.

вернее, тех ее представителей, которые часто бывали в Москве, куда в конце 1943 г. вернулся из эвакуации в Ташкент и А. М. Нюренберг.

Добиваясь точности, отдельные объекты художник пишет по несколько раз, в разных вариантах, со сменой ракурса: клиника нервных болезней — шесть работ, анатомический корпус, невропатологическое отделение, клиника психиатрии — по три работы.

А. М. Нюренберг как будто следует совету своего земляка и товарища, творчество которого очень ценил, выдающегося мастера живописи А. А. Осмеркина: «Надо работать быстро, но законченно».¹⁹

Притом что только в отдельных работах серии присутствует изображение людей (наброски фигур, иногда на втором плане), все произведения отличает внутренний драматизм. Композиционные и цветовые решения, то, как художник пишет голые ветви деревьев, ритмический рисунок их переплетения, изломы стволов, — все это создает особое настроение. Художник пишет беспристрастно, но не бесстрастно. Невольно хочется повторить фразу, высказанную в свое время Ван Гогом: «Если понимать реализм в смысле точности рисунка и локального цвета, тогда есть еще кое-что и кроме реализма...».²⁰

Именно художественные достоинства работ А. М. Нюренберга усиливают их убедительную документальность. В отсутствие других подтверждений не будем выстраивать гипотетические схемы о возможном знакомстве и личных встречах Л. А. Орбели с А. М. Нюренбергом, хотя и не исключаем такой возможности.²¹

Дело в другом. Новые предметы в составе музейной коллекции изменяют контекст восприятия и той ее части, которая, казалось бы, хорошо известна, однако историко-культурный потенциал которой до сих пор не был раскрыт, а значит и не востребован.

Формируемый в музее историко-художественный комплекс убедительно подтверждает высокую оценку вклада Л. А. Орбели в развитие ВМА. «Благодаря колоссальному авторитету Л. А. Орбели на самом высоком правительственном уровне Академия получила солидные финансовые средства на восстановление разрушенных зданий, оборудование, полномасштабное обеспечение учебной, научной и лечебной работы».²²

Е. И. Смирнов, хорошо знавший ученого, в аттестации на начальника ВМА генерал-полковника медицинской службы Л. А. Орбели от 5 апреля 1945 г. особо отмечает, что под его руководством «проведена реорганизация Академии в соответствии с постановлением ГКО от 25.02.42 № 2589 и осуществлена передислокация Академии из Самарканда в Ленинград. Несмотря на тяжелые условия, создавшиеся в связи с большими разрушениями зданий Академии во время блокады Ленинграда, к 01.10.1944 учебные, клинические и

¹⁹ Осмеркин. Размышления об искусстве. Письма. Критика. Воспоминания современников. М.: Советский художник, 1981. С. 261.

²⁰ Ван Гог В. Письма. Т. 1. М., 1935. С. 373.

²¹ Отметим, что в своих воспоминаниях художник вообще не упоминает о периоде Великой Отечественной войны. См.: *Нюренберг А. М.* Воспоминания, встречи, мысли об искусстве. М.: Советский художник, 1969.

²² *Самойлов В. О.* Военно-медицинская академия в жизни Леона Абгаровича Орбели // Вестник Рос. ВМА. 2002. № 1(7). С. 26—27.

жилые здания Академии были в основном отремонтированы, что дало возможность развернуть своевременно учебный процесс».²³

К сожалению, на разработке тем, связанных с периодом работы Л. А. Орбели в ВМА, негативно сказались последствия объединенной сессии двух академий (АН СССР и АМН СССР), посвященной проблемам развития учения И. П. Павлова. Казалось бы, к 1955 г. период опалы ученого закончился; в 1957 г. к 75-летию Л. А. Орбели он был награжден четвертым орденом Ленина, торжественно отмечался юбилей ученого. Тем не менее тень идеологической неблагонадежности витала над именем Л. А. Орбели еще долго, а политическая осторожность, граничащая с трусостью, приводила к тому, что имя ученого просто не упоминалось в тех публикациях, где, казалось бы, оно обязательно должно присутствовать. Нельзя не отметить и того, что принято называть двойными стандартами в сфере нравственности, в политике и идеологии. В случае с Л. А. Орбели это особенно очевидно. Один стандарт для частного, так сказать, домашнего применения. И другой — для публичных заявлений, тем более для публикаций.

28 ноября 1966 г. начальник ВМА П. П. Гончаров пишет письмо вдове Л. А. Орбели с выражением «глубокой признательности за книгу о Леоне Абгаровиче Орбели,²⁴ перед которым я преклоняюсь не только как перед выдающимся ученым, но и столь же выдающимся человеком».²⁵ Заметим, что в изданной в этот период — в 1956 г. — брошюре с характерным названием «Факты и даты из деятельности Военно-медицинской ордена Ленина академии им. С. М. Кирова (1798—1956)»²⁶ имя Л. А. Орбели не упоминается ни разу, даже в перечне замечательных профессоров, внесших большой вклад в дело развития отечественной науки и высшего медицинского образования.

Е. И. Смирнов в поздравительном адресе к 75-летию Л. А. Орбели от лица медицинской службы Вооруженных сил и от себя лично писал: «Большая часть Вашей творческой деятельности была связана с Военно-медицинской академией, работая в которой, Вы явились основоположником разработки вопросов физиологии военного труда. Ваши работы в области морской физиологии имеют огромное теоретическое значение и позволяют решать современные практические задачи обеспечения работы личного состава Военно-морского флота. В послевоенный период Вы много отдали сил на решение актуальных задач медицинского обеспечения войск».²⁷ Но вот в книге «Война и военная медицина...», декларируя, что «любое отклонение от фактов, их искажение не допустимо», тот же Е. И. Смирнов вообще не упоминает имя Л. А. Орбели.²⁸

²³ Цит. по: Вестник архивов Армении. 1982. № 1(62). С. 81.

²⁴ Имеется в виду только что вышедшая из печати книга Л. А. Орбели «Воспоминания».

²⁵ Письмо П. П. Гончарова Е. И. Орбели. 28 ноября 1966 г. Машинопись. ВММ. ОФ-96584. Л. 1.

Гончаров Павел Поликарпович (1900—1970), д-р мед. наук, проф., генерал-полковник мед. службы; возглавлял ВМА в 1953—1968 гг.

²⁶ Факты и даты из деятельности Военно-медицинской ордена Ленина академии им. С. М. Кирова (1798—1956) / Сост. проф. С. М. Багдасарьян. Л.: Изд-во ВМОЛА им. С. М. Кирова, 1956.

²⁷ ВММ. ОФ-62171. Л. 1.

²⁸ Смирнов Е. И. Война и военная медицина. Мысли и воспоминания. 1939—1945 гг. М.: Медицина, 1976.

Неправда может заключаться не только в словах, но в самих фактах умалчивания.

Введение в научный оборот новых документальных свидетельств из фондов ВММ оказывается важным для установления связи с другими историческими источниками, что в свою очередь необходимо для устранения неточностей и фактических ошибок в трактовке темы: Л. А. Орбели и Военно-медицинская академия.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок М.* Апология истории или ремесло историка / Пер. с фр. Е. М. Лысенко. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1986. (Памятники исторической мысли).
- Ван Гог В. Письма. Т. 1. М., 1935.
- Вестник архивов Армении. 1982. № 1(62).
- Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР: Каталог произведений изобразительного искусства (графика). Л., 1990.
- Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР: Каталог произведений изобразительного искусства (живопись и скульптура). Л., 1979.
- Георгиевский А. С.* У истоков реорганизации Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова // Л. А. Орбели в воспоминаниях современников. М.; Л.: Наука, 1983. С. 69—81.
- Л. А. Орбели. Воспоминания. М.; Л.: Наука, 1966.
- Лейбсон Л. Г.* Леон Абгарович Орбели. М.; Л.: Наука, 1973.
- Леон Абгарович Орбели: Сб. документов // Вестник архивов Армении. 1982. № 1(62). С. 31—32.
- Нюренберг А. М.* Воспоминания, встречи, мысли об искусстве. М.: Советский художник, 1969.
- Орбели Л. А.* Избранные труды. Т. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Осмёркин. Размышления об искусстве. Письма. Критика. Воспоминания современников. М.: Советский художник, 1981.
- Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии (1798—1998). СПб.: Наука, 1998.
- Российская Военно-медицинская академия (1798—1998). СПб.: ВМедА, 1998.
- Самойлов В. О.* Военно-медицинская академия в жизни Леона Абгаровича Орбели // Вестник Рос. ВМА. 2002. № 1(7). С. 26—27.
- Смирнов Е. И.* Война и военная медицина. Мысли и воспоминания. 1939—1945 гг. М.: Медицина, 1976.
- Факты и даты из деятельности Военно-медицинской ордена Ленина академии им. С. М. Кирова (1798—1956) / Сост. проф. С. М. Багдасарьян. Л.: Изд-во ВМОЛА им. С. М. Кирова, 1956.

V. I. Nazarcsev, I. P. Kozyrin

L. A. ORBELI AND THE MILITARY MEDICAL ACADEMY: BASED ON FUNDS OF THE MILITARY MEDICAL MUSEUM

The article describes the biography of the scientist Orbeli and his contribution to the development of the Military Medical Academy on the basis of funds of the Military Medical Museum. Considered in detail the problems of studying the life of Orbeli, the value of prior

art investigated sources and new instruments enabling more detailed, and accurately restore the facts biography of the scientist, his work and professional interests.

Key words: Orbeli, Military Medical Academy, letters, biography.

LITERATURA

- Blok M.* Apologiya istorii ili remeslo istorika // Per. s fr. E. M. Lysenko. Izd. 2-e, dop. M.: Nauka, 1986. (Pamyatniki istoricheskoy mysli).
- Van Gog V. Pis'ma. T. 1. M., 1935.
- Vestnik arhivov Armenii. 1982. N 1(62).
- Voenno-medicinskiy muzey Ministerstva oborony SSSR: Katalog proizvedeniy izobrazitel'nogo iskusstva (grafika). L., 1990.
- Voenno-medicinskiy muzey Ministerstva oborony SSSR: Katalog proizvedeniy izobrazitel'nogo iskusstva (zhivopis' i skul'ptura). L., 1979.
- Georgievskiy A. S.* U istokov reorganizatsii Voenno-medicinskoy akademii im. S. M. Kirova // L. A. Orbeli v vospominaniyah sovremennikov. M.; L.: Nauka, 1983. S. 69—81.
- L. A. Orbeli. Vospominaniya. M.; L.: Nauka, 1966.
- Leon Abgarovich Orbeli: Sb. dokumentov // Vestnik arhivov Armenii. 1982. N 1(62). S. 31—32.
- Leybson L. G.* Leon Abgarovich Orbeli. L.: Nauka, 1973.
- Nyurenberg A. M.* Vospominaniya, vstrechi, mysli ob iskusstve. M.: Sovetskiy hudozhnik, 1969.
- Orbeli L. A.* Izbrannye trudy. T. 1. L.: Izd-vo AN SSSR, 1961.
- Osmyerkin. Razmyshleniya ob iskusstve. Pis'ma. Kritika. Vospominaniya sovremennikov. M.: Sovetskiy hudozhnik, 1981.
- Professora Voenno-medicinskoy (Mediko-hirurgicheskoy) akademii (1798—1998). SPb.: Nauka, 1998.
- Rossiyskaya Voenno-medicinskaya akademiya (1798—1998). SPb.: VMedA, 1998.
- Samoylov V. O.* Voenno-medicinskaya akademiya v zhizni Leona Abgarovicha Orbeli // Vestnik Ros. VMA. 2002. N 1(7). S. 26—27.
- Smirnov E. I.* Voyna i voennaya medizina. Mysli i vospominaniya. 1939—1945 gg. M.: Medicina, 1976.
- Fakty i daty iz deyatelnosti Voenno-medicinskoy ordena Lenina akademii im. S. M. Kirova (1798—1956) / Sost. prof. S. M. Bagdasar'yan. L.: Izd-vo VMOLA im. S. M. Kirova, 1956.

В. П. ЛЕОНОВ, Н. М. БАЖЕНОВА

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЕРМАНСКИХ
И РОССИЙСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧЕНЫХ
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКЕ КНИГИ И ГРАФИКИ 1914 г.
В ЛЕЙПЦИГЕ КАК НОВАЯ ФОРМА
НЕГОСУДАРСТВЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ИСТОРИКОВ НАУКИ
В ОБЛАСТИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Статья повествует об участии Библиотеки Императорской академии наук (БАН) в Международной выставке книги и графики в Лейпциге 1914 г., посвященной 400-летию изобретения книгопечатания Иоганном Гутенбергом. Русский отдел выставки представил исторический, современный (художественный) отделы, а также отделы статистики, библиографии, библиотековедения и промышленности. С началом военных действий российские экспонаты оказались под угрозой ареста и конфискации. Спасли их немецкие коллеги, передавшие материалы на хранение в Лейпцигский музей книжного дела, где они и хранились до середины 1920-х гг., пока не вернулись на родину.

Ключевые слова: Лейпцигская выставка книги и графики, 1914, Санкт-Петербург, Императорская Академия наук, Библиотека Императорской Академии наук, БАН, Лейпцигский музей книжного дела.

С мая по октябрь 1914 г. в Лейпциге под руководством Германского общества печатного дела состоялась Международная выставка¹ печатного дела и графики.² Выставка была устроена в честь 150-летия Саксонской королевской академии графических искусств и печатного дела, проводилась под покровительством короля Фридриха Августа III Саксонского и получила поддержку имперского и саксонского правительств.

Выставка была посвящена итогам 460-летней всемирной книгопечатной деятельности после открытия Иоганна Гутенберга и была призвана показать

© В. П. Леонов, Н. М. Баженова, 2015. Библиотека РАН, Санкт-Петербург, Россия.

¹ Полное немецкое название выставки — Internationale Ausstellung für Buchgewerbe und Graphik, сокращенное — Bugra — составлено из первых слогов слов «Buch» и «Graphik».

² Графика понималась широко и включала фотографии.

Саксонская королевская академия графических искусств и печатного дела в Лейпциге. В настоящее время — Высшая школа книжного дела и графики. В этом здании в 1914 г. проходила Международная выставка печатного дела и графики.

огромное влияние печатного дела на народное просвещение и ту исключительную роль, какую графическое искусство и промышленность играют в жизни народов. Цель, поставленная организаторами перед выставкой, открывшейся накануне Первой мировой войны, поражает: «Мирное соревнование всех культурных наций на поприще графического искусства и промышленности».³

Соответствовали цели и масштабы выставки — она впервые собрала участников из всех развитых стран мира, продемонстрировавших свои достижения в области книжной культуры.

Выставка состояла из 16 крупных отделов: 1) свободная графика; 2) прикладная графика; 3) преподавание печатного дела; 4) бумажное производство; 5) бумажная выделка и письменные принадлежности; 6) производство красок; 7) фотография; 8) репродукционная техника; 9) гравирование шрифтов, словолитное дело и сопутствующие ему промыслы, стереотипия и гальваноластика; 10) способы печатания; 11) переплетное дело; 12) издательская, сортиментная и комиссионная книжная торговля; 13) печать, уведомительное и публикационное дело, реклама; 14) библиотечное дело, библиография, библиофилия и собирательное дело; 15) машины, аппараты, материалы и орудия всеобщего печатного дела; 16) убежища (приюты) и учреждения для поднятия благосостояния.

³ Международная выставка печатного дела и графики в Лейпциге в 1914 г.: проспект выставки. С. 2.

Крупные отделы в свою очередь подразделялись на 63 подотдела. Каждый включал исторические и технико-научные разделы для объяснения различных аспектов выставки, что способствовало демонстрации исторического пути и места разных отраслей печатного дела в мировой культуре. Технический уровень печати демонстрировался не только в виде готового продукта (издания), но и для большей наглядности был представлен мастерскими на полном ходу, моделями, демонстрационными аппаратами и киносъемкой, что усиливало интерес специалистов и посетителей. Тем самым одновременно выставка стала демонстрацией достижений научного, технического и социального прогресса.

Помимо простой демонстрации достижений выставка предполагала формы активного научного и культурного общения участников — с образцами книжной продукции можно было знакомиться в читальных залах выставки, на лекциях и концертах. Одновременно проходили конгрессы и собрания обществ деятелей печатного дела, ученых, библиотекарей, библиофилов, любителей искусства, фотографов, стенографов, журналистов и писателей.

Направления деятельности выставки были столь разнообразны, что подготовка ее требовала от каждой страны участия лучших специалистов и самых авторитетных организаций, имеющих международное признание как центры книжной культуры. Для создания Русского отдела выставки Саксонская королевская академия графических искусств и печатного дела обратилась к Императорской Академии наук и к Бюро по международной библиографии. Информация о готовящейся выставке была распространена среди издающих организаций России.

В соответствии с концепцией комитета выставки Русский отдел состоял из следующих частей: исторического отдела, современного (художественного) отдела, отдела статистики, библиографии и библиотекосведения, промышленного отдела.

Исторический отдел состоял соответственно из разделов:

- 1) начало книгопечатания на Руси и Московская синодальная типография;
- 2) старопечатные книги и современная церковная печать;
- 3) издания Императорского общества любителей древней письменности;
- 4) книга от Петра Великого до 1860 г.;
- 5) гравюра и литография в прошлом;
- 6) библиофилия и собирательство.

Нужно сразу подчеркнуть, что в организации исторического отдела своими книжными сокровищами участвовали Императорская Академия наук в лице Библиотеки Академии наук и Книжного склада (будущего Бронированного фонда Академии наук) и графиня Наталья Федоровна Карлова (морганатическая супруга герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого, всем известен их особняк и знаменитое книжное собрание — ныне Библиотека им. Маяковского в Санкт-Петербурге). Отбором книг заведовал библиотекарь Императорской Академии наук Александр Осипович Круглый. Отдел старопечатной книги был составлен управляющим Московской синодальной типографией, магистром русской словесности и приват-доцентом Императорского Московского университета (впоследствии академиком) Александром

Круглый Александр Осипович. Библиотекарь Русского отделения Библиотеки Академии наук, организатор Исторического отдела Русского отдела Лейпцигской выставки.

Сергеевичем Орловым. Более серьезные общие вопросы разрешались в ряде совещаний под председательством товарища министра народного просвещения тайного советника Владимира Тимофеевича Шевякова.

Современный (художественный) отдел состоял из разделов:

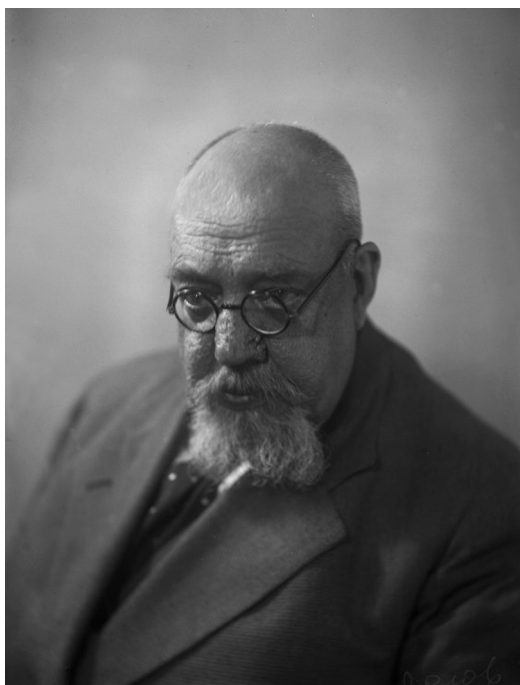
- 1) современная иллюстрированная книга;
- 2) современные журналы по искусству;
- 3) экспонаты Клуба любителей русских изящных изданий;
- 4) современная графика;
- 5) рисунки для современной книги;
- 6) работы современных художников-графиков в репродукции;
- 7) театр в художественных репродукциях.

Отдел «Школы графики и печатного дела, общества взаимопомощи, санатории» состоял из разделов:

- 1) школы графики и печатного дела;
- 2) общества взаимопомощи тружеников печатного дела;
- 3) санатории для тружеников печатного дела.

Отдел «Статистика, библиография, библиотековедение» состоял из разделов:

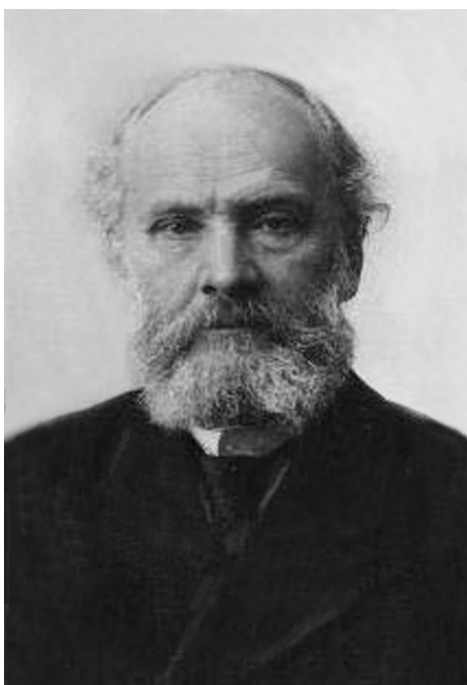
- 1) печатное дело в России;
- 2) статистика;
- 3) библиография;
- 4) библиотековедение.

Орлов Александр Сергеевич. Академик, магистр русской словесности и приват-доцент Императорского московского университета, впоследствии академик, организатор Отдела старопечатной книги Лейпцигской выставки.

Многообразие разделов выставки и обилие (хотя бы только с русской стороны) ее участников не должно заслонять от нас тот факт, что в области международного сотрудничества ученых библиография занимала совершенно особое место. Следует уточнить, что в начале XX в. она была одним из самых необходимых и перспективных аспектов международного сотрудничества ученых. Ученые мира стремились не только наладить централизованное библиографирование в своих странах, но и выработать общие правила в международном масштабе. Местные и международные библиографические организации занимались разработкой правил транскрипции и библиографического описания, налаживалась работа по национальной библиографии, в первую очередь по естествознанию и математике. Были созданы международные бюро по управлению этой работой: Берлинское, Лондонское, Парижское, Русское, Финляндское бюро по международной библиографии, Международный библиографический институт в Брюсселе. Возглавляло работу Лондонское бюро, а также Международная ассоциация академий наук.

Императорская Академия наук не только активно сотрудничала с международными библиографическими организациями, но и руководила местными российскими библиографическими бюро и обществами. Примером может служить деятельность академика Андрея Сергеевича Фаминцына. Он, будучи председателем состоявшего при Академии наук Бюро по международной библиографии по естествознанию и математике, представлял Россию в международных библиографических проектах, контролировал работу по библиографированию изданий в России и отправке библиографических описаний в

Фаминцын Андрей Сергеевич. Академик, основоположник петербургской школы физиологов растений. Библиограф, председатель Бюро библиографии по естествознанию и математике при Академии наук, представлял Россию в международных библиографических проектах.

Центральное Лондонское бюро по международной библиографии по естествознанию и математике.⁴

Тем не менее Императорская Академия наук не мыслила себя лишь исполнителем международных библиографических заданий. Теоретические обобщения библиографической практики русских ученых делали русскую библиографию одним из лидеров международного сотрудничества по формированию единого научного библиографического пространства, пока еще не разделенного на отдельные национальные «квартиры», живущие по собственным правилам. Центральное Лондонское бюро выпустило уже целый ряд томов международной библиографии, куда вошли и русские работы.⁵ Возникло ощущение, что сотрудничество ученых может достичь того международного единения, которого безуспешно пыталась достичь международная дипломатия.

Поэтому как бы скромно ни выглядело, на современный взгляд, число экспонатов, выставленных русской стороной в разделе «Библиография»,⁶ они

⁴ Общее собрание Императорской Академии наук от 19 апреля 1903 г. Протокол № 4. § 82.

⁵ Там же.

⁶ Русским Бюро по международной библиографии на выставку были представлены: 5 графических таблиц, изображающие данные по годам и предметам собранного научного материала; фотография помещения Бюро; вышедшие тома Русской библиографии и другие издания Бюро. См.: Международная выставка печатного дела и графики в Лейпциге 1914 г.: Каталог Русского отдела. СПб.: Тип. «Сириус», 1914. С. 212—213.

являются примером уникального результата международного сотрудничества академических и неакадемических ученых в теории и практике библиографической деятельности.

Примечательно, что с академической стороны выставка начиналась как обычное межгосударственное мероприятие: за разрешением участвовать Императорская Академия наук обратилась в Министерство народного просвещения, которое провело консультации с законодательными учреждениями. На правительственном уровне решение было окончательно принято только за два месяца до открытия выставки. Лишь 7 марта (н. ст.) 1914 г. высочайше был назначен русский генеральный комиссар выставки (гофмейстер Двора его императорского величества сенатор Алексей Валерианович Бельгард), и фактически с этого момента Академия наук получила возможность официально готовиться к открытию Русского отдела.

К участию в Лейпцигской выставке готовилось и Российское общество книгопродавцев и издателей, которое выбрало для этого особый комитет. В него вошли: председатель общества Ф. В. Эттингер, вице-председатель В. А. Девриен, коммерции советник И. И. Леман, редактор библиографического журнала «Книжная Летопись» А. Д. Торопов, редактор журнала «Ежегодник императорских театров» барон Н. В. Остен-Дризен, библиотекарь Императорской академии художеств Ф. Г. Беренштам, редактор-издатель журнала «Старые Годы» П. П. Вейнер. Комитет наметил примерную программу организации Русского отдела и составил обоснование необходимости и желательности участия России в выставке, которые были переданы в Министерство торговли и промышленности и стали основанием для решения этого вопроса.

Однако на вопросы подготовки было отведено слишком мало времени, а трудностей, связанных с правительственным согласованием и государственным финансированием участия России в работе выставки, было много. В итоге Русский отдел, занявший обширный павильон в 2 этажа в древнерусском стиле,⁷ был открыт почти через месяц после открытия в Лейпциге самой выставки — 27 мая 1914 г.

Выставка и ее Русский отдел, в котором было 178 экспонентов, пользовались большим успехом у публики. Их посещали не только немцы — из всех стран мира сюда приезжали специалисты (издатели, типографы, иллюстраторы, инженеры) и просто интересующиеся книжной культурой. Там действительно было что посмотреть.

С русской стороны в числе школ графики и печатного дела были представлены: Центральное училище технического рисования барона Штиглица в Санкт-Петербурге; Школа императорского общества поощрения художеств; Первая школа печатного дела Императорского русского технического общества, состоящего под августейшим покровительством великого князя Константина Константиновича; Киевская художественно-ремесленная мастерская печатного дела; Школа при типографии газеты «Новое Время» (А. С. Суворина); Школа для учеников типографии газеты «Биржевые Ведомости»; Строгановское центральное училище технического рисования в Москве; Техническая школа при Экспедиции заготовления государственных бумаг.

⁷ Проект академика В. Покровского. Подробнее впечатления о выставке см.: [Грениц Г. Л.] Международная выставка графических искусств в Лейпциге в 1914 году: Путевые заметки и впечатления. Пг.: Гос. типография, 1915. 164 с.

Были представлены: издательская продукция частных типографий, издательств, государственных издающих организаций, товариществ, акционерных обществ, словолитен, фотографий, хромофотографий, типолитографий, цинкографий, редакций газет, книжных магазинов, картографических заведений, торговых домов, церковных общин, переплетных мастерских, мастерских типографской мебели и т. д.

Каждый из участников представил то, чем особенно гордилась книжная культура его страны. Англия — роскошные издания Оксфордского и Кембриджского университетов; Австрия — многочисленные статистические материалы, которые показывали, что в этой стране наблюдался пропорциональный рост количества печатавшихся научных изданий и беллетристики; Испания — яркие переплеты; Голландия — старинные голландские фолианты с богато украшенными инициалами; Франция — богатые издания фирм *Nachette*, *Larousse*, *Boutton*, *C. Lévy*; Россия — многоязычие шрифтов, каким не могли похвастать другие отделы выставки.

Германский отдел был наиболее богат и обширен (около 10 зданий). Каждое здание было отведено отдельной отрасли печатного дела, причем здесь экспонировались не только германские издания, но и книги, рукописи, шрифты и образцы бумаг других стран. Во Дворце культуры демонстрировались экспонаты, являющиеся свидетелями развития культуры человечества от пещер и свайных построек к глиняным дощечкам, папирусам, пергаменам с нанесенными на них письменами, оружие, утварь, одежда древних народов. К числу интереснейших посетителями был отнесен отдел, посвященный производству бумаги,⁸ где одним из экспонатов была действующая старинная бумажная мельница по производству тряпичной бумаги.

В библиотечном отделе были представлены инкунабулы, старинные издания, напечатанные изящными итальянскими, французскими и голландскими шрифтами, а также модели библиотечных помещений, читален, библиотечной мебели. В отделе собрана документация по организации общественных и частных библиотек, представлены их история, образцы каталогов и реестров разных систем, портреты и биографии выдающихся библиотекарей, сведения о профессиональном обучении библиотекарей, об их профессиональном союзе. Специальные помещения были отведены частным книгохранилищам, в том числе библиотеке императора Вильгельма.

Заслуживает внимания факт местоположения выставки: в северной части поля, на котором 17—19 октября 1813 г. произошло кровопролитное трехдневное Лейпцигское сражение русских и австрийских войск с наполеоновскими войсками (все три воевавшие стороны потеряли убитыми и ранеными более сотни тысяч офицеров и солдат),⁹ недалеко от памятника Битве народов, воздвигнутого в честь победы над Наполеоном.

Невольно в этой связи выставка воспринималась как место взаимодействия народов мира на поприще книжного дела. Складывалось впечатление, что ученые и инженеры смогли объединить мир в его самом гуманном изобретении — книге.

⁸ *Корганов В. Д.* Выставка книгопечатания и графического искусства в Лейпциге. Б. м., б. г. Отгиск. С. 3.

⁹ Сражение получило название «Битва народов», или «Битва трех императоров».

И все же общая обстановка вокруг выставки не была благодушной, поскольку на германском населении начинала сказываться военная пропаганда. В этом отношении интересны воспоминания тех лиц, которые успели побывать в Германии и Лейпциге как раз до начала Первой мировой войны. Так, Алексей Алексеевич Брусилов, живший летом 1914 г. в Киссингене, вспоминал, что на него очень неприятное впечатление произвел праздник в городском парке. Там была установлена деревянная декорация в виде Московского Кремля со всеми теремами и храмами, которую затем зачем-то сожгли фейерверком под ликующие крики толпы.¹⁰

Герасим Людвигович Гренц, которого на выставку в Лейпциг командировала Государственная типография, в своих воспоминаниях отмечал явную «шпиономанию» хозяев снятой им в Лейпциге комнаты, которые обыскивали в его отсутствие его вещи, подглядывали и подслушивали у двери.¹¹ Все это на фоне неприязни и высокомерия, которые демонстрировали в петербургских типографиях немецкие рабочие по отношению к своим русским коллегам, говорило о нарастающей опасности.

И действительно, Русскому отделу не довелось в открытом виде дожидаться окончания выставки: 1 августа 1914 г., сразу после начала Первой мировой войны, он был закрыт. Потребовались немедленные энергичные меры Генерального комиссара Русского отдела выставки Алексея Валериановича Бельгарда, чтобы драгоценные экспонаты не были конфискованы по праву войны. Он обратился в Комитет выставки и вступил в переговоры о сохранении экспонатов Русского отдела. Председатель Выставочного комитета д-р Фолькман пошел ему навстречу, оказав особое внимание Историческому отделу, в числе экспонатов которого были предметы Императорской Академии наук и Императорской публичной библиотеки. Выставочным комитетом экспонаты были в упакованном виде сданы на хранение в Лейпцигский музей книжного дела (Buchgewerbe Museum) на попечение его директора д-ра Шрама.¹²

Отгремела Мировая война, отпыхали в России и Германии революции, рухнули две империи, канули в небытие правительства, погибло огромное количество людей, сменились должностные лица, отвечавшие за выставку, а экспонаты Русского отдела все это время мирно хранились в Лейпциге.

Алексей Валерианович Бельгард не принял революцию и стал вместе с сыном одним из видных деятелей монархических кругов эмиграции.¹³ На его место в качестве лица, ответственного за экспонаты выставки, заступил известный книговед и библиограф Андрей Дмитриевич Торопов, главный комиссар Русского отдела. Однако в 1919 г. на его поездку в Лейпциг у Академии наук денег не нашлось, несмотря на поддержку самой идеи Центральным комитетом государственных библиотек.¹⁴

¹⁰ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. С. 48—49.

¹¹ [Гренц Г. Л.] Международная выставка графических искусств... С. 64—66.

¹² Общее собрание... от 15 сентября 1914 г. Протокол № 6. § 162. С. 135—136.

¹³ А. В. Бельгард входил в состав представительства Великого князя Кирилла Владимировича в Берлине. См.: Русская военная эмиграция 20—40-х годов XX века: Документы и материалы. Т. 6: Схватка 1925—1927 гг. / Науч.-исслед. ин-т (военной истории) Военной академии Генерального Штаба ВС РФ; Федерал. служба безопасности РФ; Служба внешней разведки РФ / Сост.: И. И. Басик (рук.). М.: РГГУ, 2013. С. 441—443 и след.

¹⁴ Общее собрание... от 6 сентября 1919 г. Протокол № 8. § 179. С. 139—140.

Лейпцигский музей книжного дела, в котором по просьбе А. В. Бельгарда с августа 1914 по 1925 г. в упакованном виде хранились экспонаты Русского отдела Лейпцигской выставки.

В 1923 г. председатель Комиссии по заграничному снабжению Наркомпроса послереволюционной России З. Г. Гринберг и Главное управление научных учреждений взяли на себя переговоры с немецкой стороной. Причиной стало беспокойство за судьбу своих экспонатов со стороны Румянцевского музея. Однако к тому времени список участников выставки и их адреса были утрачены. Тогда по поручению непререваемого секретаря Академии наук БАН было поручено составить список экспонатов и сведения о предметах, посланных на выставку через Русское отделение Библиотеки.¹⁵

В 1925 г. книги начали возвращаться на родину.¹⁶

Подытоживая, следует подчеркнуть, что Лейпцигская выставка 1914 г. стала примером возможности широкого мирного взаимодействия ученых и деятелей книжной культуры Германии и России, которое позволило наперекор политикам не только сохранить человеческие взаимоотношения в разгар войн и революций, но и осуществлять бережное отношение к достижениям культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Брусилев А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. С. 48—49.

[*Гренц Г. Л.*] Международная выставка графических искусств в Лейпциге в 1914 году: Путевые заметки и впечатления. Пг.: Гос. типография, 1915.

¹⁵ Общее собрание ... от 5 февраля 1923 г. Протокол № 2. § 17. С. 6.

¹⁶ Общее собрание ... от 4 апреля 1925 г. Протокол № 4. § 45. С. 30.

- Корганов В. Д.* Выставка книгопечатания и графического искусства в Лейпциге. Б. м., б. г. Оттиск.
- Международная выставка печатного дела и графики в Лейпциге в 1914 году: проспект выставки. Б. м., б. г.
- Международная выставка печатного дела и графики в Лейпциге в 1914 году: Каталог Русского отдела. СПб.: Тип. «Сириус», 1914.
- Русская военная эмиграция 20—40-х годов XX века: Документы и материалы. Т. 6: Схватка 1925—1927 гг. / Науч.-исслед. ин-т (военной истории) Военной академии Генерального Штаба ВС РФ; Федерал. служба безопасности РФ; Служба внешней разведки РФ / Сост. И. И. Басик (рук.). М.: РГГУ, 2013.

V. P. Leonov, N. M. Bajenova

THE INTERACTION OF GERMAN AND RUSSIAN ACADEMIC SCIENTISTS
AT THE INTERNATIONAL EXHIBITION OF BOOKS AND GRAPHICS, 1914
IN LEIPZIG AS A NEW FORM OF NON-STATE
INTERNATIONAL COOPERATION OF HISTORIANS OF SCIENCE
IN THE FIELD OF BOOK CULTURE

A paper describes a participation of Library of Imperial Academy of science (IAS) in the International book and graffiti exhibition in Leipzig in 1914. covered the 400 anniversary of book printing invention by Gutenberg. Russian department of the exhibition presented historical, modern (artistic) sections, as well as departments of statistics, bibliography, library science and industry. From the beginning of the hostility, Russian exhibits turned out the threat of sequestration and confiscation. German colleagues saved materials and passed them on the deposit in Leipzig museum of book business, where they were kept to the middle of the 1920th, until the homecoming.

Key words: Leipzig book and graffiti exhibition, 1914. St. Petersburg, Imperial Academy of science, Library of Imperial Academy of science, Leipzig museum of book business.

LITERATURA

- Brusilov A. A.* Moi vospominaniya. M.: Voenizdat, 1983. S. 48—49.
- [*Grenc G. L.*] Mejdunarodnaya vystavka graficheskikh iskusstv v Leypcige v 1914 godu: Putevye zametki i vpechatleniya. Pg.: Gos. tipografiya, 1915.
- Korganov V. D.* Vystavka knigopechataniya i graficheskogo iskusstva v Leypcige. B. m., b. g. Ottisk.
- Mejdunarodnaya vystavka pechatnogo dela i grafiki v Leypcige v 1914 godu: prospekt vystavki. B. m., b. g.
- Mejdunarodnaya vystavka pechatnogo dela i grafiki v Leypcige 1914 g.: Katalog russkogo otдела. SPb.: Tip. «Sirius», 1914.
- Russkaya voennaya emigraciya 20—40-h godov XX veka: Dokumenty i materialy. T. 6: Shvatka 1925—1927 gg. / Nauch.-issled. in-t (voennoy istorii) Voennoy akademii General'nogo Shtaba VS RF; Federal. sluzhba bezopasnosti RF; Sluzhba vneshney razvedki RF / Sost. I. I. Basik (ruk.). M.: RGGU, 2013.

V. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Т. И. МАСЛОВСКАЯ, Л. Д. БОНДАРЬ

ПОПЫТКА ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА IN-FORMATIO: ЭССЕНЦИАЛЬНЫЙ И ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена философскому осмыслению не только феномена, но и самого понятия «информация» (*in-formatio*), начиная с античных теорий Сократа и Платона, с привлечением лингвистических этимологических данных и теорий квантовой физики и информации. Статья знакомит, среди прочего, со взглядами польских исследователей, не столь широко освещенных в отечественной литературе.

Ключевые слова: информация, квантовая информация, теория идей Платона.

Несмотря на то что человеку современного общества постоянно приходится иметь дело с информацией, на сегодняшний день не только невозможно говорить о каком-либо серьезном философском осмыслении данного феномена, но даже не существует до сих пор строгого научного определения. Всевозможные справочные издания, в том числе и Интернет, предлагают лишь имеющиеся попытки выразить его через другие известные понятия. Причем с точки зрения различных областей знания понятие «информация» описывается своим специфическим набором признаков. В качестве одной из наиболее серьезных работ по этой проблеме выступает статья Е. П. Тавокина, автор которой после сокрушающей критики довольно немногочисленной отечественной литературы по рассматриваемой проблеме,¹ где, как правило, признается объективность существования информации (причем в большинстве случаев последняя провозглашается обобщенной фундаментальной первоосновой Вселенной, в виде всякого рода информационных полей, пронизывающих Универсум), отмечает, что в действительности информация может быть толь-

© Т. И. Масловская, 2015. Санкт-Петербургский национальный исследовательский институт информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург, Россия.

© Л. Д. Бондарь, 2015. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Санкт-Петербург, Россия.

¹ Ажажа В. Г., Белимов Г. С. К вопросу об информационной первооснове микро- и макромиров Вселенной // Философские науки. 2001. № 1. С. 125—130; Плыкин В. Д. Вначале было слово, или След на воде. Ижевск, 1995; Юзвишин И. И. Информациология. М., 1996.

ко результатом отражения. Если говорить точнее, это всего только часть отраженного разнообразия, именно та его часть, которая выражена в сообщении, т. е. представляющая собой знание, у которого есть непосредственный или потенциальный потребитель. В более жесткой формулировке информация — это реально или потенциально актуальная часть отраженного субъектом социального или природного мира.

При этом особо подчеркивается, что «информации присуща двойственность ее природы. Как отражение явлений, процессов объективного мира она идеальна, но проявляется в материальных объектах: знаках, звуках и т.п. Важнейшее условие ее появления (проявления) — участие в процессе взаимодействия активного (самоорганизующегося) субъекта». Из чего далее делается два существенных вывода: 1) в неживой природе (естественных неорганических системах) никакой информации нет и быть не может по определению. Информация и информационные процессы возникают и происходят только в живых системах или в тех, которые созданы человеком; 2) поскольку информация для своего возникновения требует наличия субъекта отражения, то она всегда субъективна или опосредована особенностями биологической организации (в отношении животных и растений). Это означает, что в любом кванте информации всегда наряду со сведениями об объекте отражения, реальных событиях содержится субъективная составляющая. Ее доля может быть больше или меньше, но ее наличие неизбежно.² В целом позиция автора ясна, единственное, о чем следует поговорить более подробно, это этимология термина *in-formatio*, на которую ссылается автор. Судя по всему, более правильным будет обратиться к истокам его возникновения, т. е. к латинскому слову *informatio*, которое в справочной литературе трактуют как *сведение, изложение, осведомление*. И действительно, в современном латинско-русском словаре это слово дается в следующих значениях: 1) «разъяснение, изложение, истолкование»; 2) «представление, понятие»; 3) «осведомление, просвещение». При этом, однако, указывается, что существительное *informatio* происходит от глагола *informare*, самым первым значением которого является «придавать вид, форму, формировать, создавать» и только затем «образовывать, устраивать, организовывать» и, наконец, «обучать, воспитывать, строить, составлять, мыслить, воображать». Причем логика в данном случае очевидна, и во многом уже здесь объясняется универсальность применения понятия *in-formatio*, которое при правильном переводе самым первым значением имеет «формообразование», «формирование», «созидание» и только затем «образование», «воспитание» и очень тесно связанные с ними «разъяснение», «изложение», «осведомление». Если же мы обратимся к древнегреческому языку, то аналога термина «информация» как такового в нем нет, но есть три понятия, очень близких по смыслу к глаголу *informo*: 1) глагол *σχημαίζω* («придавать вид, форму, т. е. формировать, изображать, представлять»), производным от которого является существительное *σῆμα* — «вид, образ, форма»; 2) глагол *μορφόω* — «образовывать, давать форму», от которого образуется существительное *μορφή* — «вид, форма, наружность»; 3) глагол *εἰδωλοποιέω* — «создавать образ, подобие, изображать». Первая часть этого глагола представляет собой существительное *εἶδος*, которое переводится как «вид, наружность, устройство, идея». Таким образом, мы подошли к знаменитому платоновскому

² Тавокин Е. П. Информация как научная категория. М., 2006.

термину, который также своим первоначальным значением имеет «вид, наружность, образ» и только затем все те значения, которые принято приписывать этому слову. Причем очень важным моментом здесь является то, что в последнем случае это значение напрямую связано со словом «видеть», или, точнее, «делать видимым», «проявлять», «открывать», или, если быть еще более точным, «выводить из нескрываемости», что сразу же отсылает нас к греческому пониманию истины как «нескрываемому» — ἀλήθεια.

Впервые на связь понятия *in-formatio* с проблемой формы и формообразования, а также истины и познания в связи с использованием их в древнегреческой философии указал знаменитый немецкий физик, ученик В. Гейзенберга К. Ф. фон Вейцеккер в своем труде «Единство природы»,³ который до сих пор не переведен на русский язык. В этой книге интересующей нас проблеме посвящены две работы: «Язык как информация» из раздела «Наука, язык, метод», а также статья «Материя, энергия, информация» в разделе «Проблемы кибернетики». В первой из указанных работ К. Вейцеккер отмечал, что «...философский статус понятия „информация“ остается не выясненным, хотя становится все более очевидной его связь с платоновско-аристотелевским понятием формы».⁴ И далее, в параграфе «Информация как форма» он пишет: «Информация не является ни чем-то материальным, ни содержанием сознания. Обе данные интерпретации разбиваются о то, что в принципе позволило ввести само понятие информации, а именно об ее объективности. Таким образом, информация должна быть принята как что-то третье, независимое от материи и сознания. То, что открывается нам в данном случае, есть старая истина на новом месте. Поскольку это есть не что иное, как эйдос (идея) Платона или эйдос-форма Аристотеля, воспринятые таким образом, что даже человек XX века начинает в них что-то понимать». Далее особо подчеркивается, что «*informatio* может быть понято только в рамках понятийной пары материя—форма, а паре материя—сознание оказывается чуждым по существу».⁵ Все сказанное выше требует обратить особое внимание на истоки возникновения данной проблемы и еще раз, пользуясь указаниями К. Вейцеккера, попытаться осмыслить содержание тех античных источников, которые могли бы пролить свет на интересующие нас вопросы. Хотя определенные элементы данной проблематики рассматривались уже философами-досократиками,⁶ по-настоящему серьезно проблема соотношения формы и материи, а точнее «формы и вещи» или «формы и явления» как таковых была поставлена лишь в первых диалогах Платона. Самые ранние диалоги являлись своего рода изложением образа мыслей и дел его учителя Сократа, который пытался решить указанную проблему в ходе своих знаменитых бесед: «Что есть вещь» или, точнее: «Что (есть) это?». Причем конкретизация сократовской мысли здесь не так уж важна, т. е. не важно, о чем именно спрашивает Сократ: о набожности, добродетели, красоте либо о другой какой-то конкретной вещи или явлении

³ Weizsäcker C. F., von. Die Einheit der Natur. München, 1971.

⁴ Ibid. S. 39.

⁵ Ibid. S. 51—52. Более подробно об особенностях понимания феномена информации Вейцеккером см.: Масловская Т. И., Бондарь Л. Д. Философские основы теории информации по К. Ф. фон Вейцеккеру // Изв. С.-Петербургского гос. ун-та низко-температурных и пищевых технологий. Экономика и гум. науки. 2008. № 2. С. 54—59.

⁶ Подробнее см.: Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб., 2007.

нии. Важно, что во всех этих частных случаях основным является вопрос, что все это есть по своей сути, т. е. чем они являются «сами по себе» (καθ' αὐτό).

Вполне очевидно, что речь идет не о простом выявлении частных случаев проявления справедливости, мужества или красоты. Здесь возникает гораздо более важная и сложная проблема, связанная с постановкой вопроса о самой возможности обсуждения всех этих частных случаев, который звучит так: Что является основным источником конкретности и определенности единичных случаев и состояний вещей? Благодаря чему мужество является мужеством, а справедливость справедливостью? Ведь чаще всего, когда встает вопрос о каких-либо качествах или явлениях, принято рассматривать именно конкретные случаи их проявления и в таком рассмотрении находить возможность знаний о самих этих качествах. Естественно, что Сократ считает неприемлемым такое рассмотрение, поскольку является очевидным, что разговор об индивидуальных проявлениях чего-либо становится возможным лишь тогда, когда опирается на знание, благодаря которому мы можем классифицировать данные единичные случаи как относящиеся к определенному классу. «Это есть определенная идея (вид, образ, сущность), благодаря которой все, что есть набожным, таковым является» (*Платон. Евтифрон. б е*).

Именно она, эта идея или сущность, в объективности которой Сократ несколько не сомневается, позволяет квалифицировать определенные поступки как таковые, а не иные, отличая их от тех, которые таковыми не являются. Понятая таким образом, эта сущность должна быть признана причиной определенности и знания о том, что является единичным. Помимо того, «Сократ прекрасно понимает, что выявленная им идея или сущность должна иметь определенно иной онтологический статус, чем-то, сущностью чего она является. Поскольку характеризует ее особое единство (данная сущность объемлет собой множество единичных случаев), так же как и особое тождество (это всегда одна и та же сущность). Это единство и тождество хорошо выражает сократовское определение „само” и „само в себе”. Так, например, красоту саму по себе он называет τὸ καλόν, противопоставляя ее всем прекрасным вещам — τὰ καλά. То же самое мы видим и для понятия мужество». ⁷ Именно такие сущности и пытается найти Сократ, говоря: «Так разъясни же мне относительно этой идеи, что именно она собой представляет, дабы, взирая на нее и пользуясь ею как образцом (παράδειγμα), я назвал бы что-либо одно, совершаемое тобою, либо кем-то другим, и подобное этому образцу, благочестивым, другое же, не подобное ему, таковым бы не назвал» (*Платон. Евтифрон. б е*).

Автономия и объективность данной сущности указывает на автономию и объективность той онтологической плоскости, к которой она может принадлежать. И, судя по всему, открытие этой плоскости следует также приписать именно Сократу. Выявив область «того, что само в себе», перед Сократом встает вопрос о возможности ее познания. Поэтому дальнейшие усилия будут направлены им на поиск пути познания, при помощи которого можно было бы постичь «то, что само в себе». Как известно, первое, что предлагает Сократ, — это необходимость нахождения верного определения вещи или явления. Таким образом, становится очевидным, что проблема идеи или сущности, несмотря на объективность ее существования, для Сократа выступает, в первую очередь, как проблема языковая. Это очень важно отметить, поскольку

⁷ Dąbniński B. Teoria idei. Ewolucja myśli Platónskiej. Katowice, 2004. S. 17.

К. Вейцеккер, характеризуя информацию как явление, также указывает в качестве основных признаков на ее языковой характер и однозначность.⁸ Далее у Сократа как раз и следует критический анализ предложенного определения и, как правило, его отвержение как недостаточно точного. Это стремление к точности определения, а вернее, к его однозначности, и все те сложности, которые возникают в связи с его поиском, указывают на неоднозначность отношений самого языка и выявленных Сократом сущностей. Не случайно К. Вейцеккер, характеризуя особенности взаимосвязи языка и информации, отмечает: «Информация является понятием, которое оказывается в близкой связи с точными науками. Тема „язык как информация” выдвигает проблему тех существенных черт языка, которые позволяют ему стать носителем точных наук».⁹ Далее из этого следует размышление о языке и счете, где в качестве примера берется логическое исчисление, которое представляет собой редукцию языка до той части его информационного содержания, на которой можно проводить однозначные операции. Таким образом, на новом уровне абстракции идет поворот от записи звуков к записи значений. «Можно ли ожидать, что все, что удастся помыслить, можно изложить таким способом? А точнее, можно ли все, что может сказать язык таким образом, превратить в информацию?» — озадачивается вопросом К. Вейцеккер. «Можно ли допустить, что ясно помыслить себя дает только то, что можно однозначно высказать, а ясно высказать — только то, что можно однозначно выразить как информацию, а однозначно выразить как информацию позволяет только то, что можно записать символами какого-либо исчисления. Можем ли мы в итоге всех этих рассуждений объяснить ясность через информацию, а информацию через понятие счета?»¹⁰ — продолжает он далее.

Не случайно поэтому для Сократа следующим шагом становится требование очищения души от мнимых знаний, что, по его мнению, достигается благодаря участию в дискуссиях, и подготовка души к принятию истины. А это, в свою очередь, ведет к необходимости определения статуса самой истины. Истина для Сократа оказывается непосредственно связанной с областью того, что «само в себе», а это свидетельствует о том, что истина, непосредственно связанная с данной онтологической плоскостью, также оказывается объективной и автономной, т. е. не зависящей от самих вещей и явлений, а также от состояния субъекта. Собственно, такое понимание истины и ляжет в основу спора Сократа с софистами, поскольку отрицание объективности истины приводит к автономии слова как носителя самой истины. При этом, как известно, проблема поиска истины исчезает, подменяясь искусством спора, наукой внушения и убеждения, а точнее — диалектика подменяется эристической, и в этом отношении майевтика Сократа как искусство достижения истины является еще одним подтверждением ее объективности. Местом, где истина может явить себя, является душа, в которой, по мнению Сократа, сосредоточены разум, мыслительная и этическая активность. Активность души, собственно, и направлена на обнаружение являющейся в ней истины. Что же значит здесь обнаружение истины? Судя по всему, речь в данном случае идет о попытке применения рационального анализа к тому роду интуиции, который

⁸ Weizsäcker C. F., von. Die Einheit der Natur. München, 1971. S. 52.

⁹ Ibid. S. 40.

¹⁰ Ibid. S. 48—50.

и привел к открытию той особой сферы «самого в себе». Именно в этом смысле обнаружение истины становится функцией мышления. А если вспомнить, как это делает Сократ, что мышление всегда связано с каким-либо языком, то поиск истины в первую очередь должен иметь в виду средства языковые. Среди этих средств наибольшее значение Сократ как раз и приписывает умению давать правильные определения, причем в данном случае речь идет чаще всего об определении того, что является как «само в себе». При этом совершенно очевидным является и то, что Сократ отказывает в автономии языку, подчиняя его открываемой истине того, чем являются сами по себе красота, мужество, справедливость и т. д.

Таким образом, уже у Сократа проблема соотношения языка как такового, а также ясности и точности мышления стоит довольно остро. Как известно, ясность и точность мышления желательны для науки и философии, для искусства же, и в первую очередь поэзии, они желательны менее всего, отсюда и то негативное отношение к искусству, которое было характерно и для Сократа, и для его ученика Платона. К. Вейцеккер же по этому поводу пишет: «Именно абсолютизация одностороннего аспекта, связанного с точностью и стремлением к фактичности, способствует исчезновению в языке всего того, что не является информацией».¹¹ Аристотель в метафизике следующим образом охарактеризовал методiku Сократа: «Сократ верно искал сущности, поскольку искал силлогизмы и основу силлогизмов, поскольку то, чем является вещь (сущность), есть в то же время отправная точка возникновения силлогизмов... В связи с этим Сократу можно приписать как минимум два открытия: индуктивный вывод и общее определение, а то и другое, между тем, относится к началу знания» (*Аристотель*. Метафизика, М IV, 1078b; М IX, 1096; А VI, 987b). Независимо от споров по поводу некоторых высказываний Аристотеля его мнение в отношении основных положений философии Сократа можно вполне принять.

Следует, однако, отметить, что проблемы, возникающие при попытках дать наиболее верное определение, которое, как правило, оказывается либо слишком широким, либо слишком узким, свидетельствуют в первую очередь о том, что это не есть окончательный путь, чтобы проникнуть в суть явления или вещи. Тот акцент, который делает Сократ на поиске верного определения, при помощи которого можно приоткрыть истину того, что «само в себе», решительным образом влияет на само восприятие этой истины. Ставя вопрос: Чем является то, что «само в себе», Сократ концентрирует внимание на сущностном, эссенциальном аспекте проблемы. Предметом определения оказывается здесь сущность вещи или явления, которая позволяет себя выразить в виде общего понятия. «Но постановка вопроса „Что есть это?“ дает возможность акцентировать либо первый, либо второй член вопроса, в зависимости от чего получаем возможность либо эссенциальной, либо экзистенциальной интерпретации. Таким образом, то, что является как „само в себе“, может себя позиционировать как в эссенциальном, так и в экзистенциальном измерении. Что касается учения Сократа, то в первом случае мы имеем дело с общими понятиями как источником определенности, в другом же случае встает вопрос об онтологическом статусе того, что является предметом рассмотрения».¹² Таким

¹¹ Ibid. Ewolucja myśli Platońskiej. Katowice, 2004. S. 45.

¹² Dąbniński B. Teoria idei. S. 21—22.

образом, мы видим, что уже здесь намечаются два аспекта проявления того, что сегодня принято называть информацией, а именно ее сущностный, т. е. содержательный и онтологический аспекты.

В ранних диалогах Платона, где излагается учение Сократа, чаще всего речь идет именно о первом аспекте. Сократ, конечно же, очень близко подходит к онтологической проблематике, но онтологический уровень у него только лишь обозначен. Как уже отмечалось выше, он вполне осознает автономию того, что «само в себе», прекрасно видит проблемы единства, тождества, а также затрагивает проблему участия, когда отмечает, что люди справедливые являются таковыми благодаря справедливости, а добродетельные — благодаря добродетели. Но все-таки его рассуждение касается, по преимуществу, сущностного измерения. Именно здесь Б. Дембински видит возможность разграничения учений Сократа и Платона. Он пишет: «Платон, судя по всему, понимает, что сократовские интуиции, а также его методика достигают определенного рубежа, который не может быть преодолен без обозначения новой перспективы. И решение видит как раз в дополнении эссенциального аспекта аспектом экзистенциальным или онтологическим. Касается это в первую очередь необходимости выяснения онтологического статуса обнаруженных Сократом „сущностей”». ¹³ В связи с этим нужно было выяснить источник их автономии, дальнейшего углубления требовало решение проблем единства и тождества, которые характеризуют область того, что «само в себе», необходимым окажется также дополнительный анализ отношений между самими идеями или сущностями и тем, в основе чего они себя проявляют. Эти и многие другие вопросы будет затрагивать Платон в своих последующих диалогах. Наиболее важным среди них в плане разграничения эссенциального и экзистенциального аспектов является диалог «Кратил», которому следует уделить особое внимание. Диалог этот, судя по всему, занимает пограничное положение между учениями двух философов.

Платон понимал, что при решении поставленных Сократом задач необходимо оттолкнуться от той же проблематики. Это означало, что в первую очередь следует решить проблему взаимоотношений, которые возникают между языком и теми онтологическими уровнями, которых язык может достичь, главным образом области того, что «само в себе». При этом перед философом возникают следующие вопросы: можно ли, и если да, то каким образом с помощью понятий и определений осознать определенные состояния вещей? Является ли все это единственным и достаточным средством, позволяющим достигнуть исследуемых плоскостей? Возможны ли здесь иные способы исследования, отличные от сократовских? Ответы на эти вопросы можно найти в одном из интереснейших отрывков диалога (*Платон. Кратил. 438d—440d*). В этом отрывке очень хорошо видна смена способа мышления, ставящая под знак вопроса предыдущие ориентации, в соответствии с которыми язык представлял собой необходимое и достаточное условие познания вещей. На основе собственного анализа Платон приходит к выводу, что определения, хотя и верно данные, представляют собой лишь образ реальности. Язык является лишь орудием изображения окружающего мира со всеми следующими из этого ограничениями. Даже самое доскональное его уточнение не может привести к его отождествлению с реальностью, а тем более ее заменить. Из рассуждений

¹³ Ibid. S. 22.

Платона следует также, что истина об окружающем нас мире может быть достигнута не только и даже не столько языковыми, но и другими средствами, хотя, конечно же, всегда будет выражаться в каком-либо языке. Платон предлагает принять совершенно новое направление анализа. Отправным пунктом при этом оказывается не познающий субъект, а познаваемый объект, следствием чего становится радикальный поворот в способе мышления: «Ясно, что нужно искать помимо имен то, что без их посредства выявило бы для нас, какие из них истинны, то есть показывают истину вещей» (*Платон*. Кратил. 438d). Платон приходит к выводу, что следует обратиться к «самим вещам» как основному отправному пункту. «А если можно было бы с успехом изучать вещи из имен, но можно было бы из них самих — какое изучение достовернее? По изображению изучать саму вещь — хорошо ли она изображена — и истину, которую являет отображение, или из самой истины изучать и ее самое, и ее отображение, подобающим ли образом оно сделано?» (*Платон*. Кратил. 439b). Означает ли это, что истину об окружающем мире следует искать непосредственно в окружающих вещах и явлениях? Конечно же, нет, поскольку Платон четко различает то, что дано нам в наших ощущениях, и то, что он называет «самими вещами» (*Платон*. Кратил. 440c—d).

Далее философ старается показать разницу между этими двумя областями, которым приписывает различный онтологический статус. Первую из них характеризуют постоянство и неизменность, вторую же — постоянное возникновение и уничтожение. Очень яркая характеристика этого дается несколько ранее, в том месте диалога, где Сократ пытается понять происхождение слова «справедливость». «Те, кто считает, что все находится в пути, полагают также, что большая часть вещей просто движется, а есть еще нечто такое, что проникает все остальное, благодаря чему и возникает все рождающееся. Это нечто есть также самое быстрое и самое тонкое: ведь иначе оно не могло бы проникать сквозь все идущее, не будь оно столь тонким, что его ничто не задерживает, и столь быстрым, что оно распоряжается остальными вещами так, как если бы они стояли на месте. Следовательно, если это проникающее начало (*διαίόν*) правит всем остальным, то оно справедливо называется „правом“ (*δίκαιον*), а каппа здесь прибавлена для благозвучия... Я же, Гермоген, будучи человеком в этом деле дотошным, разведал хорошенько то, что не подлежит огласке: право есть то же, что и причина (*αἰτίον*), ведь то, что правит возникновением вещей, это же одновременно и их причина...» (*Платон*. Кратил. 412d—e; 413b). В данном фрагменте особый интерес представляют как минимум две вещи. Первая — это тайный или сакральный характер определенного типа знаний, на который указывает Сократ, и вторая — это возможность обосновать начало всего сущего не из какой-либо вещественной субстанции, а из определенного рода закономерностей, объективно существующих и пронизывающих весь окружающий мир. Собственно, то же самое нам пытается сказать и К. Вейцекер в том месте своего исследования, где он рассматривает связь формы и понятия. Очень кратко суть его можно сформулировать следующим образом: тому, что называется, как что-то известное, формой, соответствует субъективно, как знанию, понятие. Возникает вопрос, каким образом мы понимаем в наших понятиях, чем является то, что мы обозначаем платоновским определением «вид», «форма», а точнее «идея»? Ответ звучит так: «Существуют определенные закономерности, которые открываются нам в определенных „видах“ или „формах“, которым, в свою очередь, соответствуют определенные терми-

ны».¹⁴ Здесь становится очевидной и понятной связь платоновской философии с математикой, а также связь самого понятия «эйдос» («вид, форма») с понятием меры, границы или предела. Поскольку именно мера своей определенностью ограничивает неограниченное, следствием чего оказывается определенный тип порядка, в соответствии с чем каждая вещь, как и мир в целом, не только существует, но и представляет собой порядок и гармонию.

Важно отметить, что многие современные физики, работающие в области квантовой теории, также считают, что информация физична, т. е. существует объективно, как, например, любая другая физическая величина — масса, энергия, импульс и т. д. Объективность информации как физической величины не зависит от того, что мы думаем об этой информации, измеряем ее или нет. Система всегда содержит определенное количество информации, так же как, например, объект материального мира обладает некоторой массой. Причем, следует подчеркнуть, что в квантовой теории информация — это именно количественная величина, характеризующая систему. Мера информации (ее количественная характеристика) вводится на основе фундаментальных принципов квантовой теории в терминах матрицы плотности. Суть квантовой информации и одновременно ее исключительная особенность в том, что эта физическая величина как нельзя лучше подходит на роль «первичной субстанции всего сущего».¹⁵ Необычность подхода здесь заключается в том, что в качестве первичной субстанции провозглашается количественная величина, мера или число, как это в свое время утверждали многие античные философы, а не частицы материи или какие-либо энергетические или информационные поля. Причем в данном случае под информацией понимается именно «первичная информация», а точнее квантовая информация как физическая величина, характеризующая систему на ее фундаментальном уровне. Неважно, о какой системе идет речь — о микрочастице или Универсуме — квантовая информация и в том и в другом случае вводится одинаково, согласно общему определению для произвольной системы. При этом особо подчеркивается, что информация содержится в самой системе, являясь ее самой фундаментальной количественной характеристикой.¹⁶

Такого рода взгляд на вещи позволил в свое время К. Вейцеккеру конкретизировать понятие информации как «меру множественности форм» в соответствии с принципиально новым по сравнению с классической физикой пониманием объекта в квантовой теории, где любой объект рассматривается как «совокупность возможных состояний в пространстве Гильберта». В соответствии с чем за меру множественности форм какого-либо объекта можно принять количество «простых альтернатив» (взаимоисключающих состояний), которое следует рассмотреть, чтобы описать форму данного объекта. Именно в этом смысле информация, содержащаяся в предмете, в точности измеряет множество его форм. Точнее говоря, информация, содержащаяся в объекте, — это информация, которая служит самому появлению объекта как идентифицированного в поле видения наблюдателя. Таким образом, еще раз подчеркивает К. Вейцеккер, информация фактически является мерой формы, которая, в свою очередь, определяет «вид» или «образ» самого объекта.

¹⁴ *Weizsäcker C. F., von. Die Einheit der Natur. München, 1971. S. 349—350.*

¹⁵ *Доронин С. И. Квантовая магия. СПб., 2007. С. 168—169.*

¹⁶ Там же. С. 171—173.

Как известно, в древнегреческом языке понятию видения соответствует конкретная форма глагола, так называемый *infinitivus aoristi* — ἰδεῖν. От него-то и было образовано имя существительное ἰδέα, εἶδος, что значит «вид», «форма», «образ». В этом смысле сущность любой вещи или явления, а точнее «вещь сама по себе», может быть понята как ἰδέα или εἶδος, т. е. то, что позволяет видеть, выявляет, чем что-либо является, и то, что оно реально существует. Понятие видения может играть здесь роль «понятия-ключа» в понимании того, чем является то, что есть «само в себе». ¹⁷ «Красота сама по себе», «мужество само по себе» не только позволяют видеть, чем являются красота и мужество, проявленные в индивидуальных вещах и явлениях, но они же и сообщают об этом, т. е. передают определенную информацию, а следовательно, информируют нас. Поэтому познание сущности явлений, т. е. того, благодаря чему они есть то, что есть, требует проникновения к этой самой сущности, т. е. тому, что их конституирует. И в этом смысле «вещь в себе», т. е. то, что позволяет видеть, чем что-либо является, и может быть понята как идея, а понятие «информация», как на это и указывал К. Вейцеккер, должно быть понята как «форма», «вид» или «структура», причем понятие формы в данном случае принадлежит к высшей формальной степени абстракции, которая может быть воспринята и осознана человеком. ¹⁸

Дальнейшее углубление проблематики, где делается акцент именно на онтологическом аспекте исследуемого вопроса, можно найти в более поздних диалогах Платона. Рассмотрим подробнее, как это решается в одном из них, а именно в «Федоне», где Платон утверждает, что при апелляции к чувственному познанию возможны лишь мнения и предположения (δόξα); истинное же познание должно преимущественно опираться на разум (ἐπιστήμη), поскольку только в разуме то, что «само в себе», может себя явить (Платон. Федон. 65e—66a). Чтобы показать, каким образом это происходит, Платон использует яркий пример (Платон. Федон. 74a—75a), где подробно обсуждается проблема обнаружения «равенства как такового» и его проявления в конкретных вещах. При этом оказывается, что Платон обозначает равенство само по себе как определенную меру, которая и создает возможность определения равенства на феноменальном уровне, т. е. в каждом конкретном случае. А поскольку конкретные вещи и явления существуют реально, то и мера, которая их конституирует, также должна пониматься как вполне реальная. Если существуют красивые вещи, то должна существовать и мера их определенности как красивых вещей. Иначе они не были бы красивыми. Равенство «само по себе» и красота «сама по себе» в качестве определенных мер не допускают какого-либо недостатка или избытка, поскольку невозможно, чтобы само по себе равенство содержало в себе какую-либо неровность. А это значит, что равенство «само по себе», как и красоту «саму по себе», характеризуют особые тождество и единство, в отличие от вещей и явлений, которым присущи множественность и различие. Особые тождество и единство, характеризующие то, что «само в себе», указывают на принципиально иной способ существования по

¹⁷ Существующие точки зрения, связанные с пониманием данного понятия, см.: Martin G. Platons Ideelehre. Berlin; New York, 1973. S. 37—69; 127—133; 187—220; Peters F. E. Greek Philosophical Terms. A Historical Lexicon. New York; London, 1967. P. 46—51; Stróżewski W. Wykłady o Platonie. Kraków, 1992. S. 30—32.

¹⁸ Weizsäcker C. F., von. Die Einheit der Natur. München, 1971. S. 52.

сравнению с вещами и явлениями. «Явления и „вещи в себе” отличаются онтологическим статусом, хотя равным образом как одни, так и другие сохраняют реальность в том смысле, что, являясь взаимосвязанными, создают естественные структуры окружающего мира. Поэтому можно с определенным приближением сказать, что „вещь в себе” как идея вполне реальна, если в качестве меры конституирует определенные вещи и явления и одновременно идеальна, если ее бытие определяют единство и тождество».¹⁹

Более детальное развитие теории идеи-меры осуществляется Платоном в терминах единого и многого, границы и безграничного в диалоге «Филеб». На примере рассмотрения сущности таких феноменов, как язык и музыка, он показывает, что если мы желаем достигнуть истоков определенности какого-либо явления, мы должны стремиться уловить и понять те закономерности, которые определяют, что данное явление есть явление именно такой, а не иной структуры. Неопределенность становится определенной в результате включения ее в рамки определенных закономерностей. Эти закономерности и характеризуют их онтологическую основу (Платон. Филеб. 17a—e). Такое проникновение к фундаментальным закономерностям, ограничивающим вид, а точнее придающим форму, соответствует познанию данного явления. Помимо того, Платон, как известно, утверждает, что если бы в процессе познания пришлось иметь дело только с тем, что характеризует возникновение и изменение, то любое познание было бы исключено, поскольку нельзя познать то, что находится в процессе постоянного изменения. В процессе познания, как и в познаваемой действительности, должно быть что-то постоянное, что могло бы обуславливать сам процесс. Это постоянство Платон находит в области того, что «само в себе», области пребывания идеи-меры. Конечно, можно было бы поискать эту область в сознании самого субъекта, создающего в процессе абстракции устойчивые определения и понятия. Однако и ему присущи изменения, что следует из самой субъективности этого процесса и зависимости от языка и мышления. Поэтому источник и основу познания, по мнению Платона, следует искать в особой реальности, которую характеризуют не только постоянство и неизменность, но и независимость от субъективного сознания (Платон. Кратил. 440d).

Конечно же, такое определение идеи-мер, или «вещей в себе», является лишь первым приближением к их пониманию и возможному объяснению. Однако уже здесь можно обнаружить вполне характерные черты, которые им присущи. Так, идея должна была обосновывать явления равным образом как в эпистемологическом, так и в онтологическом аспектах, поскольку именно в ней познаваемость и бытие явлений имели бы свою основу. К. Вейцеккер также отмечает, что понятия «вероятность» и «информация» следует понимать одновременно и как объективные, и как относящиеся к субъекту. Смыслом их как понятий оказывается квантование «знания», поскольку оно всегда является чьим-то знанием о чем-то. В частности, информация измеряет прирост знания, полученный в результате происшествия (события). Само собой разумеется, что прирост этот зависит от предшествующего знания. То, что информация измеряет знание, не стоит в противоречии с тезисом, что она также измеряет и множественность форм, поскольку форма (эйдос) есть, в соответствии с философией древних, именно то, что разумно и познаваемо. Так, в диалоге «Пир»

¹⁹ Dembiński B. Teoria idei. Ewolucja myśli Platonskiej. Katowice, 2004. S. 38.

Платон отталкивается от положения, что красивые вещи познаются в первую очередь при помощи чувств, поскольку в реальном мире красота проявляет себя в индивидуальных объектах или явлениях. Когда же мы осмысливаем данные чувства, то понимаем, что этих вещей и явлений огромное множество и в каждом из них в определенной степени можно обнаружить красоту. Таким образом, мы обнаруживаем ее умножение, результатом чего является возникновение определенной универсалии, или общего понятия красоты, которое охватывает все множество проявлений красоты различных вещей и явлений. Как верно отметил В. Стружевски, это тот уровень, до которого дошел Сократ и на котором он остался.²⁰ Платон идет дальше. Понимание красоты как определенной универсалии позволяет понять, что красота как таковая охватывает гораздо более широкий диапазон, не будучи связанной только с определенным индивидуальным случаем. Множество красивых тел, вещей и явлений не являются абстракцией, поэтому очевидно, что понятие красоты не может обозначать красоту, которая была бы чем-то абстрактным, хотя оно само несомненно является творением интеллекта. Но речь здесь идет, конечно же, не о понятии.

Дело касается объективной, т. е. не зависимой от субъективного восприятия красоты как таковой, проявляющейся во множестве вещей и явлений, причем только способ ее понимания отсылает нас к определению. Судя по всему, речь здесь идет об очень важной проблеме, а именно, каким образом одна и та же красота, а точнее красота как таковая, может проявлять себя во множестве вещей и явлений, оставаясь при этом сама собой. Ответ на этот вопрос следует искать, начиная с анализа самого низшего уровня индивидуальных тел и явлений, поднимаясь от красоты индивидуальных тел к красоте души, красоте мысли, прав и наук, дойдя, наконец, до «целого моря красоты». Если признать все эти явления за различные способы проявления прекрасного, то следует принять как необходимость существование некоей основы всех этих проявлений, являющейся причиной их бытия и познаваемости. Этой основой по Платону является красота сама по себе, первая и вечная сущность, единая и имеющая признаки Божественной красоты, в которой все, что является красивым, как-то участвует, существует как вещь или явление. Поэтому можно сказать, что именно эта первая сущность позволяет видеть (*ἰδεῖν*), чем что-либо является и что оно «есть». Так понятая первая сущность вполне справедливо может быть названа идеей, а точнее идеей-мерой, выражающей совокупность закономерностей, определяющих вид, форму неопределенного. Мера ограничивает неограниченное, определяет то, следствием чего всегда является определенный тип порядка. Это, в свою очередь, значит, что определенный тип порядка обозначает всегда определенная мера или совокупность мер. А так как Вселенная, с точки зрения древних греков, представляет собой порядок, или Космос, то становится очевидным, что для ее познания необходимо обратиться к исследованию мер, которые этот порядок определяют.

Конечным результатом взаимодействия меры и неограниченного всегда оказывается какая-либо структура, определяющая сущность той или иной вещи или явления. Потому-то идею можно определить более точно как меру, отвечающую за порядок (структуру) явления, т. е. идея как закономерность получает свою определенность в понятии меры. Платон далее утверждает, что структура каждого явления возникает как результат связи границы и неогра-

²⁰ *Stróżewski W.* Wykłady o Platonie. Kraków, 1992. S. 43.

ниченного. По его мнению, существует четыре фактора или рода, играющих роль в возникновении чего-либо: «Первый я называю беспредельным, второй — пределом, третий — сущностью, смешанной и возникающей из этих двух. Если я назову четвертым родом причину смешения и возникновения, я не ошибусь» (*Платон*. Филеб. 27с). Несколько далее Платон приходит к выводу, что функция границы проявляется в виде меры, которая уделяется всему, что возникает как бытие. Это утверждение оказывается связанным с убеждением, что определенные закономерности, меры, как идеальные и совершенные, существуют объективно. Именно они лежат в основе как космического порядка, так и социального, т. е. управляют человеческим поведением. Поэтому все вокруг, в том числе и человеческие поступки, если они совершенны, должны быть подчинены этим мерам. Нужно сказать, что Платон здесь следует досократовской традиции, поскольку наиболее полное выражение таких убеждений можно найти уже у пифагорейцев, у которых доминирующими понятиями были, как известно, понятия пропорции, симметрии и гармонии. Кроме того, как известно, древние греки были уверены, что придерживаться определенной меры является основой правильной жизни, нарушение же установленных мер приводит к моральному хаосу и разрушению социального космоса.

ЛИТЕРАТУРА

- Ажажа В. Г., Белимов Г. С.* К вопросу об информационной первооснове микро- и макромиров Вселенной // *Философские науки*. 2001. № 1. С. 125—130.
- Ахутин А. В.* Античные начала философии. СПб., 2007.
- Доронин С. И.* Квантовая магия. СПб., 2007.
- Масловская Т. И., Бондарь Л. Д.* Философские основы теории информации по К. Ф. фон Вейцзеккеру // *Изв. С.-Петербургского гос. ун-та низкотемпературных и пищевых технологий. Экономика и гуманитар. науки*. 2008. № 2. С. 54—59.
- Плыкин В. Д.* Вначале было слово, или След на воде. Ижевск, 1995.
- Тавокин Е. П.* Информация как научная категория. М., 2006.
- Юзвишин И. И.* Информациология. М., 1996.
- Dembiński B.* Teoria idei. Ewolucja myśli Platónskiej. Katowice, 2004.
- Martin G.* Platons Ideelehre. Berlin; New York, 1973.
- Peters F. E.* Greek Philosophical Terms. A Historical Lexicon. New York; London, 1967.
- Stróżewski W.* Wykłady o Platonie. Kraków, 1992.
- Weizsäcker C. F., von.* Die Einheit der Natur. München, 1971.

T. I. Maslovskaya, L. D. Bondar

THE ATTEMPT OF THE PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF THE PHENOMENON IN-FORMATIO: ESSENTIAL AND EXISTENTIAL ASPECTS

The article dedicates to philosophical comprehension of the phenomenon and the idea «information» (in-formatio), starting with the ancient theories of Socrates and Plato, with the recruiting of linguistic etymological data and theories of quantum physics and information.

The article introduce among other things to the views of polish researches, not so well-known in the Russian science literature.

Key words: information, quantum information, Plato's idea theory.

LITERATURA

Azhazha V. G., Belimov G. S. K voprosu ob informacionnoy pervoosnove mikro- i makromirov Vselennoy // *Filosofskie nauki*. 2001. N 1. S. 125—130.

Ahutin A. V. Antichnye nachala filosofii. SPb., 2007.

Doronin S. I. Kvantovaya magiya. SPb., 2007.

Maslovskaya T. I., Bondar' L. D. Filosofskie osnovy teorii informacii po K. F. fon Veyczekeru // *Izvestiya S.-Peterburgskogo gos. un-ta nizekotemperaturnyh i pischevyh tehnologiy. Ekonomika i guman. nauki*. 2008. N 2. S. 54—59.

Plykin V. D. Vnachale bylo slovo, ili Sled na vode. Izhevsk, 1995.

Tavokin E. P. Informaciya kak nauchnaya kategoriya. M., 2006.

Yuzvishin I. I. Informaciologiya. M., 1996.

Dąmbski B. Teoria idei. Ewolucja myśli Platonskiej. Katowice, 2004.

Martin G. Platons Ideelehre. Berlin; New York, 1973.

Peters F. E. Greek Philosophical Terms. A Historical Lexicon. New York; London, 1967.

Stróżewski W. Wykłady o Platonie. Kraków, 1992.

Weizsäcker C. F., von. Die Einheit der Natur. München, 1971.

С. В. ИВАНОВА

ДОГМАТ О СОШЕСТВИИ ВО АД В ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ХРИСТИАНСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В истории христианства догмат о Сошествии Христа во ад получил разное толкование в трех основных конфессиях — православии, католичестве и протестантизме. Это различие нашло отражение не только в богословских текстах, но и в истории искусства.

Ключевые слова: Символ веры, Апостольский символ веры, Карл Великий, Лютер, Сошествие во ад, икона Воскресения.

Одной из основных проблем современного искусствоведения представляется объединение двух образов — Сошествия во ад и Воскресения. В целом необходимо констатировать недостаточность чисто искусствоведческого подхода для решения этой проблемы, необходимо применять гораздо более универсальную методику комплексного исторического исследования.

Каждый из этих образов появился в совершенно разных культурах и в особенных исторических условиях как отклик на определенные догматы Церкви, согласно которым Сошествие во ад и Воскресение — два разных события христианской истории, разделенные между собой и хронологически, и по смыслу.

Учение о Сошествии является общехристианским, основываясь на Библии: «Как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12: 40); «не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления» (Пс. 15: 10, Деян. 2: 32); «Христос <...>, быв умерщвлен по плоти, ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сошед, проповедал» (1 Петр. 3: 18—19); «...нисходил в преисподние места земли» (Еф. 4: 9).

После I Вселенского собора (325 г.) Сошествие во ад вспоминается Церковью в Великую субботу на особой страстной службе. В следующий после Великой субботы день празднуется Пасха: Воскресение Христа. Догмат о Сошествии во ад не был принят на вселенских соборах, но он признается догматом Церкви, имея подтверждения в Писании; на Втором вселенском соборе была провозглашена анафема тем, кто отрицает это событие.

© С. В. Иванова, 2015. Российский институт истории искусств РАН, Санкт-Петербург, Россия.

В православном понимании¹ Сошествие во ад связано не только с проповедью Христа в аду, но с Его абсолютным умалением — Христос, став совершенным человеком, исполнил все, связанное с жизнью человека, «вплоть до смерти». Он после смерти прошел путь всех людей, ставший уделом человечества после грехопадения. Согласно Библии, до пришествия Христа и Его Воскресения души всех усопших пребывали в аду — поэтому душою, как и все люди после смерти, Христос сошел в ад — и это было моментом Его наибольшего *кенозиса*, умаления: «Умирая, Я следую за тобой» (свт. Василий Великий. Беседа 6: 1). Ад, приняв душу Христа — единственного безгрешного Человека, не смог ее вместить и был разорен: «Пленил ад Сошедший во ад» (Иоанн Златоуст, «Слово Огласительное»). «...Поглощена смерть победою. „Смерть, где твое жало? Ад! Где твоя победа?“ <...> Благодарение Богу, даровавшего нам победу Господом Иисусом Христом!» (1 Кор. 15: 54—57, см. также Исаия 25: 8, Осия 13: 14).

С кенозисом Христа в экзегезе православной церкви связано учение о спасении человечества. Святые отцы относят сюда притчу об овце, упавшей в колодезь, которую достают в субботу. «Мы не знаем, все ли последовали за Христом, когда Он выходил из ада, так же как не знаем, все ли последуют за Ним в эсхатологическое Царство Небесное, когда Он станет „все во всем“. Но мы знаем, что с момента сошествия Христа во ад путь к воскресению из мертвых открыт для „всякой плоти“, спасение даровано всякому человеку, и врата рая открыты для всех желающих. Такова тайна Великой субботы...».² Здесь подразумевается возможное спасение для всех людей.

Православная Церковь опирается на учение, включающее решения семи Вселенских соборов. Западные церкви развивают его и дополняют новыми догматами, поэтому понимание сошествия в католичестве и протестантизме отличается от принятого в православии.

В Римской церкви на поместном соборе в Толедо (625 г.) было принято учение о частичной победе Христа над адом (изведение только праведников). На IV Латеранском соборе (1215 г.) был определен догмат Сошествия Христа в ад, с уточнением «только душою», однако этот догмат имеет иное значение, нежели в православии. Это связано с учением об Искуплении — согласно «сатисфакционной теории», принятой в католическом богословии, главным и достаточным событием в искуплении человечества от первородного греха является крестная смерть Христа. Поэтому Сошествие не имеет всеобъемлющего освободительного смысла: «...в своем сотериологическом значении <...> [оно] оказывается так же, как и Воскресение, на втором плане. *Descensus* — лишь одна из многих стадий жизни и деяний Христа».³

Кроме того, определяющими для понимания значения Сошествия оказываются различные представления об аде в православии и католичестве. Пред-

¹ Учению о Сошествии во ад в православной традиции посвящен фундаментальный труд митр. Илариона (Алфеева): Христос — Победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции.

² Иларион, митр. (Алфеев). Христос — Победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции. СПб., 2009. С. 224.

³ Loerke M.-M.-O. Hollenfahrt Christi und Anastasis. Ein Bildmotiv im Abendland und im christlichen Osten: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen. Regensburg, 2003. S. 16.

ложенное уже Августином, а затем принятое схоластикami разделение преисподней на четыре отделения — ад патриархов (*limbus patrum*), ад некрещеных младенцев (*limbus puerorum*), чистилище (*purgatorium*) и ад осужденных (*infernum damnatorum*) — ограничило действие Христа одной областью, а именно *limbus patrum* и так называемым чистилищем. Чистилище сравнительно с другими преисподними местами считается тем местом, в котором ожидали избавления ветхозаветные праведники и, по воззрениям некоторых богословов, также праведные язычники. Хотя с точки зрения содеянных грехов они были невинны, они должны были вступить сюда из-за первородного греха, свойственного всему человечеству после падения. «Хотя там у них не было наказания, но до освобождения Христом не было и созерцания Бога. Некоторые католические теологи, среди которых, например, Фома Аквинский, придерживаются мнения, что присутствие Христа в *Limbus patrum* хотя и воссияло для других отделений ада, но не оказало освободительного действия» (курсив наш. — С. И.).⁴ Фома Аквинский допускает две возможности того, в какой именно ад сошел Христос: либо в те части ада, где пребывали и грешники, либо же только в то место ада, где содержались праведники. Но в любом случае он отрицает освобождение из ада кого-либо, кроме содержащихся в *limbus partum*: ни младенцев, ни томившихся в «аду осужденных», ни тех, кто находился в чистилище. Страдание тех, кто находился в чистилище, «было вызвано их личными дефектами (*defectus personali*), тогда как „лишение славы Божией” было общим дефектом (*defectus generalis*) всего человеческого естества после грехопадения; сошествие Христа во ад вернуло славу Божию тем, кто был ее лишен в силу общего дефекта естества, но никого не освободило от мук чистилища, вызванных личными дефектами людей».⁵ Все это локализует значение Сосшествия одной или двумя областями ада, где содержались праведники, и оставляет без изменения сами глубины ада и его мощь.

В современной католической церкви идет дальнейшая работа по осмыслению или переосмыслению этого догмата. Она проявляется и в новом переводе литургии — *Ordo Missae* — на современный немецкий, где «Сосшествие во ад» (*Abgestiegen zu der Holle*) переведено как «Нисхождение в царство смерти» (*Hinabgestiegen in das Reich des Todes*) (курсив наш. — С. И.).⁶ В научных трудах также наблюдается тенденция использовать более «нейтральное», чем «ад», понятие: «Чтобы избежать оценочного элемента в описании памятников, тема будет называться нейтрально: „Сосшествие Иисуса в подземный мир” (*Abstieg Jesu in die Unterwelt*)».⁷

Иное учение, чем в католицизме, развивается в протестантизме. Мартин Лютер отрицал ад как некое географически определенное место; ад в его интерпретации — ощущение тьмы, слабости и смущение в смерти, сомнение в предопределении и такое искушение, как отчаяние. По мнению Лютера, Христос преодолел все это в Своих Страстях, в Гефсиманском саду и на кресте. «То, что должно быть некое место, где находятся проклятые души, я считаю за

⁴ Ibid.

⁵ *Иларион, митр. (Алфеев)*. Христос — Победитель ада... С. 97.

⁶ *Loerke M.-M.-O.* *Hollenfahrt Christi und Anastasis*. S. 17. Современный католический теолог, монах иезуитского ордена Ханс Урс фон Бальтазар (*Hans Urs von Balthasar*), развивает далее учение о *Descensus*.

⁷ Ibid. S. 3.

ничто».⁸ Католическое выделение «limbus partum» как места, где ветхозаветные праведники ожидали Христа, также упразднилось Лютером: так как праведники верили в Христа, следовательно, им не требовалось освобождения.⁹

Итак, в целом можно говорить о том, что Сошествию в средневековом богословии Западной церкви отводится не столь всеобъемлющая роль в плане спасения человечества, как в православии: Христос лишь совершил акт правосудия: вывел тех, кто этого заслуживал, и полного уничтожения ада и смерти еще не произошло. Однако в искусстве именно Западной церкви в середине XI в. появились изображения, надписанные «Descensus ad inferos» — «Сошествие во ад» — при отсутствии таковых в Восточной церкви.

Можно предположить следствие различного понимания образа в этих традициях. В Восточной церкви доминирует отношение к иконе как к поклоняемому и чудотворному образу. Отношение к изображению прежде всего как к иллюстрации догматов в западном христианстве могло способствовать возникновению образа «Сошествие во ад» исключительно в Западной церкви. Однако существует другой важный фактор, который стал причиной распространения образа «Сошествие во ад» («Descensus ad inferos») в Европе при его отсутствии в православной культуре.

Как уже отмечалось, Сошествие Христа во ад — не просто предание, а один из догматов, так как имеет прямые подтверждения в Писании; это событие всегда признавалось Церковью, а также всеми основными христианскими конфессиями. Но он не включен в Символ веры, принятый на Первом (325 г., Никея) и Втором (381 г., Константинополь) вселенских соборах (Никео-Константинопольский, или Никео-Цареградский Символ веры). Догмат о Сошествии не включен также в современные Символы веры западных Церквей — католической и протестантской.¹⁰

Однако он отражен в Апостольском Символе веры. В нем есть слова: «...crucifixus, mortuus, et sepultus, descendit ad inferos, tertia die resurrexit a mortuis» («...был распят, умер и погребён, сошёл в ад, в третий день воскрес из мертвых») (курсив наш. — С. И.). Католическая церковь никогда не отвергала этот Символ, имея практику признавать все когда-либо принятые или утвержденные на Соборах исповедания веры в качестве «исторических». Карл Великий ввел его в употребление по всей своей империи. После Великой Схизмы 1054 г. он стал особенно важен для западного христианства — и оказался в активном литургическом использовании.

Вполне закономерно то, что образ «Сошествие во ад» возник в западном христианстве. В православной церкви используется исключительно один Символ веры — Никео-Константинопольский, и в этом Символе нет упоминания Сошествия. В Западной церкви после разделения церквей получает особое

⁸ M. Luther. Der Prophet Jona ausgelegt. 1516. Цит. по: Loerke M.-M.-O. Hollefahrt Christi und Anastasis. S. 20, Anmerkung 80.

⁹ Литература об этом указана: Loerke M.-M.-O. Hollefahrt Christi und Anastasis. S. 19, Anmerkung 70. Учение Лютера имело различное развитие у его последователей. Кальвин в целом принял представление Лютера об аде и сошествии; Цвингли сопоставил сходение во ад положению во гроб; в его учении говорится не о Сошествии, а о действии Христа, которое распространилось и на преисподнюю. И лишь Филипп Меланхтон рассматривал Сошествие во ад как победный триумф.

¹⁰ Из всех современных христианских церквей эти слова остались только в Символе веры англиканской церкви.

значение Апостольский Символ веры, включающий догмат о Сошествии во ад. Это совпадает по времени с распространением в искусстве стран Западной Европы образов *Descensus ad inferos* — Сошествия во ад.

Впервые этот образ появляется как иллюстрация к Апостольскому Символу веры в манускрипте, созданном в мастерской на Реймсе в 820—830-х гг., — Утрехтской псалтири, шедевре Каролингского Возрождения. Хотя в этой миниатюре ад еще представлен поверженными воротами и пламенем, в копии рукописи — псалтири св. Эдвина, сделанной в Англии, — эта деталь изменяется копиистом: для обозначения ада используется чудовищная пасть, ставшая к XII в. отличительной чертой этого образа.

Как уже отмечалось, в искусствоведении образ Сошествия не разделяется по смыслу с православной иконой Воскресения. В исследованиях, посвященных иконе «Воскресение» (называемой в них иконой «Сошествие во ад» или «Воскресение — Сошествие во ад»), образ *Descensus* (Сошествие) считается ее «западным вариантом», и при этом предполагается общность сюжета и единый генезис. «Композиция сошествия Христа во ад была распространена в средние века и в искусстве западном. В памятниках древнейших она сходна с византийской; в XII—XIII вв. византийская схема подвергается ломке»;¹¹ «В памятниках русских не ранее XVI—XVII вв. появляется изображение ада в виде челюсти чудовищного змея или зверя, иногда изрыгающей пламя и наполненной демонами и людьми; Христос изводит отсюда праведников. Форма эта имеет западное происхождение.¹² Описание миниатюры «*Descensus ad inferos*»: «Очевидно, византийская схема здесь уже переработана сполна». Но при этом Н. В. Покровский не выделяет западного изображения сошествия как единый тип: «Вообще, разнообразие форм сюжета, особенно форм ада (...) очень значительно».¹³

Это характерно и для западных исследований. Гертруд Шиллер, принимая название «Сошествие во ад» для иконы Анастасис, рассматривает пластину врат Св. Софии Новгородской наряду с ситулой Оттона и колонной кивория Св. Марка¹⁴ как местные вариации одного и того же сюжета. А. Картсонис также не делает сюжетного различия между «западными и восточными вариантами»: упоминая миниатюру псалтири Коттона (иллюстрация догмата Апостольского кредо), исследовательница описывает ее как «Воскресение из уст ада»¹⁵ (в то время как эта иллюстрация показывает именно сходение в преисподнюю). Основным различием между этими «вариантами» Картсонис видит в отношении к аду, более страшному в западных изображениях, но не в самом сюжете образов.

Также и в исследовании, связанном с западными изображениями Сошествия («*Descensus ad inferos*»), не предполагается какое-либо смысловое различие с православной иконой Воскресения: Александра Косташ-Бабсинши,

¹¹ Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М., 2001. С. 515.

¹² Там же. С. 509.

¹³ Там же. С. 516.

¹⁴ Schiller G. *Ikongraphie der christlichen Kunst*. Bd 3. Die Auferstehung und Erhöhung Christi. Regensburg, 2003. S. 365.

¹⁵ Kartsonis A. D. *Anastasis: The Making of an Image*. Princeton: New Jersey, 1986. P. 85.

исследуя средневековые пьесы, связанные с событиями Страстной недели, в привлеченном изобразительном ряду не делает содержательного и сюжетного различия, называя их «западными» и «восточными» (или византийскими) «вариантами». Исследовательница отмечает: «*В отличие от восточной изобразительной традиции, на Западе изображения „Descensus ad inferos“ сосуществуют с изображением Воскресения*».¹⁶ Это утверждение означает, что в восточном христианстве подразумевается только икона Сошествия во ад и нет иконы Воскресения, что является прямым и честным выводом из понимания образа Анастасис как Сошествия.

М.-О. Лорке, указывая, что образ Анастасис (называемый «Сошествие во ад») является пасхальной иконой в православии, считает это не особенностью изображения, а особенностью восприятия в православной церкви и рассматривает его как типологический вариант образов *Descensus ad inferos*. Несмотря на то что каждый композиционный вариант выделен им в классификации в отдельную рубрику, единый сюжет этих двух образов не подвергается сомнению. По мнению исследователя, кроме «специфического отношения к смерти» в православии могла быть и просто ошибка: так как образ Анастасис изображается в рукописях рядом с пасхальным чтением, они могли быть просто ассоциированы друг с другом.

Такое объединение изображений в одну группу сюжетов имеет и обратную направленность. В описании гравюры, созданной под влиянием образов «*Descensus ad inferos*» (1820—1830, ГРМ), где люди появляются из зубастой пасти (глаз чудовища виден в левом нижнем углу), автор называет ее иконой Воскресения, а событие — «происходящим на земле. Причем на поздних изображениях земля написана поросшей травами и цветами. Приводимая выше цветная гравюра из собрания Русского музея повторяет именно такие иконы».¹⁷ В данном случае при желании видеть определенный сюжет были не только не замечены глаз и пасть чудовища, но его зубы приняты за траву.

Действительно, два образа — Сошествия и Воскресения — разительно отличаются друг от друга. Но несмотря на все явные типологические отличия в их композиции и образности,¹⁸ кардинально важным в их различении является именно расхождение догматов, к которым они относятся.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванова С. В. Иконография Пасхи: Сошествие во ад или Воскресение? Таблица 1 // История и культура. Вып. 8. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 36—61.
- Иларион, митр. (Алфеев). Христос — Победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции. СПб., 2009.
- Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М., 2001.

¹⁶ *Costache-Babcsinchi A. Le Harrowing of Hell dans les Cycles de York, Townely et Chester.*

¹⁷ *Прупацкин И. А. О Воскресении Христовом в православной иконографии.* С. 54. сн. 1.

¹⁸ Они указаны: *Иванова С. В. Иконография Пасхи. Таблица 1 // История и культура.* Вып. 8. С. 51—52.

Припачкин И. А. О Воскресении Христовом в православной иконографии. М.: Паломник, 2008.

Costache-Babcsinschi A. Le Harrowing of Hell dans les Cycles de York, Townely et Chester. 2006. [Электронный ресурс]. Дата обращения: декабрь 2008. Режим доступа: www.patzinakia.ro/libri/Harrowing.html

Kartsonis A. D. Anastasis: The Making of an Image. Princeton: New Jersey, 1986.

Loerke M.-M.-O. Hollenfahrt Christi und Anastasis. Ein Bildmotiv im Abendland und im christlichen Osten: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwurde der Philosophischen. Regensburg, 2003.

Schiller G. Ikonographie der christlichen Kunst. Bd 3: Die Auferstehung und Erhöhung Christi. Guetersloh, 1986.

S. V. Ivanova

THE DOGMA OF THE DESCENT INTO HELL IN THE EASTERN AND WESTERN CHRISTIAN TRADITIONS

In the history of Christianity the doctrine of Christ's descent into hell has been given a different interpretation in the three major faiths — Orthodoxy, Catholicism and Protestantism. This difference is reflected not only in the theological texts, but also in the history of art.

Key words: Creed, the Apostles' Creed, Charlemagne, Luther, Descent into Hell, icon of the Resurrection, Anastasis.

LITERATURA

Ivanova S. V. Ikonografiya Pashi: Soshestvie vo ad ili Voskresenie? Tablica 1 // Istoriya i kultura. Vyp. 8. SPb.: SPbGU, 2010. S. 36—61.

Iarion, mitr. (Alfëev). Hristos — Pobeditel' ada. Tema soshestviya vo ad v vostochno-hristianskoy tradicii. SPb., 2009.

Pokrovskiy N. V. Evangelie v pamyatnikah ikonografii preimuschestvenno vizantiyskih i russkih. M., 2001.

Припачкин И. А. О Воскресении Христовом в православной иконографии. М.: Паломник, 2008.

Costache-Babcsinschi A. Le Harrowing of Hell dans les Cycles de York, Townely et Chester. 2006. [Elektronniy resurs]. Data obrascheniya: dekabr' 2008. Rejim dostupa: www.patzinakia.ro/libri/Harrowing.html

Kartsonis A. D. Anastasis: The Making of an Image. Princeton, New Jersey, 1986.

Loerke M.-M.-O. Hollenfahrt Christi und Anastasis. Ein Bildmotiv im Abendland und im christlichen Osten: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwurde der Philosophischen. Regensburg, 2003.

Schiller G. Ikonographie der christlichen Kunst. Band 3. Die Auferstehung und Erhöhung Christi. Guetersloh, 1986.

С. А. ФИЛИПОВА

МЕФИСТОФЕЛЬ ГЕТЕ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (1830—1840)

Известный всему миру шедевр драматургии «Фауст» И. В. Гете и на сегодняшний день остается одним из наиболее сложных для театрального воплощения произведений. Одним из наиболее ярких и интересных образов трагедии является Мефистофель. В статье поднимается вопрос о трудностях постановки «Фауста» и исполнения роли Мефистофеля. Неоднозначность и дьявольское происхождение персонажа, его загадочность и непредсказуемость воспринимаются актерами, режиссерами и критиками практически всегда по-разному. В статье подробным образом описывается становление сценического образа Мефистофеля в 1830—1840-е гг. на основе высказываний известных деятелей культуры и искусства прошлого, сохранившихся до нашего времени, и его видение русскими и немецкими писателями того времени.

Ключевые слова: Мефистофель, «Фауст», Гете, театр, драматургия, литература.

«Фауст» И. В. Гете до сих пор остается одним из самых загадочных произведений мировой драматургии, основные проблемы восприятия которого связаны с образом Мефистофеля, персонажа, который изначально не должен был быть главным действующим лицом, но занял ключевую позицию в пьесе. Так, И. С. Тургенев, разбирая перевод «Фауста» М. Вронченко, указывал на явное родство персонажей: «Сам Фауст — не тот же ли Мефистофель в своем разговоре с Вагнером <...>? Наконец, он, Мефистофель, не есть ли необходимое, естественное, неизбежное дополнение Фауста?.. И не выговариваются ли в его речах задушевные наклонности и убеждения самого Гете? Да и сам Мефистофель часто не есть ли смело выговоренный Фауст?»¹

Сценическое воплощение «Фауста» продолжает ставить неразрешимые вопросы перед литературным и театральным сообществом. Театру XIX в. понадобилось два десятка лет на осмысление трагедии Гете. Так, первую часть «Фауста», опубликованную в 1808 г., немецкая публика целиком увидела только в 1829 г. О первых исполнителях ролей Фауста и Мефистофеля крайне

© С. А. Филипова, 2015. Российский институт истории искусств РАН, Санкт-Петербург, Россия.

¹ Тургенев И. С. Фауст. Трагедия. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Изд. 2-е испр. и доп. Соч. в 12 т. Т. 1. М., 1978. С. 208.

мало свидетельств. Карл Зейдельман (1793—1843) стал одним из первых немецких актеров, который сознательно предпочел Мефистофеля Фаусту, тем самым уловив важнейшую функцию Мефистофеля в трагедии Гете.

В исполнении Зейдельмана это был дьявол деревенский, народный, в какой-то степени привычный, такой, каким его видели зрители во время представлений уличных театров. Роль Мефистофеля впервые была сыграна Зейдельманом в Штутгарте и, по признанию современников, стала одним из лучших отрицательных образов, созданных актером. Известно, что во время гастролей в Веймаре в ноябре 1830 г. за игрой Зейдельмана пристально наблюдал Гете, а позже обсуждал с актером два выдающихся образа в своих произведениях и две не менее знаменитые роли Зейдельмана — Карлоса в «Клавиго» и Мефистофеля.²

Результаты этих бесед неизвестны, однако тот факт, что актер дорабатывал свои образы с течением времени, позволяет предположить, что им могли быть внесены изменения в игру после разговора с Гете. В творческих позициях Гете и Зейдельмана часто находили общие черты, так неизвестный автор брошюры «Карл Зейдельман, листки воспоминаний для друзей и почитателей покойного» в 1843 г. писал, что «Зейдельман был Гете на сцене».³

Однако противники трактовки Зейдельмана упрекали его в расхождении с замыслом Гете, полемизируя и относительно внешней отделки образа, и о внутреннем содержании. Сам актер, говоря о Мефистофеле, достаточно четко очерчивал свою позицию по отношению к автору: «...я строго придерживаюсь описанного самим поэтом внешнего облика и играю соответственно, следуя его духу и внешности, черта, — насколько хорошо или плохо, я, к сожалению, не могу сказать с уверенностью. Но я знаю совершенно точно: я не играю его ни как Тилля Раупаха, ни как Франца Моора, ни как Яго или Ричарда III, ни как Маринелли».⁴

Внешний облик Мефистофеля Зейдельмана подробно передал писатель А. Левальд: «Его костюм — из ярко-алой блестящей материи с желтыми украшениями, плащ из жесткого шелка — травянисто-зеленый; излишне длинную верхнюю часть туловища опоясывает узкая черная португеза. Тело его тонкое, как у осы; пальцы скрючены, как когти; при ходьбе он с аристократической величественностью прихрамывает на лошадиное копыто. Череп покрыт взъерошенными черными волосами, взгляд косой и неприветливый; зубы оскалены, и углы рта вздернуты кверху, выражая жутчайшую иронию; бесформенный нос наклонен к подбородку. Искусственные только этот нос и волосы, все прочее — искусство».⁵

Однако не все критики усматривали в исполнении Зейдельмана искусство. Режиссер и драматург К. Иммерман, не стесняясь в выражениях, говорил,

² *Schlenther P.* Seydelmann Karl // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig, 1892. Bd 34. S. 89.

³ Carl Seydelmann, *Blätter der Erinnerung für Freunde und Verehrer des Verewigten*. S. 13.

⁴ *Seydelmann K.* Karl Seydelmann über seine Auffassung. Brief an einen Wiener, aus Seydelmanns Nachlaß // *Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen* / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954. S. 19.

⁵ Цит. по: *Молодцова М. М., Некрасова И. А.* Театр XIX века: Театр Германии // *История зарубежного театра* / Отв. ред. Л. И. Гительман. СПб., 2005. С. 304.

что «Зейдельман своим inferнальным карканьем, тяжелым дыханием и запи- нанием практически гонит людей из театра».⁶ Однако, по словам театрального критика П. Шлентера, Иммерман и Левальд, говоря о других ролях актера, ут- верждали, что голос Зейдельмана ласкает слух.⁷

Этот факт лишь подтверждает, что для роли Мефистофеля актером была создана особая манера речи. Ее высоко оценил писатель Г. Кюне: «Трудно- стей, с которыми боролся и еще борется Зейдельман, достаточно. Его тяжелый толстый язык путает согласные *p* и *l*, *c* и *ш*; в тяжелейшем волнении часто ло- мается звук его голоса, и что должно звенеть, становится колющимся и ост- рым... У думающего актера и недостатки от природы становятся выигрышны- ми. Зейдельман в роли Мефистофеля не смог бы говорить лучше, чем с этим тяжелым как свинец языком, который он получил от природы...».⁸ Таким обра- зом, то, что Иммерман считал недостатками, Кюне относил к уникальным воз- можностям актера.

Актер, историк театра Э. Девриент также спорил с убеждением Зейдель- мана — играть Мефистофеля как черта из народной легенды. Коллега актера по берлинской сцене писал, что в этой роли Зейдельман производит «отврати- тельное, гротесковое, смехотворное впечатление».⁹ Не менее строг Девриент к партнеру и в своем дневнике (запись от 15 мая 1838 г.), где он в двух словах описывал и игру остальных актеров: «Груа: Фауст, декламировал роль в бес- смысленной выразительной манере, с нарушением всех настроений, даже ак- цента, это превзошло мои ожидания. Рютлинг: Вагнер, совершенно ничего не сделал из застенчивости, без красок. Зейдельман поразил меня непостижимой гримасой в его понимании. Фальшивый нос, длинная подволакивающаяся нога, толстый угнетенный гортанный звук, обстоятельная, вся раскрашенная грубая игра сводили его образ в такую противную материальность, что он на- поминал черта из кукольного театра. Только в течение спектакля, когда он не- много устал от всего этого наносного и вернулся больше к себе в тоне и жест- тах, стало отчетливо видно, что он мог бы играть роль хорошо. Песни были са- мым лучшим во всей роли, тонко, грациозно, иронично, гибко».¹⁰ Кюне писал, что в песне зейдельмановского Мефистофеля «слышалось тайное дыхание ада».¹¹ Песни в исполнении Зейдельмана — единственное, чем единодушно восторгались все критики.

Немаловажен тот факт, что записи Девриента были сделаны в середине мая 1838 г., когда не прошло еще и двух месяцев с момента первого выступле- ния Зейдельмана на берлинской сцене не в качестве гастролера, а как полно- правного члена труппы (4 апреля 1838 г.). Показательно смотрится после та- кой нелестной характеристики запись Девриента о том, что зрители неодно- кратно вызывали Зейдельмана по ходу спектакля.¹²

⁶ *Immermann K.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Büh- nengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954. S. 20.

⁷ *Schlenther P.* Seydelmann Karl. Allgemeine Deutsche Biographie. Bd 34. Leipzig, 1892. S. 89.

⁸ *Kühne G.* Karl Seydelmann // Ibid. S. 23.

⁹ *Devrient Ed.* Karl Seydelmann // Ibid. S. 19.

¹⁰ *Devrient Ed.* Aus seinen Tagebüchern. Berlin—Dresden 1836—1852. Weimar, 1964. S. 40.

¹¹ *Kühne G.* ... S. 23.

¹² *Devrient Ed.* Aus seinen Tagebüchern... S. 40.

Высказывания Кюне и Девриента относятся к 1838 г., поэтому вполне сопоставимы, как и характеристика, данная в 1840 г. писателем и драматургом К. Гуцковым: «За шесть лет я видел многих чертей на сцене, но для меня преимущество остается у Зейдельмана... Я нахожу, что сейчас Зейдельман решает эту задачу более виртуозно, чем семь лет назад, когда для него самого роль была новой. Сейчас она у него в кармане, и он *играет* ее (курсив Гуцкова. — С. Ф.), в то время как раньше он ее *создавал* (курсив Гуцкова. — С. Ф.). Переходы отшлифовались, вся трактовка характера стала легче и проворнее».¹³

Тексты Кюне, Девриента и Гуцкова относятся к последнему берлинскому периоду творчества актера, к тому времени, когда он уже был легендой немецкой сцены. Речь зейдельмановского Мефистофеля критики описывали практически одинаково, как и внешний облик и придуманные актером движения. Но даже при таком единодушии писатель и театральные критик Г.-Т. Ретшер называл это исполнение «высочайшим триумфом драматического искусства»,¹⁴ а Девриент «сожалел только, что Зейдельман лишь из расчета эффекта на большую толпу позволил себе увлечься карикатурой, потому что невозможно, чтобы в воображении такого рассудительного человека гетевский Мефистофель мог действительно отражаться в этом образе».¹⁵

Говоря о недостаточной объективности Девриента, нельзя не упомянуть и о соратниках Зейдельмана. Многие из них состояли в революционно настроенном для 1830—1840 гг. сообществе «Молодая Германия», Гуцков и Г. Лаубе были причислены германским союзным сеймом к числу самых опасных авторов из всей группы немецких писателей. Чуть позже к ним примкнул и Кюне. Все трое были неизменными поклонниками творчества Зейдельмана. В определенной степени актер воплощал на сцене идеи, близкие настроенным против консервативной жизни в стране писателям.

В свете того что обе стороны могли быть не всегда объективны, стоит прибегнуть к мнению современников актера, свободных от внутренних взаимоотношений берлинского закулисья. Известно, что Тургенев высоко оценивал зейдельмановского Мефистофеля, которого видел во время учебы в Берлине (1838—1839) и позже упомянул на страницах повести «Фауст», передавая свои воспоминания герою повести Павлу Александровичу Б.: «Я вспомнил все: и Берлин, и студенческое время, и фрейлейн Клару Штих, и Зейдельмана в роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла, и все, и вся...».¹⁶ По словам театроведа Е. В. Проца, «этот артист, подобно М. С. Щепкину, а потом А. Е. Мартынову в России, разрушал своим искусством ложновеличавую манеру существования на немецкой сцене. Это было чрезвычайно созвучно взглядам Тургенева на театр».¹⁷

То, что убеждения Тургенева были близки позициям немецких младогерманистов, неудивительно, как и то, что он разделял их взгляды на творчество Зейдельмана. В 1830-е гг. Берлин действительно был центром ев-

¹³ Gutzkow K. Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954. S. 24.

¹⁴ Rötcher H.-Th. Seydelmann's Leben und Wirken. Berlin, 1919. S. 209.

¹⁵ Devrient Ed. Aus seinen Tagebüchern... S. 41.

¹⁶ Тургенев И. С. Фауст // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 5. С. 94.

¹⁷ Проц Е. В. Театральные странствия Ивана Сергеевича Тургенева. С. 35.

ропейской научной мысли, об утрате которой Тургенев сожалел спустя несколько лет (в письме от 1 марта 1847 г.): «Даже та юная, новая школа (Молодая Германия. — С. Ф.), которая так смело, с такой уверенностью в свою несокрушимость подняла тогда свое знамя, даже та школа успела исчезнуть из памяти людей <...> Повторяю: литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни, кажется, кончена».¹⁸

Одним из друзей Тургенева по учебе в Берлине был писатель Н. В. Станкевич, в письме В. П. Боткину (от 6 февраля 1839 г.) давший Зейдельману достаточно четкую характеристику: «Ты, может быть, слышал о *Зейдельмане*: это отличный артист и доставляет полное удовольствие в некоторых ролях. Он очень умен — в нем, кажется, совсем нет этого жара, который заставляет актера совершенно сделать своими все интересы действующего лица, хоть на несколько минут, но зато у него и круг ролей, которые не требуют этого. Кроме Michel Perrin, в котором он очень хорош, но в котором, верно, Щепкин перещеголял бы его — я его видел по большей части в роли людей холодных, злых, коварных — здесь он совершенен. Он любит несколько портретировать лица, даже идеальным придавать особенную наружную физиономию. Это стремление не всегда можно оправдать, но как он исполняет такие задачи! Жаль, что репертуар здешний редко дает его таланту возможность обнаружить себя более существенным образом».¹⁹

Литературный критик и мемуарист П. В. Анненков подробно описал Мефистофеля Зейдельмана в «Письмах из-за границы»: «Скажу вам нечто лучшее, а именно нечто о великом актере Германии Зейдельмане. Я видел его в роли Полониуса и в роли Мефистофеля в Гетевом „Фаусте“, который — сказать между прочим — от совершенной бесталанности актера, игравшего самого Фауста, от выпуска многих сцен, от совлечения лирического характера, от частых перемен декораций сделался на сцене весьма похожим на плохую бульварную парижскую мелодраму. Но Мефистофель!.. О, мне ужасно хотелось бы дать вам понятие о Зейдельмане в этой роли <...> Невозможно более отделиться от собственной личности; притом же, он еще создал какие-то особенные ухватки, свидетельствовавшие о его чертовском происхождении: так, он беспрестанно выправлялся, как будто испанская куртка помяла его крылья, ходил неровно и большими шагами, как будто копытцам его неловко в узких башмаках; страшная улыбка, не сходившая с лица с начала до конца пьесы, довершала различие его от окружающих его людей. Но это только наружная отделка роли, внутренняя еще совершеннее. Несмотря на видимую зависимость от Фауста, он господствовал над ним всею силою своего духа, а когда снизошел он до волокитства за старою вдовою, ирония была поразительна. Высокий комизм этой сцены он умерял страшным вожделением, с каким смотрел и приближался к Гретхен, сочетая таким образом глубокое трагическое впечатление с комическим. Из всего этого вы еще ничего не поймете; но у меня Мефистофель, созданный Зейдельманом, стоит до сих пор за плечами».²⁰

¹⁸ Тургенев И. С. Письма из Берлина // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 1. М.: Наука. С. 287.

¹⁹ Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840. М., 1914. С. 493.

²⁰ Анненков П. В. Письма из-за границы // Отеч. зап. 1841. Отдел «Смесь». Кн. III. С. 20—21.

В рецензии Анненкова возникает вполне определенный образ черта, скрывающего свою сущность, прорывающуюся в движениях. Такой актерский портрет свидетельствует о том, что Зейдельманом был тщательно продуман рисунок роли, не только внешний, но и внутренний. Для одних критиков подволакивание ноги, большие шаги, очерченная на лице улыбка были гримасничаньем, для других — искусством, тяжелое звериное дыхание и каркающий голос — одновременно эффектными штучками для зрителей и точным попаданием в людское представление о дьявольской речи. Не забывал актер и об иронической стороне Мефистофеля.

Именно из этого образа позже вышел Мефистофель Т. Деринга (1803—1878), актера, сменившего Зейдельмана сначала в Штутгарте, а потом и в Берлине. В Мефистофеле Деринга было больше реалистических черт, его исполнение вполне созвучно выводам Тургенева о самой сущности гетевского дьявола: «Мефистофель — бес каждого человека, в котором родилась рефлексия; он воплощение того отрицания, которое появляется в душе, исключительно занятой своими собственными сомнениями и недоумениями...»²¹ Так, Деринг был уже не героем народных легенд, а «скептиком, который с саркастическим нигилизмом взирал на мир, ни во что не веря и все презирая с холодным безразличием».²² Возможно, именно с Дерингом связана вторая традиция исполнения этой роли, в которой Мефистофель становится дьяволом-аристократом. В XX в. эта линия будет продолжена Г. Грюндгенсом (1899—1963).

Но и комическая сторона героя, выявленная Зейдельманом, была сохранена Дерингом. Актер и писатель К. Вексель, который видел в этой роли множество немецких исполнителей, вспоминал, что однажды сам слышал, как Зейдельман на репетиции произнес: «Здесь мы сделаем маленькую паузу, потому что здесь точно будут смеяться»,²³ также он называл зейдельмановского Мефистофеля «властелином преисподней».²⁴

По всем рецензиям видно, что остальные персонажи по сравнению с Зейдельманом были бледны, как и сама постановка. Да, актер сильно выделялся из ансамбля со своим чертом из народной легенды, но было ли это проявление эгоизма по отношению к партнерам и заигрывание перед публикой, как считали Иммерман и Девриент, или так проявлялось дарование актера, которое иногда находило чересчур непривычное немецкой сцене воплощение. Зейдельман не скрывал своих притязаний в профессии, тщеславие не было ему чуждым. Возможно, в роли Мефистофеля актер переусердствовал с костюмом и пластическим рисунком роли, но он как художник взял на себя ответственность за созданный им масштабный образ, исполненный в гротесковой манере. И именно такой Мефистофель стал идеалом для целого поколения немецких и русских писателей 1830—1840-х гг.

Дьявольское происхождение Мефистофеля до сих пор одна из самых трудных задач для актеров и режиссеров, в том числе и немецких. Даже в

²¹ Тургенев И. С. Фауст... С. 210.

²² Немецкий театр // Хрестоматия по истории западноевропейского театра: В 8 т. / Под общ. ред. С. С. Мокульского, Г. Н. Бояджиева, Е. Л. Финкельштейн. Т. 4. М., 1964. С. 234—235.

²³ Wexel C. Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen. Berlin, 1954. S. 29.

²⁴ Ibid. S. 28.

спектакле 2004 г. предпочитающего минимализм не только в сценографии, но и в движениях актеров, режиссера М. Тальхаймера, Мефистофель в исполнении С. Леманна периодически одергивается, чешет нос, машет руками, ковыряет в зубах. Так проявляется животная сущность Мефистофеля XXI в. Прямой связи между этими спектаклями, которые разделяет более полутора веков, разумеется, нет, но образ Мефистофеля остается одним из наиболее интересных и сложных во всей немецкой драматургии, и поиск способа сценического воплощения дьявольской сущности этого персонажа продолжается. Далеко не каждый режиссер и сейчас рискнет взяться за этот материал. А в XIX в. «Фауст» пусть и с опозданием, но непременно должен был войти в репертуар, поскольку Гете воспринимался в Германии как первый настоящий немецкий драматург, которого можно было поставить в один ряд с Шекспиром.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков П. В.* Письма из-за границы // Отеч. зап. 1841. Отдел «Смесь». Кн. III. С. 19—21.
- Молодцова М. М., Некрасова И. А.* Театр XIX века: Театр Германии // История зарубежного театра / Отв. ред. Л. И. Гительман. СПб., 2005.
- Немецкий театр // Хрестоматия по истории западноевропейского театра: В 8 т. / Под общ. ред. С. С. Мокульского, Г. Н. Бояджиева, Е. Л. Финкельштейн. М., 1964. Т. 4.
- Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840. М., 1914.
- Проц Е. В.* Театральные странствия Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 2012.
- Тургенев И. С.* Письма из Берлина // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Изд. 2-е, испр. и доп.; соч.: В 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 291—296.
- Тургенев И. С.* Фауст. Трагедия. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко // Там же. С. 195—235.
- Тургенев И. С.* Фауст // Там же. Т. 5. С. 90—129.
- Carl Seydelmann, Blätter der Erinnerung für Freunde und Verehrer des Verewigten. Berlin, 1843.
- Devrient Ed.* Aus seinen Tagebüchern. Berlin—Dresden 1836—1852. Weimar, 1964.
- Devrient Ed.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954. S. 00—00.
- Immermann K.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954.
- Gutzkow K.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954. S. 00—00.
- Kühne G.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954.
- Rötscher H.-Th.* Seydelmann's Leben und Wirken. Berlin, 1919.
- Schlenther P.* Seydelmann Karl // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd 34. Leipzig, 1892. S. 86—92.
- Seydelmann K.* Karl Seydelmann über seine Auffassung. Brief an einen Wiener, aus Seydelmanns Nachlaß // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954.
- Wexel C.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954.

S. A. Filippova

MEPHISTOPHELES GOETHE
IN RUSSIAN AND GERMAN WRITERS' PERCEPTION (1830—1840)

Known around the world masterpiece drama «Faust» of Goethe till today remains one of the most complex for the theatrical production. One of the most colorful and interesting images of the tragedy is Mephistopheles. The article raises the question of the difficulties of «Faust» staging and executing the role of Mephistopheles. Ambiguity and diabolical origin of the character, its mystery and unpredictability are perceived differently by actors, directors and critics. The article describes in detail the formation of the scenic image of Mephistopheles in the 1830—1840th based on the statements of well-known figures of culture and art of the past that have survived till contemporary, and the vision on it by the Russian and German writers.

Key words: Mephistopheles, «Faust», Goethe, theater, drama, literature.

LITERATURA

- Annenkov P. V.* Pis'ma iz-za granicy // Otech. zap. Otdel «Smes'». 1841. Kn. III. S. 19—21.
- Molodcova M. M., Nekrasova I. A.* Teatr XIX veka: Teatr Germanii // Istoriya zarubeznogo teatra // Otv. red. L. I. Gitel'man. SPb., 2005.
- Nemezkiy teatr // Hrestomatiya po istorii zapadnoevropeyskogo teatra: V 8 t. / Pod obsch. red. S. S. Mokul'skogo, G. N. Boyadzhieva, E. L. Finkel'shteyn. M., 1964. T. 4.
- Perepiska Nikolaya Vladimirovicha Stankevicha. 1830—1840. M., 1914.
- Proc E. V.* Teatral'nye stranstviya Ivana Sergeevicha Turgeneva. SPb., 2012.
- Turgenev I. S.* Pis'ma iz Berlina // Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Izd. 2-e, ispr. i dop.; Soch.: V 12 t. T. 1. M., 1978. S. 291—296.
- Turgenev I. S.* Faust. Tragediya. Soch. Gete. Pervoy i izlozhenie vtoroy chasti M. Vronchenko // Tam je. S. 291—296.
- Turgenev I. S.* Faust // Tam je. T. 5. M., 1980. S. 90—120.
- Carl Seydelmann, Blätter der Erinnerung für Freunde und Verehrer des Verewigten. Berlin, 1843.
- Devrient Ed.* Aus seinen Tagebüchern. Berlin—Dresden 1836—1852. Weimar, 1964.
- Devrient Ed.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954.
- Immermann K.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954.
- Gutzkov K.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954.
- Kühne G.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954.
- Rötscher H.-Th.* Seydelmann's Leben und Wirken. Berlin, 1919.
- Schlenther P.* Seydelmann, Karl // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1892. Bd 34. S. 86—92.
- Seydelmann K.* Karl Seydelmann über seine Auffassung. Brief an einen Wiener, aus Seydelmanns Nachlaß // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954.
- Wexel C.* Karl Seydelmann // Deutsche Schauspielkunst. Zeugnisse zur Bühnengeschichte klassischer Rollen / Monty Jacobs, von. Berlin, 1954.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- БАЖЕНОВА**
Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом изданий Академии наук Библиотеки РАН.
- БОНДАРЬ**
Лариса Дмитриевна — кандидат исторических наук, специалист по античной истории и древним языкам, декан переводческого факультета Высшей административной школы при администрации Санкт-Петербурга.
- БУДКО**
Анатолий Андреевич — доктор медицинских наук, профессор, директор Военно-медицинского музея Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.
- ВОЛЬФЦУН**
Людмила Борисовна — старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского научного центра РАН.
- ЕЛИСЕЕВА**
Ирина Ильинична — член-корреспондент РАН, директор Социологического института РАН.
- ИОАННИСЯН**
Олег Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий сектором архитектурной археологии Государственного Эрмитажа.
- ИВАНОВА**
Светлана Валерьевна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник Российского института истории искусств РАН.
- КАГАНОВИЧ**
Борис Соломонович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского научного центра РАН.
- КОЛЧИНСКИЙ**
Эдуард Израилевич — доктор философских наук, профессор, директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.
- КОЗЫРИН**
Игорь Петрович — главный хранитель Военно-медицинского музея Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.
- ЛЕОНОВ**
Валерий Павлович — доктор педагогических наук, профессор, директор Библиотеки РАН.
- МАСЛОВСКАЯ**
Тамара Ивановна — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики.
- НАЗАРЦЕВ**
Борис Иванович — старший научный сотрудник Военно-медицинского музея Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.
- ТУНКИНА**
Ирина Владимировна — доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского научного центра РАН.
- ФИЛИППОВА**
Сусанна Андреевна — театровед, аспирантка Российского института истории искусств РАН.
- ЧЕРНИГОВСКАЯ**
Татьяна Владимировна — доктор биологических, доктор филологических наук, профессор СПбГУ.

СОДЕРЖАНИЕ

I. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ — ИСТОЧНИК РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ГУМАНИТАРИЕВ

<i>Э. И. Колчинский.</i> Идеи В. И. Вернадского об эволюции биосферы в трудах отечественных исследователей	3
<i>И. В. Тункина.</i> Неизданное научное наследие С. Ф. Ольденбурга	19
<i>В. П. Леонов.</i> Иоганн Даниель Шумахер: между Библиотекой, Академией и двором	34

II. АКАДЕМИЯ НАУК В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за двести лет. Публикация <i>Б. С. Кагановича, Л. Б. Вольфун</i>	49

III. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Т. В. Черниговская.</i> Экспериментальное исследование языка и мышления в XXI веке: традиции и возможности	64
<i>И. И. Елисеева.</i> Развитие фундаментальных социологических исследований в Санкт-Петербурге	77

IV. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

<i>А. А. Будко, Б. И. Назарцев.</i> И. П. Павлов и Л. А. Орбели. Новые материалы в фондах Военно-медицинского музея	91
<i>Б. И. Назарцев, И. П. Козырин.</i> Л. А. Орбели и Военно-медицинская академия: по материалам фондов Военно-медицинского музея	99
<i>В. П. Леонов, Н. М. Баженова.</i> Взаимодействие германских и российских академических ученых на Международной выставке книги и графики 1914 г. в Лейпциге как новая форма негосударственного международного сотрудничества историков науки в области книжной культуры	109

V. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Т. И. Масловская, Л. Д. Бондарь.</i> Попытка философского осмысления феномена in-formatio: эссенциальный и экзистенциальный аспекты	120

<i>С. В. Иванова.</i> Догмат о Сошествии во ад в восточной и западной христианских традициях	134
<i>С. А. Филиппова.</i> Мефистофель Гете в восприятии русских и немецких писателей (1830—1840)	141
Сведения об авторах	149

Научное издание

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2014

*Утверждено к печати
Санкт-Петербургским научным центром
Российской академии наук*

Редактор издательства *И. Н. Рабовская*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *Н. И. Журавлева* и *А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Подписано к печати 25.12.2015. Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.4. Уч.-изд. л. 13.6.
Тираж 500 экз. Тип. зак. № 1012

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

ООО «ИПК «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28

ISBN 978-5-02-038450-7

9785020384507